

Чекрасные похороны

ДЖЕЙМИ
МАКГВАЙР

ПЕРЕВОД ГРУППЫ VK.COM/BDISASTER

«Прекрасные похороны»

Джейми Макгвайр

Перевод подготовлен специально для группы vk.com/bdisaster, первого и самого информативного сообщества, посвященного творчеству Джейми Макгвайр.

КОПИРОВАНИЕ БЕЗ УКАЗАНИЯ ССЫЛКИ НА ГРУППУ ЗАПРЕЩЕНО!

Рекомендуем читать данную книгу после прочтения предыдущих романов серии. О книгах Джейми читайте здесь: vk.com/page-10532871_51382499.

АВТОР: Джейми Макгвайр | Jamie McGuire

НАЗВАНИЕ КНИГИ: «Прекрасные похороны» | «A Beautiful Funeral»

НОМЕР В СЕРИИ: Книга #5 в серии «Братья Мэддокс»

ПЕРЕВОД ГРУППЫ: vk.com/bdisaster

ПЕРЕВОДЧИКИ: Thwire, Olswin, AlexDianitta

РЕДАКТОР: Екатерина Ильина

ВЫЧИТКА: Екатерина Янова

АННОТАЦИЯ КНИГИ:

Спустя одиннадцать лет после побега с Эбби в Вегас, специальный агент Трэвис Мэддокс лично разобрался с боссом мафии Бенни Карлиси. Теперь старейший и наиболее жестокий клан Лас-Вегаса готовится к мести, и вся семья Мэддоксов становится их мишенью.

Секрет Томаса и Трэвиса, который братья хранили больше десяти лет, будет раскрыт остальным членам семьи, и впервые мнение Мэддоксов разойдется. Хотя все они переживали потери, семья росла, и риск стал выше, чем когда-либо. Братья и их жены принимают стороны. Каждому члену семьи придется выбирать: позволить страху разделить семью или сделать все, чтобы она стала сильнее.

Оставляйте свои отзывы о книге в обсуждении: vk.com/topic-10532871_34193776.

ГЛАВА 1

Томас

Я сидел на маленьком и холодном диванчике в палате Лииз. Простейшее оформление комнат и стены, выкрашенные в коричневый и голубой цвет, больше напоминали гостиницу, чем роддом. Моя будущая жена выглядела прекрасной и довольной, держа у груди на руках крошечное свернувшееся тельце Стеллы, лежа на той же кровати, где родилась наша дочь. Впервые за последние семнадцать часов я расслабился. Мои плечи опустились, и я выпустил весь запас воздуха из легких. Отсутствие сна никогда не беспокоило меня, но наблюдать, как женщина, которую я любил больше всего на свете, так сильно и так долго страдала, было тяжело.

Лииз явно была измотана. Я разглядел фиолетовые полумесяцы под ее глазами, но, несмотря на это, она была прекраснее, чем когда-либо. Я разрывался, не зная, попросить самому взять Стеллу на руки или подождать, пока она предложит.

Стелла спала на руках матери. Я смотрел, как они безмятежно обнимают друг друга, и чувствовал одновременно покой и потрясение. Стелла была новой жизнью, которую мы создали, идеальной комбинацией двух людей, которые когда-то были друг другу чужими. Теперь же у нее будут свои мысли, чувства и — ведь она наша дочка — собственное мнение. Я думал о всей ее жизни, пока она сонно посасывала грудь Лииз.

И, наконец, мое терпение лопнуло.

— Лииз, — начал я.

Будто все понимая, Стелла оторвалась от груди. Ее головка отклонилась назад, рот приоткрылся. Лииз улыбнулась и осторожно положила малышку на плечо.

— Я могу это сделать, — сказал я.

Лииз улыбнулась, поглаживая и похлопывая крошечную спинку Стеллы. Тело малышки дернулось, и еле слышная отрыжка нарушила тишину темной палаты.

Мои плечи упали. Лииз улыбнулась, слегка посмеиваясь, а затем прикоснулась губами к темным, мягким прядкам волос на голове Стеллы.

— Тебе придется когда-нибудь ее мне отдать, — тихо сказал я. Я подержал дочку всего несколько минут, прежде чем ее забрали, чтобы измерить ее рост, вес и размер ноги. После этого они вернули ее Лииз на полчаса, прежде чем забрать дочку для ее первого купания.

— Станет легче, да? Делиться ей? — Спросила Лииз, только наполовину шутя.

— Надеюсь, что нет, — сказал я с уставшей улыбкой. — Я понимаю, тебе только ее отдали, но я могу поменять ей подгузник и укачать ее.

Лииз задумалась над моими словами и затем кивнула. Вечный переговорщик.

Я встал и пересек комнату, чтобы снова подержать свою дочь у себя в руках. Пока я нес нашу дочку к ее стерильной кроватке, дыхание Лииз выровнялось. Даже в ее личном деле ФБР было указано, что она легко могла заснуть где угодно, хоть за несколько часов до рейда. Ее голова упала на бок. Лииз провалилась в небытие через секунду после того, как наконец-то согласилась отдать мне дочь.

Лииз было комфортнее, когда она все контролировала, но я знал, что она доверяла мне так же сильно, как пыталась сохранить свою независимость. Я был единственным, кому она доверяла свое сердце, особенно сейчас, когда оно жило вне ее тела в форме совершенного существа, пополнившего нашу семью. Мне потребовалось почти десять лет намеков и уговоров, чтобы она согласилась хотя бы рассмотреть мое предложение.

Лииз была счастлива замужем за бюро и не собиралась ему изменять, пока не узнала о беременности Стеллой.

Стелла посмотрела на меня своими голубыми глазками, полными удивления. Она проснулась, когда я взял ее на руки, и с любопытством рассматривала мое лицо, пока я вытирая ее и надевал на нее сухой подгузник. Я старался не морщить нос и разговаривать с ней, пока пеленал ее на мягким одеяльце цвета слоновой кости. Я рассказывал ей, как рад, что она наконец-то у нас появилась. Для совершенного существа, Стелла определенно оставляла слишком много грязи.

Она вытянула шею, и я улыбнулся, убаюкивая её на руках. Мой пиджак, рубашка и галстук висели на спинке кресла. Белая майка и спортивные штаны не подходили для офиса, но заботясь о ком-то меньше меня, я снова почувствовал себя одиннадцатилетним мальчишкой, едва способным держать в чистоте собственные дырявые джинсы и футболку.

Мне не терпелось добраться до дома, чтобы принять душ и прижаться к самым дорогим мне женщинам на планете, отращивая трехдневную щетину в серых штанах и любимой футболке Роллинг Стоунс.

Я услышал короткую потасовку в холле, а затем небольшой шум за дверью. Кто-то шептал недовольным, но уверенным голосом. Я сделал шаг, чтобы встать между Лииз и дверью, а затем повернулся, одновременно следя и за дверью, и за дочкой.

Медсестра вошла в палату, выглядя растрепанной и немного помятой.

— Все в порядке? — Спросил я, оставаясь начеку. Уголком глаза я заметил, что Лииз проснулась и была готова действовать.

— Эмм, конечно, — сказала медсестра, остановившись, когда увидела мою позу. — А здесь все в порядке?

— Что это был за шум за дверью? — Спросила Лииз.

— О, — сказала медсестра, натягивая перчатки, стоя у кровати Лииз. — Это была борьба за право попасть в вашу палату. Эти агенты снаружи очень серьезно подходят к вопросу вашей безопасности.

Лииз расслабилась, и я подошел к креслу-качалке в паре шагов от нее, слегка отодвинув одеяльце Стеллы, чтобы проверить, что дочка в порядке.

— Директор просто хочет, чтобы я как можно скорее вернулась к работе, — сказала Лииз, откинувшись на подушку.

— Этого не случится, — сказал я.

По правде говоря, если бы директору это сильно понадобилась, Лииз могла бы родить и в офисе. Мы завершили наше крупнейшее дело, а Лииз была самым проверенным переводчиком и аналитиком в Куантико. Я вел это дело в течение одиннадцати лет, то есть, больше половины времени моей работы в бюро. Мой младший брат Трэвис участвовал в нем под прикрытием, но когда все пошло наперекосяк, и начали угрожать его жене, Трэвис прикончил Бенни и часть его людей. Эбби передала нам всю имеющуюся у нее информацию на своего отца Мика, еще одну пешку Бенни, благодаря чему мы находились ближе к закрытию дела, как никогда раньше. Заместитель, и по совместительству старший сын Бенни, Анджело Карлиси, должен был сдаться, и сейчас каждый хотел, чтобы расследование поскорее завершилось.

Лииз и я провели в кабинете директора не один час, объясняя ему нашу позицию по поводу пополнения в нашей семье. Риск стал намного выше, заставляя нас как можно скорее все закончить.

— Я просто буду приносить ее на работу. Директор может менять подгузники, — подшутила Лииз.

— Ну да, он бы мог это сделать, — с ухмылкой ответил я.

Медсестре было не до смеха.

— Есть ли шанс, что агенты запомнят мое лицо и вспомнят его через час? Их досмотр утомляет.

Мы с Лииз обменялись взглядами, но ничего не ответили. Мы понимали, что ей было неудобно, но даже больше директора осознавали, что я и Лииз были ответственны за привлечение к ответственности половины семьи мафиози Лас-Вегаса. Смерть Бенни заставила всех понервничать. Мы были главными агентами ФБР по этому делу, у нас вот-вот должен был родиться ребенок, а еще и один из людей Бенни находился под стражей и готов был дать показания. Они уже пытались два раза добраться до нас, поэтому сейчас бюро пыталось предотвратить любую их попытку нам навредить. Мы были под защитой агентов ФБР с тех самых пор, как живот Лииз стал заметным.

— Стелле стоит привыкнуть к тому, что ее родители — спецагенты, — сказал я, отталкиваясь от пола пальцами ног. Кресло-качалка скользнула назад, а затем вперед, и каждое плавное движение сопровождалось тихим поскрипыванием у основания. Я вспомнил, как укачивал Трэвиса, еще совсем маленького и в подгузниках. Его растрепанные волосы, тонкие ножки и липкий след вокруг рта — яркое свидетельство того, что заходил дедушка. Он приносил в кармане пять леденцов и всегда оставлял себе один. Дети ели конфеты, а папа лежал в пьяной отключке в своей спальне, пока я следил, чтобы мальчики не играли на дороге. Я перестал быть ребёнком, когда умерла мама.

Медсестра кивнула, но по ее выражению лица было понятно, что она все равно ничего не поняла. Перед уходом она посмотрела на Стеллу с жалостью в глазах. Я опустил ноги на пол, останавливая кресло.

Стелла завозилась, и я в глубокой задумчивости погладил ее спину. Стеллу полюбили еще до ее рождения. Дома ее ждала прекрасная новая детская с заставленной книгами полкой. Но я никогда не задумывался о том, что кто-то другой будет проявлять симпатию к нашей дочке. Мы были способны выжить и без бюро, но сейчас я начал задаваться вопросом, как все это скажется на Стелле.

— Ты позвонил своему папе? — Спросила Лииз.

— Да, чуть раньше.

— А остальным?

— Я попросил папу дать нам денег. Не хочу сегодня целый день провести на телефоне.

Лииз откинулась назад и закрыла глаза.

— Мне, как единственному ребенку в семье, не приходится об этом задумываться, — пробормотала она, засыпая.

Я набросил толстую ткань на свое плечо и притянул Стеллу к своей груди, придерживая ее головку. Я вновь оттолкнулся от пола ногами, и кресло закачалось вперед-назад. Ритмичное поскрипывание заставляло мои глаза слипаться, и я заметил, что Лииз стала глубже дышать.

Я коснулся щекой мягких волос Стеллы. Она была столь невинна и уязвима. Лииз, как и я, знала о том, что мир, в который мы привели нашу дочь, полон зла. Нашей обязанностью было обезопасить ее.

Я посмотрел на свою спящую девушку, а затем на свою спортивную куртку, прикрывающую висевшую кобуру. Два табельных Сиг-Зауэра 9 мм спрятаны, готовые ко

всему. Я знал, что Лииз тоже взяла заряженный пистолет, положив его в детскую сумку. Я качался вперед и назад, откинув назад голову и стараясь расслабить мышцы в шее. Даже после того, как Стелла заснула, и я положил ее в кроватку, я не мог перестать сканировать каждый звук в коридоре — машина с газировкой, лифты, медсестры у других пациентов, плачущие младенцы, тихие переговоры агентов, работающая вентиляция. В отличие от Лииз, я не мог спать даже тогда, когда хотел. Я потянулся к кувшину Лииз и налил себе стакан воды. Я посплю, когда она проснется. Слишком многое поставлено на карту. Никто из агентов снаружи не будет защищать Стеллу так яростно, поэтому лучше одному из нас все время быть начеку.

Окно покрывалось каплями дождя, пока я в третий раз проверял детскую сумку и подготавливал автокресло, в то время как Лииз подписывала документы, необходимые для выписки. Медсестра наблюдала за нами со сдержанным любопытством, вероятно, наслушавшись сплетен об охраняющих нашу палату вооруженных агентах и других агентах, приставленных сегодня утром для сопровождения нас домой.

Лииз убаюкивала Стеллу одной рукой, пока второй подписывала различные документы. Она была матерью меньше сорока восьми часов, но уже была в этом экспертом. Я улыбнулся ей, и она жестом поманила меня, чтобы я взял Стеллу. Я подошел к ней, стараясь скрыть свое волнение от того, что мне надо держать этого крохотного, нежного человека, которого мы создали.

Я взял Стеллу на руки и пошел к автокреслу, стоявшему на полу.

— Черт, — прошипел я, пытаясь управиться и с ним, и с ребенком, как будто решал сложную головоломку. Стелла не шевелилась, пока я боролся с пятиконечной застежкой и возился с ремнями и подушкой для головы.

— Томас, — сказала Лииз и рассмеялась. — Все идеально. Если ей бы не было удобно, она обязательно бы тебе об этом сказала.

— Уверена? — Спросил я, оглядываясь на Лииз.

Я восхищался ей: с каждым новым шагом наших отношений, когда, казалось бы, она не могла быть более прекрасной, Лииз доказывала мне обратное. В день, когда мы стали вместе жить в Сан-Диего, в день, когда она рассказала мне о беременности Стеллой, в день, когда я наконец-то переехал в Вирджинию, и каждый день, когда я замечал, что ее живот становился округлее и щеки слегка полнели. Каждый раз я чувствовал себя мошенником, подбивая ее выйти за меня. Пока она носила нашего ребенка, затем, когда она родила, и теперь, уставшая, но счастливая, в лучах утреннего солнца, мать моего ребенка была самым прекрасным созданием, что я когда-либо видел.

Лииз усмехнулась.

— Что?

— Ты знаешь, что, — я встал, осторожно приподнимая автокресло. — Готова?

После того, как Лииз кивнула, медсестра подкатила к ее кровати инвалидную коляску. Лииз с несчастным видом пошла к своему виду транспорта. Это была политика больницы, а она избегала лишних споров.

Надев голубую рубашку и серые штаны для беременных, Лиз позволила медсестре повезти ее к выходу из палаты. Я открыл дверь и кивнул агентам Брубейкер и Хайд.

Лииз не смогла сдержать самодовольную улыбку, увидев, что оба агента — женщины.

— Ты знаешь, о чем я думаю, верно? — Спросила она меня.

— О том, что женщины лучше водят и обращаются с оружием, и поэтому ты счастлива, что именно они нас сопровождают?

— Верно, — сказала Лииз.

Брубейкер тоже улыбнулась.

Я проверил Стеллу в автокресле и помог Лииз обустроиться на заднем сидении нашего Шевроле Субурбана, после чего сел за руль и кивнул агентам, чтобы они выезжали. Впереди нас на черном Тахо ехала Брубейкер, позади на такой же машине ехала Хайд. Я закатил глаза.

— Они стараются всем заявить о нас или считают мафию настолько тупой?

— Не знаю, — ответила Лииз, наклоняясь вперед, чтобы взглянуть в боковое зеркало.

— Все чисто? — Спросил я.

— Там что-то вдалеке.

— Что именно? — Спросил я, видя беспокойство в глазах Лииз.

— Пока что точно не знаю.

Я потянулся назад, чтобы погладить ее по коленке.

— Все будет хорошо, мамочка.

Она вытянула шею, чтобы лучше все видеть.

— Пожалуйста, давай не будем одной из тех пар, что называют друг друга папочкой и мамочкой.

Я нахмурился.

— А как еще Стелла узнает, как нас называть?

Лииз вздохнула, на удивление быстро соглашаясь.

— Отлично. Просто... Делай это только рядом с ней, а не в общественных местах.

— Есть, мэм, — сказал я с довольной ухмылкой.

Лииз откинулась назад, как будто бы расслабившись, но я хорошо ее знал. Она продолжала наклоняться вперед, чтобы посмотреть в зеркало заднего вида, а затем склонялась к Стелле.

— Как она? — Спросил я.

— Нам нужно одно из таких зеркал, которые крепят на сиденье автомобиля, чтобы мы могли видеть ее в зеркало заднего вида, — сказала Лииз. — Что, если кто-то из нас будет с ней в машине лишь вдвоем? Нам нужно будет что-нибудь, чтобы следить за ней.

— Хорошо, я запомнил, — заверил ее я.

Она прикрыла глаза, но распахнула их через полсекунды и посмотрела на зеркало заднего вида. Взглянув еще раз, она мгновенно превратилась из уставшей новоиспеченной матери в агента ФБР.

— Белый седан, четыре машины назад. Левая полоса.

Я оглянулся.

— Вижу, — я прикоснулся к передатчику на лацкане. — У нас хвост. Белый седан. Левая полоса.

— Принято, — сказала Хайд.

Брубейкер ответила по радио, и мы едва успели проехать пару миль, прежде чем нам сообщили, что на подходе ещё транспорт. За мгновение до того, как они прибыли на место, седан скрылся.

— Пусть убедятся, что за ним кто-то следит, — сказала Лииз.

— Не волнуйся, — сказал я, стараясь сохранять спокойствие. — Они знают своё дело.

Лииз сглотнула, с трудом держа себя в руках. Став родителями, мы столкнулись с незапланированной проблемой безопасности. Я знал, что часть ее хочет поехать за седаном, задержать преследователей, допросить и закрыть их подальше от нашей хрупкой новой семьи. Но насколько первоочередной была её обязанность как агента, необходимость защищать нашу дочь была сильнее.

Мы проехали оставшиеся пятнадцать минут домой без происшествий, но были не в состоянии наслаждаться первой поездкой с долгожданным пополнением в семье, как обычно делали новоиспеченные родители. Пока мы открепляли кресло, агенты оставались настороже. Хайд и Брубейкер огляделись, периодически говоря в свои маленькие передатчики в ушах, пока мы с Лииз отнесли нашу дочь к порогу. Мы помахали соседям, затем поднялись по ступеням к входной двери. Под тенью навеса я порылся в поисках ключей и поднёс один к замку.

Хайд слегка коснулась моего плеча.

— Сэр, я бы хотела сначала осмотреться, если вы не возражаете.

— Конечно, — сказал я, отходя в сторону.

Всего два дня назад я был бы тем, кто прочесывает дом. Я бы оставил Лииз с агентами, пока проверял каждую комнату, шкаф, каждую дверцу и каждую кровать, прежде чем впустить свою беременную девушку. Но теперь я должен быть рядом с ней и защищать нашу дочь.

Все изменилось меньше чем за двое суток.

Хайд открыла дверь и вытащила оружие. Она держала глок, словно тот был частью её руки, и передвигалась по комнате так осторожно, что я не слышал её шагов.

— Я была так же хороша? — Спросила Лииз.

— Лучше, — ответил я.

— Не пудри мне мозги, Мэддокс.

— Ни за что на свете, агент Линди.

Спустя несколько минут Хайд вернулась, убирая свою пушку в кобуру.

— Все чисто, сэр.

— Спасибо, — сказал я, следя за Лииз в дом.

Лииз глубоко вздохнула, пересекая прихожую, чувствуя себя спокойнее. Я отнёс кресло Стеллы в детскую, аккуратно ставя его на пол. Лииз украсила комнату в серые, серо-голубые, бронзовые и коралловые цвета, без намёка на галстук-бабочку или балерину. Лииз намеренно относила к полу Стеллы нейтрально, даже до её рождения. Кресло-качалка с обшивкой цвета слоновой кости стояла в углу у детской кроватки, квадратная подушка с лисой на синем фоне лежала в центре.

Я отстегнул Стеллу, взял на руки её мягкое тельце и положил на спину в кроватку. Она выглядела такой крошечной по сравнению со своим новым спальным местом.

Все было новым: ковёр, маленький коврик в стиле Санта-Фе, изображение мультишной лисы размера пять на семь, занавески, краска на стенах. До этого комната была красивой и чистой, но пустой. Теперь она была полна нашей любви к новорожденной, которой принадлежала эта комната.

Я пару секунд не сводил глаз со Стеллы, потом мы с Лииз переглянулись.

— Что теперь? — Прошептала она.

Я настроил камеру в детской и жестом позвал Лииз за собой в коридор. Я пожал плечами.

Она тоже пожала плечами.

— Что, — она повторила движение, — это значит?

— Это значит, что я не знаю. Я ожидал хаоса и слез, когда мы приедем домой. Ну знаешь... все те ужасные вещи, что происходят в фильмах.

Лииз улыбнулась и прислонилась к дверному косяку.

— Она совершенство, правда?

— Я отложу своё мнение до двух часов ночи, или до первого раза, когда она наложит мне в руку.

Лииз шутливо толкнула меня локтем. Я поцеловал её в висок.

— Я прилягу ненадолго, — сказала Лииз, потянувшись к видеоняне.

Я схватил её с комода первым.

— Я прослежу. Ты отдохтай.

Она поднялась на носочки, поцеловала меня в уголок губ и коснулась щеки.

— Я так счастлива, Томас. Никогда не думала, что буду себя так чувствовать. Даже передать сложно.

Я улыбнулся ей.

— Тебе и не нужно. Я точно знаю, что ты чувствуешь.

Лииз засеменила по коридору к нашей спальне, оставляя дверь приоткрытой на пару дюймов. Я усмехнулся про себя, отправившись на кухню и открыв посудомоечную машину, которую Лииз только включила, когда у неё отошли воды.

Мой телефон зажужжал в кармане брюк, и я выловил его, приложив к уху.

— Мэддокс, — я стал слушать, подошёл к окну и отодвинул занавеску. Моё сердце оборвалось.

— Вы же не серьёзно, — сказал я. Пока я слушал инструкции директора, в моих жилах застыла кровь. — Так ваш план — это позволить им стрелять в меня?

— Они уже стреляли в Трэвиса.

— Что? Он в порядке? — спросил я, и волосы на затылке встали дыбом.

— На плече содрана кожа, и есть пара ссадин. Они столкнули его машину с дороги. — Директор прочистил горло, ему неудобно было говорить следующие слова. — Целились в Эбби.

Я сглотнул комок, образовавшийся в горле.

— Откуда вы знаете?

Трэвис был за рулем её внедорожника. В машине стрелка были данные о наблюдении за всеми легкими мишениями, в том числе и Эбби.

— Под легкими мишениями вы подразумеваете...

— Членов твоей семьи, Томас. Мне очень жаль.

Я выдохнул, стараясь оставаться спокойным. Если у них были фото со слежки, то Трэвис был у Карлиси на крючке некоторое время. Они следили за моей семьёй, находились достаточно близко, чтобы фотографировать. Это объясняет допрос Трэвиса в Вегасе. Мы думали, Трэвис каким-то образом запорол своё прикрытие, которое привело к импровизированному похищению и избиению, пока они пытались получить больше информации, но все это на самом деле было спланировано.

— Их засекли?

Директор помолчал.

— Внедорожник Трэвиса врезался в дерево на большой скорости. Они вернулись, чтобы закончить дело, но не ушли. В семье Карлиси теперь на трое крепких мужчин меньше. Бобби Рыба. Упрямец Никко. Вито Карлиси.

— Сын Бенни. Это значит, что у Карлиси осталось всего два возможных приемника.

У Бенни было семеро детей, но только три сына. Старший, Анджело, был замом главаря, остальные двое претендовали на эту должность. Бенни был старых понятий, и он передал сыновьям и своей криминальной семье, что только мужчины могут унаследовать его преступную империю. Я надеялся, что если они останутся без приемника Карлиси, то все, что построил Бенни, развалится.

— Трэвис позаботился об этом, — сказал директор.

— Ну конечно. — Мои мышцы расслабились. То, что могло стать полной катастрофой, на самом деле сыграло в нашу пользу. Я должен был догадаться: если кто-то замахивался на Трэвиса, он всегда убеждался, что это не повторится. Даже если это были трое профессиональных наемников семьи Карлиси.

— Младшего из сыновей Карлиси, Винченцо, и двоих других головорезов отследили до серого Ниссана Альтима. Они сейчас направляются к тебе. Вероятно, они уже знают о смерти Вито.

— Едут сюда? Сейчас? — Спросил я, оглядываясь на спальню Стеллы. — Что насчёт шальной пули? А если срикошетит? Мы позволим им припарковаться у меня во дворе, когда в доме мои жена и дочь? Сэр, мы играем с огнём.

— А ты можешь придумать другой план в следующие восемь минут?

Я нахмурился.

— Нет, сэр.

— Хайд будет у черного входа в дом и даст Лииз и Стелле бронежилеты. Это наш единственный шанс. Последнее слово за тобой, но...

— Я все понял, сэр.

— Уверен?

— Вы правы. Все должно так и случиться. Я выиграю нам время.

— Спасибо, агент Мэддокс.

— Спасибо, директор.

Дверь в спальню открылась, и боковым зрением я увидел Лииз, прислонившуюся к дверному косяку и прижимавшую к уху телефон. Они ей тоже позвонили.

— Но мы просто... Они не могут знать... — Она вздохнула. — Я понимаю. Конечно, я согласна, но... да, сэр. Я понимаю, сэр. — Она посмотрела на меня со слезами на глазах, прочистив горло прежде чем снова заговорить. — Считайте, что уже сделано, сэр.

Телефон выпал из ее руки на пол, а глаза расфокусировались. Я поскорее пересек комнату, чтобы обнять ее. Я собирался сделать это нежно, но понял, что слишком сильно сжал ее.

— Не могу поверить, что это происходит, — сказала она голосом, приглушенным моей грудью. Ее пальцы впились мне в спину.

— Хотелось бы, чтобы все было по-другому, — начал я.

— Трэвис в порядке? — Спросила она. Ей уже кратко обо всем рассказали, но я был уверен, что ей нужно было услышать это от меня. Я бы не приукрасил действительность только потому, что она только что родила, и она это знала.

— Его немного задело. У них на три головореза меньше.

Она выдохнула со смехом, а затем подняла подбородок, и в ее глазах мелькнуло понимание.

— Я должна буду сказать им, верно? Это придется сделать мне.

Я заколебался, переполненный противоречивыми эмоциями. Я не хотел заставлять ее через это проходить. Мои брови сползлись к переносице.

— Карлиси просто отправят больше людей, Лииз. Знаю, это рискованно... но ты должна.

Она покачала головой.

— Я не могу. Я...

Я скжал зубы, стараясь держать себя в руках и оставаться сильным ради нее. Я стиснул в руке ее подбородок.

— Все будет в порядке. Ты можешь это сделать.

Ее грудь опустилась, и она вздохнула.

— Как я могу это с ними сделать?

Она коснулась своего лба, в неверии качая головой.

— Мы делаем то, что должны. Как и всегда.

Лииз оглянулась на детскую.

— Но на этот раз на кону стоит гораздо больше.

Я посмотрел на часы и вздохнул.

— Мне надо собраться и сделать несколько звонков.

Она сжала губы и кивнула.

— Я помогу тебе.

Стелла завозилась, и я чуть было не передумал.

— Это уже слишком. Неправильно оставлять тебя с ней одну. Ей едва исполнился день, а ты здесь в одиночестве...

Она обняла меня.

— Я не буду одна.

Я крепко обнял ее, вдыхая запах ее волос и запоминая ее мягкую кожу.

— Я не могу... Я не могу попрощаться с ней, — сказал я. Мое сердце несколько раз разбивали, но это была настоящая пытка. Я уже полюбил эту крошечную девочку в колыбели, и оставить ее будет сложнее, чем что бы то ни было.

— Так не прощайся.

Я кивнул и зашел в детскую, наблюдая за легким дыханием Стеллы, которая лежала в пеленках и счастливо мечтала о тех вещах, о которых мечтают новорожденные — сердцебиении Лииз, моем тихом голосе. Я наклонился и прижался губами к ее густым темным волосам.

— Скоро увидимся, любовь моя. Папочка тебя любит.

Я прошел через комнату и натянул на себя жилет, пока она смотрела на меня грустными глазами. Я запихал одежду и туалетные принадлежности в сумку и поднял телефон, набирая номер Трентона. Я старался непринужденным голосом сказать ему, что мы приедем раньше, чем планировали. Мне потребовалось меньше пяти минут, чтобы сделать все, чтобы собраться.

— Кто снаружи? — Спросила Лииз, когда я закончил говорить с Трентоном.

— Дастин Джонс и Кэнтон, — сказал я, надевая куртку.

— Брент Кэнтон? — Уточнила она. Когда я кивнул, она с облегчением вздохнула. Они были лучшими снайперами в бюро.

— Им лучше не промахиваться, — бросила она.

— Они и не будут, — сказал я. Я надеялся, что они не промажут. Я доверял им всю мою жизнь. Я крепко обнял Лииз, а затем прижался к ее губам, надеясь, что делаю это не в последний раз.

— Когда мы увидимся снова, я попрошу тебя стать моей женой, и на этот раз ты скажешь да.

— Убедись, что мы снова увидимся, — ответила она.

Хайд открыла входную дверь.

— Тридцать секунд, сэр.

Я кивнул ей, схватил ключи от машины и в последний раз взглянул на Лииз, прежде чем закрыть за собой дверь.

ГЛАВА 2

Тэйлор

— Выше голову, приятель! Держу пари, она будет дома к концу смены, — сказал Джубал, наблюдая за тем, как я загружаю белье для стирки.

— Ты говоришь так каждую смену, с тех пор, как она ушла, — проворчал я, встряхивая пару темно синих брюк карго, которые начали выцветать.

Когда Фэйлин занималась стиркой, она умудрялась делать так, что все вещи месяцами казались новыми. Я готовил ужин и выкидывал мусор, она же стирала вещи и мыла посуду, а заботу о детях мы делили поровну. Холлис и Хэдли родились с разницей в четыре месяца и во многом были похожи на близнецов. Один из нас удерживал брыкающиеся ножки и стягивал подгузник, второй в это время протирал ребенка и сыпал присыпку. Я возил Холлиса на занятия по футболу, а она ездила с Хэдли на волейбол. За десять лет мы стали работать как хорошо смазанный механизм. У нас даже были отработанные до совершенства ссоры: сначала мы ругались, потом разговаривали, а затем занимались примирительным сексом. Теперь, когда она ушла от меня, мне не с кем было идти на компромисс, не с кем делить обязанности ухода за детьми, не для кого готовить ужин на четверых. Уже два месяца, с тех пор, как она с детьми переехала обратно в Колорадо Спрингс, я сам занимался стиркой, и мои брюки выглядели дерымово. Еще одна причина скучать по ней.

Я сложил брюки и повесил на штангу в шкаф. Я уже четыре года не был в горах, чтобы выкапывать противопожарные просеки. Моё пребывание дома только шесть месяцев в год подорвало наш брак, так что я отложил свой пожарный топор и нашёл работу в городской противопожарной службе.

В конце концов, было неважно, что я сделал. Фэйлин не была счастлива.

— Как детям в новой школе? — Спросил Джубал.

— Им не нравится.

Джубал вздохнул.

— Я думал, будет ли это тяжело для Холлиса. Я удивлен, что ты позволил ей забрать его.

— Разделить их? Нет, — сказал я, мотая головой. — К тому же, она его мать. Несмотря ни на что. Было бы неправильно сейчас говорить что-то о кровном родстве.

Джубал кивнул.

— Это точно. — Он похлопал меня по плечу. — Ты хороший человек, Тэйлор.

Я нахмурил брови.

— Недостаточно.

Зазвонил мой мобильный. Я приложил его к уху, и Джубал кивнул, уже зная, что мне нужно уединиться. Он ушел в другую комнату, и я провел пальцем по экрану, принимая вызов.

— Привет, дорогая, — сказал я.

— Привет. — Фэйлин было неудобно из-за всех этих нежностей, будто мне должно быть все равно, что с ней, раз она ушла от меня.

Правда в том, что я пытался кричать. Пытался злиться. Я просил и умолял, и даже закатывал истерики, но все это лишь больше оттолкнуло ее. Теперь я больше слушал, реже выходил из себя. Мои братья это поняли раньше. И их жены все еще были с ними.

— Я как раз думал о тебе, — сказал я.

— О, правда? — Спросила она. — Я звоню, потому что... У Холлиса не все хорошо. Он подрался сегодня.

— Подрался? Он в порядке?

— Конечно, в порядке. Ты научил его защищаться. Но он изменился. Он очень злится. Слава Богу, что это был последний день перед летними каникулами, или его бы исключили. Они еще могут это сделать. Тэйлор, я думаю... — Фэйлин вздохнула. Она была в такой же растерянности, как и я, и это было одновременно болью и облегчением не переживать это в одиночестве. — Думаю, я совершила ошибку.

Я задержал дыхание, надеясь, что она наконец скажет, что возвращается домой. Неважно, по какой причине. Как только Фэйлин вернется, все встанет на свои места.

— Я надеялась... может...

— Да? То есть да, все что угодно.

Она снова сделала паузу. В эти секунды тишины я словно тысячу раз умирал. В ее голосе читалось все. Она знала, что если позвонит, то даст мне надежду, но этот разговор был о детях, не обо мне. И не о нас.

— Я надеялась, ты будешь не против мне помочь найти дом в Эстес. У тебя там больше связей, чем у меня. Будет сложно найти трехкомнатную квартиру. Дети слишком взрослые, чтобы делить одну комнату.

Я сел на кровать, чувствуя, будто из меня выбили дух.

— А ты не можешь просто... вернуться сюда? Детские готовы для въезда. И здесь все знакомо. Я хочу, чтобы ты вернулась. Это не обязательно должно означать нечто большее, чем если бы ты сняла собственный дом. Я буду спать на диване.

На другом конце провода повисла длинная пауза.

— Я не могу, Тэйлор. — Она казалась уставшей. Ее голос звучал ниже, чем обычно, был измотанным.

Раньше бы я стал умолять, но это бы просто спровоцировало очередную ссору. Сейчас все было ради наших детей, о наших же отношениях я подумаю позднее.

— Фэйлин... Возвращайся с детьми в наш дом. Я найду себе квартиру.

— Нет. Это же я ушла от тебя. Я найду жилье.

— Детка, — начал я, но даже через трубку ощущал ее дискомфорт. — Фэйлин. Дом в твоем распоряжении. Я сообщу в школу, что дети туда вернутся в следующем году.

— Правда? — Спросила она срывающимся голосом.

— Да, — сказал я, потирая шею. — Нет смысла мне жить одному в этом большом доме, а тебе с детьми ютиться в квартире.

— Спасибо, — она всхлипнула. — Дети будут так счастливы.

— Хорошо, — сказал я, выдавливая улыбку. Я не был уверен, зачем. Она не могла меня видеть. — Хорошо, я рад.

Она с облегчением выдохнула, и по шороху в трубке я понял, что она скорее всего вытирает слезы.

— Ладно, в таком случае я... Я пойду собирать вещи.

— Тебе нужна помощь? Позволь мне помочь тебе.

Квартира, которую она нашла в Колорадо Спрингс, была уже с мебелью, так что ничего тяжелого перевозить не требовалось, но я отчаянно хотел вернуть то, что было между нами.

— Нет, мы справимся. У нас не много вещей. Нет ничего тяжелого.

— Фэйлин. Позволь мне хотя бы помочь упаковать вещи детям. Я их две недели не видел.

Она задумалась на секунду, снова всхлипывая. Кажется, она взвешивала все за и против. Ей приходилось думать над выбором дольше последнее время, она принимала решения только после того, как имела достаточно информации. Мне тоже следует так делать. Я отчасти думал, она скажет, что ей надо подумать и что она перезвонит, но последовал ответ.

— Хорошо.

— Правда?

— Я собиралась сегодня рассказать детям. Хочешь присутствовать при этом? Не знаю, как они это воспримут...

— Я приеду, — без промедления ответил я. Над некоторыми вещами не требовалось долго размышлять.

Мы завершили звонок, и я сглотнул образовавшийся в горле ком. Я не осмелился сказать ей, чего хочу. Я надеялся, что как только она вернется, мы сможем начать работу над ошибками. В этот раз я бы пообещал не давить слишком сильно и не опережать события, я бы показал ей, что изменился.

Я схватил телефон двумя руками и приложил его ко лбу, повторяя про себя, что должен держать себя в руках и ничего не испортить на этот раз. Самое страшное, если твой худший враг — это ты сам. Даже когда я хотел поступить правильно, мне приходилось бороться с самим собой. Я всегда был эмоционален, а расплачивались за это мои близкие. Они видели, как во мне росло напряжение, и я срывался, даже если вспышка

гнева длилась всего несколько секунд. Раньше я не пытался вырасти или перебороть это, и после стольких лет Фэйлин было не так легко простить меня, а я не мог ее за это винить.

— Ты закончил? — Спросил Джубал. Я поднял голову и кивнул, прилагая все усилия, чтобы стереть страдальческое выражение лица. — Командир хочет поговорить.

Я запястьем вытер нос и встал, делая глубокий вдох. Все мои мышцы были перенапряжены. Я знал, что будет дальше. Командир все утро был на встречах с другими командирами смены, начальниками и городским советом, и все из-за меня.

— Тэйлор? — сказал Джубал, когда я проходил мимо него.

— Да? — Я повернулся к нему, раздраженный тем, что он прервал мою внутреннюю подготовку к тому, что произойдет в кабинете командира.

— Ты должен избавиться от этой раздражительности и немного успокоиться, прежде чем зайти туда. У тебя и так довольно проблем. И ты точно не сможешь вернуть ее, если у тебя не будет работы.

— Это уже не важно. У меня ничего не выходит с тех пор, как она ушла.

Джубал скривился, не впечатленный моей нескромной жалостью к самому себе.

— Если ты перестанешь так много времени тратить на самобичевание, то сможешь освободить свою голову и сердце, чтобы придумать выход из ситуации.

Я подумал о его словах и кивнул, глубоко вздохнув. Как всегда, Джубал был прав.

Когда я постучался и вошел, командир говорил по телефону. Он поднял указательный палец и указал мне на одно из двух оранжевых кресел у его стола.

Я сделал, как он сказал, переплетя пальцы на животе и подергивая ногой. Офис не сильно изменился с тех пор, как он его перенял; те же фото висели на стенах, а кнопками на различных досках по всей комнате были прикреплены информационные постеры. Отличались только фото в рамке на столе, табличка с именем и сам командир.

КОМАНДИР ТАЙЛЕР МЭДДОКС

— Звал? — Спросил я, когда он положил трубку. Я взял со стола нашу фотографию с папой, мы все стояли бок о бок, обнимая друг друга и выглядя счастливыми. Томас выбивался из общей картины отсутствием татуировок, более длинными и светлыми волосами и желтоватыми глазами, отличающимися от доставшихся нам всем глаз дермового коричневого цвета.

— Если кто посмотрит на это фото, подумает, наверное, что он сын нашего молочника. Только хорошо знающие нас люди понимают, что он похож на маму.

Лицо Тайлера скривилось.

— Знаю, ты мне уже это говорил, Тэйлор, но повтори еще раз. Скажи, что ты не знал, кем он был, когда ударил его.

Я старался не оправдываться, но было трудно сдерживаться, когда он спрашивал, почему я вырубил сына мэра, когда тот дотронулся до задницы моей жены в баре. Тайлер, как и

я, отлично понимал, что сделал бы то же самое. Мэддоксы не спрашивают влиятельность человека, прежде чем поставить его на место.

— Мэр переехал сюда пару лет назад, — сказал я. — Как я должен был узнать, кто его придурак-сын?

Тайлер все еще хмурился.

— Тэйлор, это не просто переделка. Я понятия не имею, как помочь тебе выкрутиться в этот раз.

Я наклонился вперед, поставив локти на колени.

— В этот раз? Ты ведешь себя так, будто всю мою жизнь тебе приходится меня спасать. По-моему, мы с тобой оба делаем это друг для друга.

Плечи Тайлера упали.

— Ладно, в таком случае, сейчас моя очередь, и ты меня добил. Мои руки связаны.

— Может, этому уроду не следовало лапать задницу моей жены.

Тайлер откинулся назад, начиная раздражаться.

— Он споткнулся.

Я сжал зубы и нервно схватился за стул, стараясь не наброситься через стол на своего брата.

— Перестань повторять эту лживую херню, Тайлер. Я видел это собственными глазами, как и половина бригады. Джубал, Зик, Шугар, Ерей, Кот и Портер, все рискнули своей работой, чтобы поручиться за меня. Они знали, что мэр хотел, чтобы они сказали совсем другое.

Тайлер с минуту смотрел на меня, после чего выражение его лица смягчилось.

— Я знаю. Прости.

— Так... что? Я уволен? — Спросил я.

— Мы оба.

Мои брови сползлись к переносице.

— Ты это о чём? Они не могут этого сделать, черт возьми. Как они посмели?

— Это не *они*. Я подал в отставку сегодня утром. Похоже, это последний день для нас обоих.

Моя грудь сжалась, и я с неверием выдохнул.

— Ты надо мной издеваешься?

Тайлер покачал головой.

— Мы начали вместе. И все делаем вместе, верно?

Я покачал головой, чувствуя, как щипет в глазах. Я вспомнил, как гордился Тайлер, когда ему сообщили о повышении, как гордилась Элли, и как счастливы мы были,

отмечая это в ту ночь. Он идеально подходил для этой работы. Тайлер заботился о парнях так же, как заботился обо мне.

— Ты этого не заслуживаешь, ведь ты так упорно трудился ради этого кабинета.

Тайлер встал и обошел вокруг стола. Он протянул руку и, когда я взял ее, дернул меня вверх, поставив на ноги.

— Это просто кабинет. А ты — мой брат.

Он обнял меня, и моя голова опустилась на его плечо. Все внутри сжалось, и я сдерживал всю боль и обиду, что чувствовал с тех пор, как ушла Фэйлин, а я потерял работу; вину за то, что Тайлер тоже её лишился; я держал все это внутри, чтобы оно не вырвалось из меня неконтролируемым всплеском эмоций.

— Думаю, мы можем перестать лгать папе и действительно стать страховыми агентами.

— Он сгибом руки схватил меня за шею и прижал к себе, костяшками пальцев свободной руки уперевшись мне в голову. — Да ладно. У нас все будет нормально. Давай расскажем обо всем парням.

— Эй, эмм... — Начал я. — Мне надо будет побыстрее найти новую работу.

— Почему?

— Фэйлин возвращается с детьми.

У Тайлера отвисла челюсть, и он отступил назад, слегка ударяя по моей руке кулаком.

— Братец, ты серьезно? Это же потрясающе!

Я перенес вес на другую ногу, скрещивая руки на груди.

— Детям не нравится в Спрингс. Я сказал ей, чтобы она забирала дом.

— Ох.

— Так что я теперь ищу квартиру.

Он скривился.

— Не такие хорошие новости, как я надеялся.

— Как и я.

Тайлер положил руку мне на плечо.

— Хочешь пожить у нас с Элли?

— Неа, — сказал я. — Хотя спасибо за предложение.

— Вы, ребята, любите друг друга. У вас все получится.

Я опустил глаза, по всему телу пробежали мурашки.

— Если она меня любит, то почему бросила?

Тайлер призадумался, крепко вцепившись в меня рукой.

— Мы же чокнутые. Женщинам, которые нас любят, надо быть сильными. И... иногда надо кого-то потерять, чтобы в конце концов найти в себе мужество стать тем, кого этот человек заслуживает.

Моя грудь сжалась, и из меня вышел весь воздух, как будто Тайлер только что меня ударил. Правда обрушилась на меня, будто я пронзил себя собственным мечом.

— Просто... не говори никому, что она возвращается, — сказал я. — Я хочу попытаться хотя бы несколько раз спокойно с ней поговорить, прежде чем сынок мэра об этом узнает. Высокомерный придурок.

— Тэйлор, он не сможет увести у тебя жену. Ведь он ей не нужен.

Я скривился.

— Я ей тоже не нужен.

— Это все бред, и ты прекрасно это знаешь. Все мы в какой-то момент пересмотрели свои ориентиры и поняли, что наши жены устают от нашего дерьяма. Мы изменились, и теперь у нас все хорошо. Просто ты понял это слишком поздно.

— Что-то типа того, — проворчал я, пока мы шли к спальням.

Мы остановились около крайнего ряда кресел. Все места были заняты ребятами из нашей смены — бывшими борцами с лесными пожарами, как и мы. Все они сидели в ожидании сигнала тревоги, чтобы получить очередную порцию адреналина и ощущения власти, которые появлялись у нас при борьбе с чем-то непобедимым и бесчеловечным и, главное, победе над ним.

Тайлер посмотрел на меня и кивнул в сторону команды. Я стиснул зубы и уставился в пол с чувством стыда, мне было невыносимо от чувства, что я сумел подвести свою пожарную семью.

Джубал выпрямился с пониманием в глазах.

— Что за чушь! Не могу в это поверить.

— Я, — прежде чем я успел договорить, изо всех динамиков в здании раздался сигнал тревоги. Мы ждали, пока диспетчер, Соня, сообщит нам о местонахождении и характере пожара, на который нас вызывали.

— Сработала сигнализация на складе Хикари, Северная улица Линкольна, 200. Возможны заложники.

— Внутри? — Спросил я. — Он много лет пустовал.

— Черт возьми, — сказал Джубал. — Нет, не пустовал. Семья Хикори сдала его в субаренду мебельной компании «Marquis Furniture» пять лет назад или около того. Они его полностью заполнили.

— Нам понадобятся лестница и два более мощных двигателя. Всем приготовиться! — Сказал Тайлер и положил руку мне на плечо. — Поехали со мной. В последний раз.

Мои брови сошлись на переносице.

— Я сказал Фэйлин, что встречусь с ней в Спрингс сегодня, чтобы помочь собраться детям.

Тайлер понимающе усмехнулся.

— Нет проблем. Зарплата здесь все равно деръмовая, так что ты хоть перестанешь ныть, верно?

Я улыбнулся в ответ без особого энтузиазма, наблюдая, как мой брат-близнец схватил свой командирский шлем, куртку и ключи, прежде чем побежать на стоянку машин скорой помощи, где был припаркован его грузовик.

Остальные побежали за ним к пожарным машинам и скорым, и я остался в одиночестве, чувствуя напряжение в челюсти. У меня было плохое предчувствие.

— Проклятье, Тайлер, — пробормотал я, выбегая за своим снаряжением. Я быстро натянул одежду, схватил шлем и открыл дверцу его машины прямо перед тем, как Тайлер начал трогаться с места.

Тайлер нахмурившись посмотрел, как я натягиваю ремень безопасности.

— Что ты делаешь, придурок? Иди возвращать свою жену.

— Последний раз, — сказал я, откидываясь назад и напуская на себя веселый вид.

Он дал газу и повёз команду на окраину города так быстро, что рев наших сирен звучал где-то позади.

Он уже связывался по радио с другими командами, которые были на подходе, и сообщал диспетчеру, что нужно перекрыть любой путь населению туда или обратно. Мы все знали, что пожар на складе будет скверным, но я видел проблеск тревоги в глазах брата. У него было то же плохое предчувствие, что и у меня.

Тормоза грузовика Тайлера завизжали, и из-под колес полетел гравий, когда он затормозил перед складом. Южная часть сооружения практически полностью была объята пламенем. Я опустил стекло в своей дверце и даже на расстоянии нескольких десятков метров почувствовал тепло на лице. Пламя поднималось в небо, освещая все вокруг, пожирая и переваривая сталь и древесину, которые пережили пять поколений суровой погоды Колорадо.

Тайлер наклонился вперед, прижавшись к рулю, чтобы лучше все рассмотреть. Ему пришлось перекрикивать рев оранжевого монстра.

— Это огроменная хреновина!

Он передал по радио запрос на перекрытие дорог, ведущих к складу. Наличие постоянного водяного напора уже могло быть проблемой. Не хватало еще, чтобы шланги переехал транспорт.

Впервые мне стало не по себе от вида огня.

— Тайлер, у меня плохое предчувствие.

Он с шумом выпустил воздух.

— Прекрати, старик. Ты слишком вредный, чтобы умереть.

Я посмотрел на огонь.

— Надеюсь на это. Я не обнимал жену три месяца.

ГЛАВА 3

Тайлер

— Это будет гореть еще несколько дней, — сказал я, открывая дверь машины.

— Лучше мне позвонить Фэйлин, — сказал Тэйлор. — Сказать ей, что я все-таки не приеду сегодня.

Мы оба вылезли из грузовика, встав по бокам капота. Я указал на него пальцем.

— Черт, даже не смей. Мы обуздаем эту голодную шлюху, после чего ты поедешь и поможешь собраться моим племяннице и племяннику, а потом привезешь их в ваш дом.

Тэйлор посмотрел на свои часы, подбегая к пожарной машине.

— У меня есть два часа!

Я взглянул на склад и крикнул брату в ответ:

— Она не потушится, но мы можем контролировать ее!

Джубал и Шугар уже побежали к огню, волоча за собой на первый этаж шланг, в то время как Зик и Кот помогали им снаружи. Джубал нес с собой ТИС — тепловизионную камеру, чтобы определить местоположение огня и возможных людей внутри.

— Вторая лестница, подождите, — сказал я в передатчик. — Давайте очистим здание, прежде чем начнем тушить.

В динамике послышался голос Еврея.

— Понял.

— Нам будет нужна вентиляция, — сказал Джубал по передатчику.

Я жестом показал Тэйлору сделать то, о чем попросил Джубал.

— Понял, Джубал. — Я выключил передатчик. — Тэйлор, дай мне вертикальную вентиляцию. Со всей этой мебелью, выполняющей роль топлива... — Я замолчал, чувствуя тревогу.

— Высок риск взрыва, — сказал Тэйлор, заканчивая мое предложение.

— В таком случае давай удостоверимся, что правильно будем вентилировать, — сказал я. Горящее топливо, будь то углеводороды ^[1] или естественная растительность, например, древесина, при определенной температуре выделяли газ. И когда этот газ начинал гореть от перегретого огнем воздуха, был риск самовозгорания, что означало смерть всех рядом находящихся пожарных. Кроме того, склад, полный взрывоопасных веществ, шин или разнообразной мебели, был опасным соперником любой пожарной бригаде, и я понял, что мой последний пожар будет моим крупнейшим вызовом в должности командира.

^[1] Углеводородное горение — возгорание легковоспламеняющихся материалов с большим потенциалом выделения тепловой энергии (нефтепродуктов, химикатов, органических летучих веществ, газов).

Я смотрел, как мой брат уходит, и почувствовал, как свело мой желудок.

— Тэйлор! — Он остановился. — Подожди. Пригляди здесь за всем. Я сам это сделаю.

— Но... — Начал Тэйлор.

— Я сказал, что сам сделаю! — Зарычал я. Схватив с машины топор, я побежал к пожарной лестнице, чтобы вырезать отверстие в крыше. Я дал знак Портеру последовать за мной к машине с лестницей. — Возьми пилу! — крикнул я ему.

Он нахмурился, сбитый с толку, почему командир бежит к лестнице вместо того, чтобы оставаться на земле и за всем следить.

Мы поднялись на платформу, и я помахал водителю, показывая, что мы были готовы. Шестеренки заскрипели, пока лестница поднимала нас на высоту пятнадцати метров. Жар от огня порывами ветра кидало в мое лицо, все вокруг превратилось в раскаленные угли.

Меня захлестнула ностальгия, и я постарался запомнить этот момент, потому что потом буду скучать по этим ощущениям. Я любил пожарные машины с самого детства, и я не понимал, как буду жить без прилива адреналина, когда ты бежишь в горящее здание, в то время как все остальные бегут из него.

Портер закрыл глаза и сглотнул. Даже под всей его экипировкой я видел, как тяжело он дышал.

— Ты же не боишься высоты, Портер?

Он покачал головой. Его щеки указывали на то, как он молод. Портер присоединился к нашей бригаде в Эстес Парк сразу после учебы четыре месяца назад, мы даже не успели придумать ему прозвище.

— Нет, сэр, — сказал он. — Точнее, да, сэр, но я выполню свою работу.

Я хлопнул рукой по верхушке его шлема.

— Я только что придумал прозвище для тебя, Портер.

Его лицо просияло.

— Да?

— Медоед^[2].

^[2] Медоед — медовый барсук.

Портер выглядел смущенным.

— Знаешь что-нибудь о медоедах, Портер? Они едят кобр. Им на все пофиг.

Широкая ухмылка расползлась по его лицу, но он быстро собрался, когда лестница резко остановилась.

— Нам пора, — сказал я, перелезая на крышу. Я постучал по ее поверхности прикладом топора, чтобы убедиться, что крыша не начала тлеть, прежде чем полностью перенести вес.

— Ну и как? — Спросил Портер.

— Надежно, — ответил я, осторожно шагая вперед. Еще несколько раз проведя такой тест своим топором, я подозревал Портера, рукой рисуя воображаемый круг, показывая место, которое нам надо было вырезать. — Вот здесь!

Портер кивнул, после чего рывком запустил свою пилу. Пламя уже подошло к краям крыши, и жара было едва выносимой.

— У нас не так много времени, — бросил я. — Приступай.

Портер начал пилить сначала тонкий верхний слой покрытия, затем дошел до изоляции. Через минуту после того, как Портер начал работать, из вырезанного им отверстия начал валить дым, и он отступил назад от раскаленного воздуха.

Я связался с Тэйлором по передатчику.

— Мы ее открыли. Сейчас спустимся.

— Хорошая работа, — ответил Тэйлор.

Мы с Портером вернулись на платформу, и я по передатчику сказал водителю опустить нас вниз. Когда мы были на полпути, крыша сорвалась с таким громким *треском*, будто здание развалилось пополам. Из дыры, которую мы только что сделали, повалил густой черный дым с тлеющими угольками.

Тэйлор снова заговорил по радио.

— Все назад. У нас там... да, там трещина! Убирайтесь оттуда все!

До земли оставалось чуть меньше двух метров, и я спрыгнул с платформы, убегая от разрушающегося склада к своему брату. Я закричал по передатчику.

— Двигайтесь быстрее! Все рушится!

Джубал и Шугар выбежали из главного входа прямо перед тем, как начали падать кирпичи. Большая часть передней стены рухнула, подняв столб из пыли, дыма и обломков.

Я схватил Тэйлора за куртку.

— У тебя нет на это времени. Возьми мой грузовик.

— Ты уверен? — Спросил он.

Я похлопал по его шлему.

— Убирайся отсюда. Мы справимся.

Я смотрел на его лицо, наблюдая, как Тэйлор разрывается между желаниями защитить своего младшего брата и спасти свою семью.

Через несколько секунд он побежал к моему грузовику, сбрасывая с себя снаряжение, прежде чем сесть за руль. Я оставил ключи в зажигании, зная, что выпровожу его отсюда раньше.

Мое внимание разрывалось между уходом Тэйлора и горящими развалинами. Я указывал на различные участки, выкрикивал приказы своим людям и говорил по передатчику. Огонь горел сильнее, дым становился все темнее, а мы даже близко не подошли к

контролю пожара. Я видел, как Тэйлор сидит на водительском сидении, раздираемый противоречивыми эмоциями. Я понимал, что он считал неправильным оставлять меня здесь, и, как только он потянулся к ручке двери, указал на него пальцем, чтобы он остановился.

— Вали нахрен отсюда! Прямо сейчас!

Тэйлор

Пот капал со лба, и я вытер его запястьем. Я все еще чувствовал жар огня на своем лице и тяжесть в легких от дыма. Я кашлянул в кулак, поворачивая ключи в зажигании. Мне стоило огромных усилий уехать от своего брата, но он был прав: Фэйлин и дети на первом месте.

Везти грузовик командира было по-своему выгодно, потому что я проехал мимо двух патрульных машин, превышая скорость минимум на двадцать километров в час. Когда я наконец-то добрался до нашей пожарной части, я задержался, чтобы бросить ключи Тайлера ему на стол и захватить ключи от своего грузовика, бумажник и телефон, прежде чем поехать в Колорадо Спрингс. Когда я выезжал из Эстес Парк, столб дыма от склада маячил в зеркале заднего вида. Я набрал номер Тайлера, но через четыре гудка включился автоответчик. Я не мог избавиться от зловещего ощущения, такого же, какое было у меня, когда брат без меня полез в горящее здание. Мы и раньше боролись с пожарами по отдельности, но в этот раз было по-другому. Это чувство заставило меня сесть в грузовик Тайлера тогда. Оно все еще меня преследовало, и чем дальше я отъезжал, тем сильнее оно становилось.

Я сосредоточился на Фэйлин и детях. Мысль о том, как взволнованы будут Холлис и Хедли, с легкостью меня отвлекала. В голове вертелось воссоединение с моей семьей, плохое предчувствие насчет пожара, и все это навело меня на мысль о той ночи, когда ушла Фэйлин.

Мы почти никуда не выходили. *Черт, я жалею, что мы этого не делали.* Но в тот день наша няня не смогла прийти, и если бы Элли в последнюю минуту не позвонила и не согласилась, мы бы просто остались дома. То, что мы посчитали удачей, в итоге обернулось для меня худшим вечером в жизни. Прошло больше года с тех пор, как мы ходили куда-то на свидание, и еще больше времени с тех пор, как я видел, чтобы Фэйлин общалась с другими мужчинами, не считая моих коллег. В действительности я никогда не мог контролировать свою ревность, и когда молодой парень подошел к моей жене, покачиваясь после выпивки и улыбаясь ей, будто бы зная, что она приведет его домой, я совсем не думал головой. Фэйлин попыталась образумить меня, но это только сильнее меня разозлило. К тому моменту, когда он споткнулся и схватил ее за задницу, я уже ничего не соображал. Я напал на него, пытаясь выбить из него весь ад. Его увезли на скорой, а я отправился в тюрьму.

Мэр удостоверился, чтобы я все выходные провел за решеткой. Тайлер и ребята несколько раз пытались вызволить меня, но безуспешно. Фэйлин не отвечала на мои звонки, и к тому моменту, когда я, наконец, вернулся домой, она уже упаковала все вещи и ушла, забрав детей.

Я крепче взялся за руль, и он заскрипел под моими пальцами, возвращая меня в реальность. Все еще свежо было в памяти чувство ужаса и полного отчаяния, когда я вернулся тогда в пустой дом. Вновь возникла паника, что я почувствовал после нашего первого телефонного разговора, когда осознал, что не смогу мольбой или требованием вынудить ее вернуться домой. Любовь чертовски пугает, когда ты открываешь кому-то свое сердце, чтобы его либо защищали, либо растоптали. Мое счастье зависело от прощения Фэйлин, а я все еще не знал, хочет ли она этого.

Мой телефон зазвонил, и я нажал кнопку на руле. Я уже прочитал имя на дисплее, и был застигнут этим звонком врасплох, волнуясь, не звонит ли она мне, чтобы сказать, что передумала.

— Фэйлин?

— Папа? — Сказала Хэдли.

— Привет, тыковка! Как тебе последний день в школе?

— Отстойно.

— Опять?

— У меня неприятности. — В ее голосе сквозило разочарование в самой себе, и я представил, как по ее пухлым щечкам текут горячие слезы. Она должна была пойти в среднюю школу в следующем году, и я знал, что в любой момент она может вырасти сантиметров на десять. Она уже переросла Холлиса, но он наверняка обгонит ее в старшей школе. Мне не нравилось, что она так быстро росла, но, по крайней мере, она вернется в Эстес к своим друзьям.

Она фыркнула.

— Холлис подрался сегодня.

— Хэдли, не переживай. Скоро все наладится. Я обещаю, ладно? Очень, очень скоро. Папочка в этом удостоверится.

— Как?

— Скоро узнаешь. Передай трубку маме.

— Алло? — Сказала Фэйлин. Я был уверен, что разговаривать со школой об обоих детях ей было непросто.

— Я буду меньше, чем через час, — сказал я.

— Правда? — Ответила она, звука уже более уверенно.

Я улыбнулся.

— Да, правда. Я же сказал тебе, что приеду, верно?

— Да, но... В новостях показывали пожар. Я полагала, ты будешь там.

Я подумал сказать ей, что больше не будет никаких пожаров, но решил, что это было не самым подходящим временем.

— Я был там. Я уехал.

— До того, как вы сделали?

— Вроде того. — Я практически слышал, как Фэйлин улыбнулась, и по всему моему телу разлилось тепло. Я получил очки за то, что поставил ее на первое место, хотя раньше думал, что получаю их за упорную работу и обеспечение хорошей жизни. Мне определенно надо было доказать ей, что она важнее.

— Я... Спасибо, Тэйлор. Это действительно... много значит для меня.

Я нахмурился, задаваясь вопросом, почему она так старалась меня не любить. Вещи, которые она сказала мне, пока я был арестован, ранили меня так глубоко, что я не был уверен, что смогу прийти в себя, как будто ее уход не был для меня достаточным мучением. Она могла бы привязать меня к кровати и поджечь дом, и я все равно продолжал бы ее любить. Я не понимал, какой смысл ей притворяться, но, возможно, она это и не делала. Может, она больше меня *не любила*.

Я прочистил горло, прежде чем заговорить:

— Ты все еще собираешься?

— Складываю то, что не заметят дети. Не хотела раскрывать им сюрприз до твоего приезда.

— Хорошо. Я скоро буду, дет... Фэйлин,— ответил я, поправляясь.

— Увидимся,— сказала она. Никаких эмоций в голосе, ни презрения, ни нежности. Ничего.

Я не был уверен, что буду делать, если у нас ничего не получится. Она была для меня единственной. Фэйлин была всей моей жизнью с тех пор, как мы были еще практически детьми. Она была единственной жизнью, которую я желал. Когда она ушла, я был раздавлен, но все еще надеялся. Эта надежда меня мотивировала.

Индикаторы на приборной панели засветились в ту же секунду, когда последний кусочек дневного света скрылся за горами. На указателе справа я прочел «Добро пожаловать в Колорадо Спрингс» и нервно поерзал в кресле. Я все еще цеплялся за надежду, что эти выходные станут для нас новым поворотом, а не точкой невозврата.

ГЛАВА 4

Трентон

Я ждал за дверью, слыша, как Камилла пытается не расплакаться. Каждый месяц был нескончаемым круговоротом надежды и разочарования, и после почти восьми лет нашего брака, она была в отчаянии.

Свет был приглушен. Ей нравилась темнота, когда на душе было неспокойно, так что когда прошло уже три минуты, а она все еще ничего не сказала, я задернул все шторы в доме. Теперь я ничего не мог сделать, кроме как ждать, слушать и обнимать ее.

Мы жили в маленькой двухкомнатной квартире всего в шести кварталах от папы и Оливии. Спальня, как и весь наш дом, была наполнена светом и украшена различными интересными произведениями искусства и моими рисунками. Мы перекрасили стены и положили новый ковер, но дом все равно был старше, чем мы. На момент покупки эта квартира нуждалась в капитальном ремонте и больше напоминала пожирающую деньги яму. Мы обновили центральное отопление, вентиляцию и большую часть водопроводно-канализационной системы. В какой-то момент нам даже пришлось отдирать новый, но промокший пол, чтобы добраться до труб и заменить их. За последние десять лет мы прошли долгий путь, но теперь жили будто бы в новом доме, несмотря на то, что мы четыре раза исчерпывали весь наш лимит отложенных денег. Наконец-то у нас было хорошее жилье, и мы были готовы к следующему шагу, хотя оба понятия не имели, что надо будет делать. Однако исправить бесплодие мы не могли, и это заставляло Камиллу чувствовать себя сломленной.

— Детка, — сказал я, постучав по двери костяшками пальцев. — Позволь мне зайти.

— Просто... Просто дай мне минутку, — сказала она, высмаркиваясь.

Я прислонился лбом к двери.

— Ты не можешь продолжать так себя мучить. Может, нам следует...

— Я не сдамся! — Отрезала она.

— Нет. Может, нам попробовать другой способ.

— Мы не можем себе позволить другой способ, — ответила она. Ее голос был спокойнее, чем прежде. Она не хотела заставлять меня чувствовать себя еще хуже.

— Я что-нибудь придумаю.

После нескольких секунд тишины, дверь щелкнула, и Камилла ее открыла. Вокруг ее покрасневших глаз размазалась тушь, и все лицо было покрыто красными пятнами. И все равно она никогда не была более прекрасной, и все, что мне хотелось сделать, это обнять ее, но она бы мне не позволила. Она делала вид, что ее сердце не разбито, чтобы не ранить меня, и не важно, как часто я говорил ей, что плакать — это нормально.

Я коснулся ее щеки, но она отстранилась, и ее натянутая улыбка исчезла, пока она целовала мою ладонь.

— Я знаю, что ты это сделаешь. Мне просто нужно было немного погоревать.

— Куколка, ты можешь горевать и здесь.

Она покачала головой.

— Нет, не могу. Мне нужно было побыть в одиночестве.

— Потому что в этом случае ты бы беспокоилась обо мне,— проворчал я.

Она пожала плечами, и ее притворная улыбка превратилась в настоящую.

— Я пытаюсь измениться, но я не могу.

Я положил ее руку себе на грудь, крепко сжимая.

— Я и не хотел бы, чтобы ты менялась. Я люблю свою жену такой, какая она есть.

— Камилла? — Сказала Оливия, прислонившись к косяку двери. Ее достающие до пояса светлые волнистые волосы каскадом обрамляли лицо, будто бы делая выражение лица еще более печальным. Ее круглые зеленые глаза разочарованно блестели — каждую нашу неудачу она глубоко переживала, ведь она тоже была частью семьи. По случайности или по крови, знала она это или нет.

Пока я смотрел, как она своим овальным лицом опирается на деревянную накладку, я вспомнил правду: Оливию, мою соседку и маленькую подружку с тех самых пор, как она научилась ходить, удочерили, а ее биологическая мать каким-то непостижимым образом влюбилась в моего старшего брата Тэйлора в полугода тысячах километров отсюда в Колорадо Спрингс. По случайности я принимал участие в воспитании своей племянницы, и делал это даже больше, чем мой брат или невестка.

Камилла посмотрела на Оливию и выдохнула смешок, отстраняясь от меня и слюнявя пальцы, чтобы вытереть размазанную под глазами тушь. Ее волосы, покрашенные в тот же оттенок, что был у Оливии, были длиннее, чем в подростковом возрасте, а прямо над ухом была выбритая полоска с коротко отросшими волосами. На ее пальцах была недавно обновленная мной татуировка — первая татуировка, которую я ей сделал, и вообще первая ее татуировка. Это была надпись *Куколка*^[1], прозвище, которое я дал ей в начале наших отношений, и с тех пор называл ее так. Камилла пыталась отличаться от других, но, на самом деле, у нее была классическая красота. Поэтому это имя подходило ей как тогда, так и сейчас.

[1] В оригинале переводится как Baby Doll — четыре буквы на каждой руке.

— Я в порядке, — сказала Камилла, глубоко вздохнув. — Мы в порядке.

Она подошла к двери, чтобы быстро обнять Оливию, после чего посильнее затянула темно-синюю косынку, завязанную на волосах. Она глубоко вздохнула, и было видно, как исчезает ее боль. Моя жена была сильной.

— Кэми, — начал я.

— Все хорошо. Попробуем снова через месяц. Как папа?

— У него все хорошо, прожужжал мне все уши. Становится все труднее заставить его выйти из дома. Томми и Лиз привезут свою малышку...

Я замолчал, ожидая неизбежной боли в глазах Камиллы.

Она подошла ко мне, положила руки на мои щеки и поцеловала.

— Почему ты так на меня смотришь? Неужели ты думаешь, что это меня беспокоит?

— Может... может, если бы ты вышла за него... у тебя бы уже был свой ребёнок.

— Я не хочу своего. Я хочу *нашего* ребенка. Твоего и моего. И никак иначе.

Я улыбнулся, чувствуя, как в горле появляется комок.

— Да?

— Да. — Она улыбнулась, и в ее голосе слышалось спокойствие и счастье. Она все еще была полна надежды.

Я коснулся маленького шрама у линии её волос, того самого, что никогда не даст мне забыть, как я почти потерял её. Она закрыла глаза, и я поцеловал неровную белую линию.

Послышался звонок телефона, и я отпустил ее, чтобы подойти к тумбочке за мобильником.

— Привет, пап.

— Ты слышал? — Спросил он немного охрипшим голосом.

— О чём? И почему ты так ужасно звучишь? Ты умудрился заболеть за последние два часа?

Он прочистил горло пару раз, потом усмехнулся.

— Нет, нет... Просто я уже старая развалина. Как там Кэми? Беременна?

— Нет, — сказал я, потирая заднюю часть шеи.

— Пока что. Все получится. Может, вы зайдёте на ужин? Возьмите Оливию.

Я посмотрел на своих девочек, а они уже кивали.

— Да. С удовольствием, пап. Спасибо.

— Сегодня жареная курица.

— Скажи, чтобы не начинал без меня, — сказала Камилла.

— Пап...

— Я все слышал. Я только замариную все и запеку картошку.

Камилла скривила губы.

— Хорошо. Скоро будем.

Камилла засуетилась, пытаясь как можно скорее выйти из дома, чтобы стукнуть отца за попытку что-то приготовить. Он неоднократно оставлял включенную духовку без присмотра и вовсе не выглядел обеспокоенным, когда это происходило. Камилла тратила практически все свое свободное время, пытаясь помочь ему избежать несчастные случаи.

— Можно мне за руль? — Спросила Оливия.

Я вздрогнул.

Она хитро улыбнулась. Я застонал, уже зная, что она скажет.

— Повалуйста, Твент? — заскулила она.

Я поморщился. Когда Оливия получила права, я пообещал ей, что разрешу возить меня, как только ей исполнится восемнадцать, а её день рождения был уже несколько месяцев назад. Отказывать уже вошло у меня в привычку. Я никогда не попадал в аварию, даже будучи подростком. Те два раза, когда это со мной случилось, были ужасными, и в обоих случаях за рулём были женщины, которыми я дорожил всем сердцем.

— Черт возьми, ладно, — я выругался.

Камилла подняла руку, и они с Оливией стукнулись кулаками.

— Ты взяла свои права? — спросила Камилла.

В ответ Оливия подняла маленький коричневый кошелёк на ремешке .

— Мой новый студенческий от Университета Истерн тоже здесь.

— Ура! — Сказала Камилла, хлопая в ладоши. — Как это волнующе! — Она посмотрела на меня с фальшивым извинением в глазах. — Ты обещал.

— Не говори, что не предупреждал тебя, — пробурчал я, бросая Оливии ключи.

Оливия поймала металл обеими ладонями и, хохоча, вприпрыжку побежала к водительской двери грузовика Камиллы. Пока я спускался с дорожки, вымощенной камнем, Оливия пристегнулась, выпрямилась и крепко схватилась руками за руль.

— О, хватит тебе, ничего не случится, — Камилла залезла на заднее сидение своей четырехместной Тойоты Такома и пристегнулась, пока я занял место рядом с Оливией. Кэми немедля подсоединила свой телефон к грузовику по блютузу и стала выбирать песню. Когда музыка начала играть, Оливия крутанула ключ зажигания и сдала назад. Камилла стала массировать мне плечи под ритмичные биты, выливающиеся из динамиков и заставляющие машину подрагивать.

— Может, стоит избавиться от шума, чтобы позволить Оливии сконцентрироваться? — Спросил я.

— От шума? — Массаж Камиллы превратился в шуточный карате удар.

Если бы я не сталкивался с этим раньше, то ни за что бы не подумал, что она плакала в нашей ванной десять минут назад. С каждым разом она все быстрее приходила в себя, но часть меня хотела знать, так ли это на самом деле, или у нее просто все лучше получается это скрывать.

Как только мы повернули к дому отца, я заметил грозовые тучи в восточной части города. Томас и Лииз должны были скоро прилететь вместе с малышкой, так что я посмотрел в телефоне прогноз погоды на неделю, чего бы не стал делать десять лет назад. Забавно, как время и опыт полностью перестраивают твой мозг, и ты начинаешь думать о ком-то еще, кроме себя.

Отец не ждал нас на крыльце, как обычно. Это заставило Камиллу выругаться.

— Чертов Джим Мэддокс! — Воскликнула она, жестом показывая мне поскорее открыть дверь. Она выбралась из машины, побежала к крыльцу, мигом взобравшись по лестнице, и рывком распахнула шаткую переднюю дверь.

Оливия припарковалась и бросила мне ключи.

— Пройдусь до соседней двери, чтобы сказать маме, что обедаю у Большого папы, — помахала рукой она.

Я кивнул, чувствуя маленький комок в горле. Все внуки называли его Большим папой, и мне нравилось, что Оливия тоже так делала, хотя она даже и не представляла, насколько была права.

Я последовал за Камиллой в дом, и подумал о том, что увижу внутри. Краска на крыльце стала осыпаться, и я взял себе на заметку принести сюда свой шлифовальный станок. Дверная сетка еле держалась, так что я и это добавил себе в список. Папа с мамой купили этот дом, когда поженились, и было практически невозможно добиться того, чтобы он разрешил нам что-то изменить или обновить. Мебель и ковер остались еще с тех времен, и даже краска. Дом обставила мама, и он не собирался позволять кому-то идти против ее желаний, пусть ее и не было с нами уже почти тридцать лет. Как и отец, дом был таким старым, что становился больным, а в некоторых случаях даже опасным, так что последние несколько месяцев мы с Камиллой решили начать все ремонтировать, не спрашивая разрешения.

Пройдя по коридору в кухню, я заметил, как Камилла с вытянутыми руками подбегает к папе.

Он стоял, наклонившись вперед, засовывая в духовку алюминиевую форму для запекания с картошкой.

— Пап! — Вскрикнула Камилла. — Дай мне это сделать!

Он засунул ее в духовку и закрыл дверцу, после чего выпрямился и с улыбкой повернулся к нам.

Камилла достала из ящика кухонные прихватки в виде рукавиц и протянула ему их.

— Почему ты не используешь прихватки, которые я тебе купила? — Она подошла и осмотрела его забинтованную руку.

Он поцеловал костяшки ее пальцев.

— Малышка, я в порядке.

— В прошлый раз ты так сильно их обжег, — сказала она, вытаскивая руки из его захвата, чтобы осмотреть раны под повязкой. — Пожалуйста, пользуйся прихватками.

— Ладно, — сказал он, погладив ее руку. — Хорошо, сестричка. Я буду пользоваться прихватками.

Увидев, что папа уже окунул куриные ножки в свою особую мучную смесь и положил их на полотенца рядом со сковородкой на плите, Камилла стала открывать дверцу шкафчика, чтобы взять масло.

Она махнула рукой, прогоняя нас.

— Идите. Я сама это сделаю. И да, папа, я уверена, — сказала она, как только папа стал открывать рот, чтобы спросить.

Он усмехнулся.

— В таком случае, ладно. Значит, домино.

— Тебе не надоело проигрывать? Мы сегодня два часа в домино играли.

— Разве? — Спросил он и замотал головой. — Я и собственную задницу часто забываю вытирать.

Я моргнул, удивленный, что он не помнил, но его это, похоже, не беспокоило.

— Тогда карты? — Спросил он.

— Нет, мы можем поиграть и в домино. В любом случае, я должен тебе матч-реванш.

Когда мы сели за стол, вдалеке послышался гром. Входная дверь открылась и закрылась, после чего в конце коридора появилась Оливия, подняв по бокам руки, вся насквозь мокрая.

— Боже. Мой.

Я расхохотался.

— О-О, ты когда-нибудь слышала о зонтике?

Она закатила глаза и протоптала к соседнему со мной стулу за обеденным столом.

— Ты когда-нибудь перестанешь меня так называть? Никто не понимает это прозвище.

— Ты его понимаешь, — ответил я. — Неужели это так сложно? Твои инициалы — О и О, а вместе получается О-О. Как зоо. — Я посмотрел на потолок. — Тоже. Кыш. Бу. Коко.^[2] Я могу долго перечислять.

[2] Слова «Тоже. Кыш. Бу. Коко» в английском переводе имеют две буквы о подряд. Например, кыш - shoo.

— Пожалуйста, хватит, — сказала она, хватая своими тонкими пальчиками домино и переворачивая его. Становилось все сложнее и сложнее впечатлить ее. А ведь раньше она считала меня Богом.

— Ой, черт! — Вскрикнула Камилла на кухне.

Я отодвинул стул, поднимаясь.

— Детка, ты в порядке?

— Да! — Крикнула она мне в ответ, после чего вышла к нам с курткой и ключами в руке.

— Масло закончилось.

— Но я купил его только в эту пятницу, — сказал я, посмотрев на папу.

— О. Верно. Я использовал его в воскресенье.

Я нахмурился.

— В воскресенье мы обедали сэндвичами и ужинали пиццей. Ты не делал курицу.

Он тоже нахмурился.

— Ну, черт, я делал ее в один из дней.

— Я сбегаю в магазин. Нужно купить что-нибудь еще? — Спросила Камилла.

— Кэми, там льет как из ведра, — расстроенно сказал я.

— Я в курсе, — сказала она, поцеловав меня, прежде чем пойти к двери.

Папа снял с полки домино, и мы немного поболтали. Он задал мне пару вопросов, которые уже задавал, и я задумался, был ли он всегда таким забывчивым, а я просто только сейчас стал это замечать, или у него ухудшалась память. Он был записан к врачу на пятницу. Тогда и подниму эту тему.

Мой мобильный зазвонил, и я снял трубку, поднеся его к уху.

— Хей, лужа с пи*дой!

— Становится все лучше и лучше, — сказал на другом конце линии невпечатленный моим приветствием Томас.

— Христос на велосипеде, Трентон, — заворчал папа, кивая в сторону Оливии.

Я подмигнул ему. Шокировать его моими ругательствами стало чем-то вроде спорта.

— Как мама и ребенок? — Спросил я.

— Мы едем домой, — ответил Томас. — Думаю... Думаю, мы приедем раньше, чем собирались.

— Все в порядке? — Спросил я и заметил, как папа заинтересовался нашим разговором. Я махнул ему, показывая, что ничего плохого не случилось.

— Да... да. Слышал что-нибудь от Трэва? — Спросил Томас.

— Нет. А что?

Томас, сколько я его помнил, всегда был загадкой, и с тех пор, как он вырос, он стал задавать еще больше вопросов.

Папа смотрел на меня, одновременно и терпеливо, и с нетерпением ожидая объяснений.

— Просто любопытно.

— Вы повезете новорожденную на самолете? Я знал, что ты смелый, старший братец, но это какая-то чертовщина.

— Мы подумали, что папа захочет ее увидеть.

— Конечно. Папа хотел бы увидеть... — В моей голове была пустота.

— Стеллу, — прошептала Оливия.

— Стеллу! — Повторил я. — Папа хотел бы увидеть Стеллу. — Папа дал мне подзатыльник. — Ауч! Что я такого сказал?

— Что ж, мы будем завтра, — сказал Томас, не обращая внимание на цирк на другом конце линии.

— Завтра? — Сказал я, глядя на папу. — Быстро вы, а?

— Да, скажи папе, чтобы не переживал. Мы сами приготовим комнату, когда приедем.

— Кэми всегда держит готовую гостевую комнату. Она знала, что придет время, когда вы приедете с малышом. Она даже поставила Pack ‘n Play^[3].

[3] Pack ‘n Play — название кроватки-манежа.

— Она купила Pack ‘n Play для Стеллы? Правда? — спросил Томас. — Это так мило. Как она эт... Это так мило с ее стороны.

— Да, — сказал я, вдруг почувствовав себя неловко. — Я так полагаю, увидимся завтра?

— Скажи папе, что я люблю его, — сказал Томас.

— Обязательно, мешок с деръмом.

Томас повесил трубку, и я широко ухмыльнулся папе. Две морщинки между его глаз углубились.

— Надо было больше тебя лупить, — сказал папа.

— Да, надо было. — Я опустил взгляд на домино. — Что ж? Они сами в себя не сыграют.

Я сел на стул, и золотисто-коричневое покрытие заскрипело под моими джинсами. Несмотря на то, что я съехал отсюда, мы с Камиллой приходили к папе минимум раз в день, а обычно даже больше. Трэвис заходил, когда не путешествовал по работе. Я взглянул на полку под потолком, заполненную пыльными памятными покерными вещами и подписанными фотографиями наших любимых игроков. Там уже появилось несколько паутин, и мне самому нужно было все пропертеть. Я не хотел, чтобы старик упал и сломал бедро.

— Кэми ничего не сказала о тесте сегодня, — сказал папа, двигая по кругу на столе костишки.

— Да, — сказал я, глядя на кружение прямоугольных плиточек, перемещающихся из одной кучки в другую. — Это происходит каждый месяц. Я думаю, она уже устала об этом говорить.

— Понимаю, — сказал папа. Он взглянул на Оливию и с осторожностью стал подбирать следующие слова. — Вы ходили к доку?

— Отвратительно, — проворчала Оливия, раскусив его. Она больше не была маленькой девочкой.

— Еще нет. Я думаю, она боится услышать, что это что-то хроническое. Если честно, я тоже. Сейчас у нас по крайней мере есть надежда.

— Продолжайте надеяться. Даже в самых мрачных ситуациях есть луч света. В жизни нет полос, сынок. Каждый выбор, который мы сделали, каждый наш поступок просто создает ответвление на одной-единственной полосе. И на конце каждой развилки есть

другая. Наша жизнь — последовательность чистых листов, даже после ужасных событий.

Я исподлобья посмотрел на него.

— Так ты себя чувствовал, когда умерла мама?

Оливия тихонько ахнула.

Папа напрягся, выдержав паузу, прежде чем заговорить.

— Через некоторое время, после того, как мама умерла. Думаю, все мы знаем, что я не много делал сразу после ее смерти.

Я прикоснулся к его руке, и он перестал двигать плиточки.

— Ты сделал все, что мог. Если бы я потерял Кэми... — я замолчал, эти мысли отдавались болью в животе. — Я не представляю, как ты пережил это, папа. Более того, ты преодолел себя и воспитал пятерых мальчиков. Ты это сделал. Ты взял себя в руки. Ты прекрасный отец.

Папа прочистил горло и вновь стал двигать плиточки, остановившись на секунду, чтобы вытереть слезу под очками.

— Ну, я рад. Ты этого заслуживаешь. Ты прекрасный сын.

Я похлопал его по плечу, после чего мы взяли себе костяшки из «базара»^[4] и поставили их на ребро, чтобы не видеть, что друг другу досталось. Расклад у меня был дермовый.

[4] Если в игре принимают участие менее четырех человек, то лишние, оставшиеся после сдачи кости взакрытую отодвигаются на край стола. Эти кости называются «базар».

— Серьезно, пап? Серьезно?

— О, переставай уже ныть и давай играть, — сказал он. Он пытался выглядеть сурово, но его выдала легкая усмешка. — Оливия, хочешь с нами?

Оливия покачала головой.

— Спасибо, но нет, Большой папа, — ответила она, обратно утыкаясь в свой телефон.

— Вероятно, она играет в домино на этой штуке, — поддразнил папа.

— Это покер, — отрезала Оливия.

Папа улыбнулся.

Я повернулся, чтобы взглянуть на наш последний семейный портрет, снятый незадолго до того, как мама узнала о своей болезни. Трэвису едва исполнилось три года.

— Ты все еще скучаешь по ней? В смысле... как раньше?

— Каждый день, — без раздумий ответил он.

— Помнишь, как она изображала щекочущего монстра? — Спросил я.

Уголок папиного рта поднялся, а затем он начал трястись от неконтролируемого хихиканья.

— Это было смешно. Она не понимала, на кого было больше похожа: на пришельца или на гориллу.

— На них обоих, — сказал я.

— Гонялась за вами пятую по всему дому, горбясь как примат и руками имитируя присоски инопланетного существа.

— И потом она ловила нас и ела наши подмышки.

— Вот она, любовь. От вас несло, как от гниющих трупов в солнечный день.

Я громко рассмеялся.

— Только тогда мы могли прыгать по мебели и не получить по задницам.

Папа усмехнулся.

— Ей не надо было вас шлепать. Одного взгляда было достаточно.

— О, — сказал я, вспоминая. — Тот взгляд, — я вздрогнул.

— Да. Она с легкостью делала этот взгляд, но ведь ей было необходимо вызывать страх, и у тебя в первую очередь. Она знала, что однажды ты ее перерастешь.

— И что? — Спросил я. — Я перерос?

— Она была крошкой. Как Эбби. Может, даже не такой высокой.

— Откуда тогда взялся гигантизм Трэвиса? Вы с дядей Джеком раздутые бурундуки.

Папа застонал, и его живот затрясся от хохота. Мои костяшки упали, и я тоже не смог сдержаться от смеха. Оливия прикрыла рот рукой и беззвучно смеялась, от чего тряслись ее плечи. Когда я начал ставить костяшки обратно, к дому подъехал автомобиль. Гравий заскрипел под колесами машины, после чего выключился двигатель. Через минуту кто-то постучал в дверь.

— Я открою, — сказал Оливия, отодвигая свой стул и выходя из комнаты.

— Ой, — сказал я, вставая. — Это же Кэми вернулась. Лучше мне помочь ей с покупками.

— Какой джентльмен, — ответил папа с легким кивком головы, после чего подмигнул мне.

Я прошел в коридор и замер. Оливия стояла у открытой двери, глядя на меня с озабоченным выражением на побледневшем лице. Позади нее на крыльце стояли два мужчины в костюмах и промокших пальто.

— Папа? — Крикнул я в сторону столовой.

— На самом деле, — заговорил один из мужчин. — Вы Трентон Мэддокс?

— Да? — Я сглотнул. До того, как один из них заговорил, вся кровь ушла из моего лица. Я обернулся назад.

— Пап? — В этот раз неистово закричал я.

Папа положил мне руку на плечо.

— В чем дело?

— Мистер Мэддокс, — сказал один из мужчин, кивая. — Меня зовут агент Блевинс.

— Агент? — Спросил я.

Он продолжил.

— У нас для вас плохие новости.

Я пошатнулся, и, чтобы не упасть, прижался к панельной стене. Я медленно сполз к полу. Оливия спустилась со мной, сжав мои руки и перенося нас в альтернативную, приносящую боль реальность. Она держала крепко, будто была якорем, брошенным в настоящее, в момент до того, как все развалится на части. Под ложечкой засосало, я знал, что нельзя было позволять Камилле водить под дождем. Уже который день у меня было дурное предчувствие, понимание, что скоро случится что-то ужасное.

— Черт, только не говорите это, — застонал я.

Папа опустился рядом со мной на колени и положил руку мне на колени.

— Подожди, успокойся. Давай послушаем, что они хотели сказать. — Он поднял голову.

— Она в порядке?

Агенты не ответили, и я тоже посмотрел наверх. У них было то же выражение лица, что и у Оливии. Моя голова упала вперед, а внутри все перевернулось.

Послышался звук падающего пакета и разбивающегося стекла.

— О, Боже!

— Кэми! — Закричала Оливия, выпустив мои руки.

Я посмотрел на нее, не веря своим глазам, и поднялся на колени, чтобы обхватить ее за талию. Папа с облегчением выдохнул.

— Он в порядке? — Спросила Камилла и слегка отодвинулась, чтобы взглянуть на меня.

— Что случилось?

Оливия встала и стала держаться за папу.

— Я думал, что ты... Они... — Я замолчал, все еще не в силах сформировать предложение.

— Ты думал, что я что? — Спросила Камилла, поглаживая мое лицо. Она посмотрела на папу и Оливию.

— Он думал, что они здесь, чтобы сообщить нам, что с тобой... — Папа посмотрел на агентов. — Тогда какого черта вы здесь делаете? Что за плохие новости?

Агенты переглянулись, наконец поняв мою реакцию.

— Нам очень жаль, сэр. Мы пришли, чтобы сообщить вам о вашем брате. Агент Линди приказала сообщить новости именно вам.

— Агент Линди? — Спросил я. — Вы имеете в виду Лииз? И что насчет моего брата?

Папа нахмурил брови.

— Трентон... Позвони близнецам и скажи ехать домой. Немедленно.

ГЛАВА 5

Трэвис

Эбби стояла напротив окна у парадной двери нашего дома в стиле «прованс», выглядывая из-за серых занавесок, которые выбрала пять лет назад взамен тех, что купила за три года до того. Многое изменилось за последние одиннадцать лет, не только занавески. Свадьбы, рождение детей, похороны, переломные моменты и откровения.

Мы ликовали, когда у нас родились близнецы, и скорбили, когда умер Тотошка. Он был личным телохранителем близнецов, всюду следовал за ними и спал на коврике между их колыбельными, а потом между детскими кроватками. Шерсть вокруг его глаз начала седеть, потом ему стало все сложнее держаться бодрячком. Его похороны были вторыми в моей жизни. Мы похоронили его на заднем дворе, под грушей Брэдфорд.

Всего несколько месяцев назад, в день нашей одиннадцатой годовщины, Эбби призналась, что знает о моей работе в ФБР. Беременная нашим третьим ребенком, она вручила мне бумажный конверт, где были даты, время и другая информация, имеющая отношение к ее отцу, Мику, и Бенни, боссу мафии, которого я недавно пристрелил за то, что он угрожал моей семье.

Внедорожник Эбби обычно был припаркован напротив моего серебристого грузовичка Доджа, но сейчас было заметно его отсутствие, и моей жене это не нравилось. Несколько лет назад мы обменяли нашу Камри на черную Тойоту Фораннер, на которой Эбби ездила на работу в школу. Она всегда дружила с числами, и почти сразу после выпуска пошла преподавать математику шестиклассникам.

Казалось бы, только что мы учились в колледже. А теперь вместо общежития и квартиры у нас была ипотека за двухэтажный дом с четырьмя спальнями и двумя парковочными местами. Харлей мы продали в хорошие руки перед рождением близнецов. Жизнь двигалась вперед, и неожиданно мы стали взрослыми людьми, которые самостоятельно принимают важные решения и больше не делят с кем-то квартиру.

Эбби положила руку на округлый живот, раскачиваясь вперед и назад, чтобы унять ноющую боль в спине.

— Дождь собирается.

— Похоже на то.

— А ты только что помыл свой грузовик.

— Возьму твой, — ухмыльнулся я.

Она зыркнула на меня.

— Его больше нет.

Я скжал губы, стараясь скрыть улыбку. Мое плечо горело от пули, которая задела меня и пробила сидение машины, а голова раскалывалась после столкновения с деревом на обочине шоссе. На мне только начали заживать побои помощников Бенни из Вегаса, но теперь прибавилась чернота вокруг глаза и несколько сантиметровый вертикальный порез возле левой брови. В тот момент я вел внедорожник Эбби, исполняя роль

образцового мужа в поисках мороженого, и получал новую информацию о Томасе от Вэл. Карлиси думали, что я был в Калифорнии, и поэтому в первую очередь направились туда, но Вэл сказала, что это был лишь вопрос времени, когда они приедут в Икинс. В этот момент первые пули пролетели со стороны пассажирского окна.

Эбби злилась, но она предпочитала сердиться насчет грузовика, потому что не хотела задумываться обо всей этой ситуации. Злиться легче, чем бояться. Даже после того, как я ликвидировал угрозу, я хотел выпустить всю обойму в тех, кто столкнул меня с дороги, когда увидел в их машине фотографии. Они засняли мою жену, моих детей, моих племянниц и племянников, моих братьев и их жен. Даже Шепли, Америку, их сыновей и моих тетю и дядю. Они собирались уничтожить всю семью Мэддоксов.

Они выбрали не ту семью.

— Они его заменят, — сказал я, стараясь замаскировать растущий во мне гнев.

— А тебя заменить они не смогут, — ответила она, перекрестив руки и положив их на живот. — Ты поедешь?

— Встретить Лииз, когда она приземлится?

— Тебе стоит это сделать. Она должна увидеть твой почерневший глаз и рассеченную бровь, увидеть, что опасность реальна и нависла над всей семьей, — сказала Эбби.

— Голубка, я не могу оставить тебя здесь одну, — вздохнул я. — Я даже не понимал, как сильно мы эксплуатировали Лину, пока она не ушла.

Эбби понимающе усмехнулась.

— Ты скучаешь по ней, верно? Она для тебя как маленькая сестренка, которой у тебя никогда не было.

Я улыбнулся, но не ответил. Эбби и так отлично понимала меня. Лина было крохой, еще ниже Эбби. У нее была экзотическая красота, и она была одновременно мила и смертоносна, чем отлично подходила для защиты наших детей еще до их рождения. Так как у меня было необычное прикрытие, и Бенни знал, кто я такой, где живу, и что у меня есть семья, Бюро приняло дополнительные меры предосторожности, приставив ее к нам. Лина быстро вписалась и оказала огромную помощь новоиспеченной матери с двумя младенцами, особенно когда я уезжал. Для нас с Эбби она была как младшая сестренка, они вдвоем часто любили меня подкалывать. Она вела себя с детьми, как тетя, гуляя с ними в парках, выезжая на природу, играя в машинки и барби, и обучая португальскому и итальянскому языкам. Она даже научила их защищать себя, что, как мы позже узнали, было не лучшим вариантом для Джессики. Я должен был догадаться, что моя дочка не побоится использовать эти знания, если кто-то будет дразнить ее брата в школе.

Восемнадцать месяцев назад агент Джон Уорен заменил Лину. Назначение было неожиданным, и мы не знали, куда ее посыпают, и только видели, как она нервничала, пока собирала вещи, и как расстроена она была, что не успевает попрощаться с детьми.

— Я не одна, — сказала Эбби, вырывая меня из мыслей. Она указала через плечо на окно.

Я даже не смотря знал, что агент Уорен сидел снаружи в черном автомобиле на своей позиции, как и еще два агента на своих местах. Теперь, когда мы знали, что наша семья под прицелом, мы должна были стать еще осторожнее. Карлиси не отличались терпением и, как правило, нападали при малейшем признаке слабости.

Внезапный отъезд Лины сильно повлиял на детей: у Джеймса начались кошмары, а Джессика несколько месяцев была подавлена. Эбби настояла, чтобы они еще раз не проходили через те же страдания, поэтому Бюро прислали нам агента, к которому, по нашему мнению, дети не должны будут привязаться. Близнецы были достаточно взрослыми, и теперь нам не нужен был тот, кто будет с ними сидеть. Уорен был выбран скорее за его невероятные *смертельные навыки*.

По правде говоря, Уорен был единственным знакомым мне агентом, чьи навыки были так описаны.

— Мне все еще не нравится, что ему приходится сидеть снаружи в такую жару, — сказала Эбби.

— В его машине есть кондиционер, и ты была права. Дети привязывались к нему... как и он к ним.

Не смотря на то, что Уорен и вел себя отчужденно, детям он понравился. Мы были так же удивлены, как и он, когда Джессика в первый раз почти сбила его с ног своими объятиями. Они сияли каждый день, что видели его, сидящим у школы, и с каждым днем они принимали его и любили все больше, что в конце концов разрушило его стены. Как оказалось, это заставило Уорена только еще решительнее защищать их, и такого положительного эффекта никто из нас не ожидал. Эбби не нравилось, что они все больше привязываются, так что правила изменились. Ему нужно было соблюдать дистанцию, и на короткое время дети снова остались с разбитым сердцем.

Эбби кивнула и отвернулась от окна, подходя ко мне. Она опустила взгляд на свой живот.

— Может, Саттон?

— Ты сейчас об имени? Мальчик по имени Саттон? — Спросил я, пытаясь сохранить нейтральное выражение лица. Беременность делала мою жену еще более непредсказуемой, чем обычно, и я просто смирился с этим и старался ее не злить.

Серые глаза Эбби загорелись, показывая, что я не смог скрыть свои эмоции.

— Тебе не нравится? Я знаю, имя не начинается с буквы Д, как у близнецов, а это своеобразная фишка Мэддоксов, но...

Я сморщил нос:

— Нет у Мэддоксов никакой фишки.

— У Тайлера Холлис и Хэдли, — ответила она. — У Шепли Эзра, Элей и Эмерсон. Я уже не говорю про ваши имена на Т. И что с Дианой и Диной? Джимом и Джеком? Ты серьезно будешь это отрицать?

— Это просто местная особенность.

— Твоя мама и тетя выросли в Оклахоме.

— Вот видишь? — Сказал я. — Местная.

Эбби вжалась пальцы в спину, ковыляя к дивану. Опускаясь на него, она старалась удержать равновесие, чтобы не рухнуть.

— Вытащи из меня эту штуковину, — простонала она.

— Мы определенно не назовем его «этой штуковиной», — поддразнил ее я.

— Ну, — начала она, глубоко вздохая. — Как-то мы все же должны его называть.

Я задумался на минуту. Мы уже дважды перечитали четыре книжки с именами.

— А почему бы не Картер?

— Твое второе имя? На самом деле, я уже пыталась придумать что-нибудь с Картером. Если это будет его первое имя, то какое подойдет второе?

Я пожал плечами.

— Трэвис.

— Картер Трэвис Мэддокс, — сказала она и замолчала, поудобнее укладываясь. Даже эти простые движения заставили ее тяжелее дышать. — Не думаешь, что будет немножко сбивать с толку, когда в доме будут и Трэвис Картер, и Картер Трэвис?

— Нет. Ну, возможно, но мне все еще нравится этот вариант.

— Мне тоже.

— Правда? — Просиял я.

— Появляется традиция называть детей в честь нас... или вроде того. Джеймс в честь твоего отца. Джессика как бы в честь меня...

Джессика Джеймс — имя Эбби в ее поддельных документах, благодаря которым она проходила в бары, когда мы еще учились, но, что важнее, именно с ними она играла в покер в Вегасе. Я помнил, с каким восторгом наблюдал, как она идет к легендарным игрокам и обдирает их на тысячи, чтобы спасти своего отца от смерти из-за долга Бенни Карлиси. Эта поездка в Вегас, бой за остаток денег, которые не успела собрать Эбби, и пожар в Китон Холле были феерическим трио, которое привело нас к нынешней ситуации. Я находился под расследованием из-за пожара, возникшего на территории кампуса и унесшего жизни десятка моих однокурсников, а мой брат в то же время вел дело Бенни. Когда он узнал, что моя девушка была дочерью никчемного картежника из Вегаса, связанного с семьей Карлиси, я стал работать на ФБР в обмен за иммунитет от судебного преследования из-за пожара.

Было невероятным облегчением, что Эбби не бросила меня и даже помогла мне приблизить к закрытию дела Карлиси, когда узнала, что почти весь наш брак я работал на ФБР и скрывал это от нее. Теперь я располагал банковскими выписками, электронными письмами, почтой и смс, полученными путем взлома почты и телефона ее отца, и все это связывало Карлиси с различной преступной деятельностью.

Эбби думала, это поможет мне чаще быть дома. Вместо этого Бюро со скоростью в сотню миль в час пыталось закрыть это дело. Теперь, когда Бенни был мертв, а его семья была одержима местью, все мы играли в перегонки со временем.

Эбби улыбнулась, опустив голову на диванную подушку. Ее волосы были короче, чем в колледже — карамельный локоны доставали лишь до плеч. Она откинула назад передние пряди, но те опять упали ей на глаза.

В сентябре ей исполнится тридцать. Еще в девятнадцать она была невероятно мудра, а теперь была почти что ясновидящей. Это сделало ее еще опаснее, но она, слава Богу, была на моей стороне. Ее плавные изгибы были обтянуты джинсами для беременных, а грудь буквально выпирала из верхней части топа. Бессовестно наслаждаясь изменениями в ее теле, появившимися благодаря нашим сыновьям и дочери, я усмехнулся, думая о том, сколько раз умолял ее завести еще одного ребенка.

— Что? — Сказала она, поймав меня за разглядыванием ее сисек... опять. Повзрослею ли я когда-нибудь? Если это означало перестать ценить сексуальность моей жены, то, надеюсь, нет.

Я откашлялся.

— Я бы хотел встретить Лииз в аэропорту, но, — я посмотрел на свои часы, — тебе уже скоро надо будет ехать за детьми.

— Ты должен поехать. — Вздохнула она, приподнимая грудь, чтобы вдохнуть побольше воздуха.

— Нет, — ответил я, покачав головой.

— Я могу забрать детей со школы, — сказала она. — Уорен здесь. Он может подвезти нас, если ты так волнуешься.

Я нахмурился.

— Поскорее бы это закончилось.

— Скоро так и будет, — сказала Эбби, поднимаясь. Она подошла ко мне, проведя рукой по бицепсам и небольшой части спины. Ей пришлось наклониться вперед, чтобы положить голову мне под подбородок и прижаться щекой к груди. Но ее нежные прикосновения не могли меня подбодрить: мы оба знали, что конец одного происшествия означал лишь начало другого.

Эбби была той, из-за кого наступил перерыв в деле ее отца. Мик Эбернати был конченным картежником, водившимся с мафиози Вегаса. Она узнала, что я работал на Бюро и просто хотела помочь закрыть дело, которое отнимало у меня столько времени. Но поскольку переданная информация сдавала ее отца и заместителя Карлиси, ее попросили быть консультантом ФБР. Они все еще ждали ее ответа, как, впрочем, и я.

Ее помощь позволила мне быстро подняться вверх по карьерной лестнице. Ни одна юридическая фирма в Икинсе не платила бы мне столько, сколько я зарабатывал в Бюро. И если бы Эбби работала консультантом, она могла бы все дни проводить дома с детьми. Хотя даже без этого у нас была замечательная жизнь здесь.

— Папа так взволнован, — сказала Эбби. — Хочет увидеть Стеллу.

— Думаю, это никогда не устареет. Независимо от того, сколькими детьми засыпают его сыновья, он каждый раз ведет себя так, будто это его первый внук.

Эбби это не позабавило.

— По-моему, это делают его невестки.

Я поцеловал ее в лоб.

— Тушев.

— Трэвис, тебе надо ехать в аэропорт. Я заберу детей из школы вместе Уореном, и мы встретимся у папы. Томас хотел бы, чтобы ты это сделал.

Мои брови сошлись на переносице. Слышать имя Томаса в прошедшем времени было неприятно.

— Убедись, что Уорен будет вне поля зрения. Папа уже знает, что что-то случилось.

— Конечно, знает, Трев. Он не глуп. Я почти уверена, что он догадался с самого начала. И про близнецов тоже.

— А что там с близнецами? — Спросил я.

Эбби просто хихикнула, покачав головой.

— Все вы, мальчики Мэддоксы, страшные лжецы.

Мое лицо исказилось от отвращения.

— Никто не лжет.

— Скрывать что-то значит лгать, — настаивала она. — Как и придумывать всякие истории для прикрытия.

Когда я поступил в ФБР всего в двадцать лет, я был обязан сохранять это в тайне от моей жены. К сожалению для Бюро, Эбби была слишком умна и упрямая, чтобы ничего не замечать. К сожалению для меня, папа был столь же проницателен, поэтому у меня было прикрытие другой работой, чтобы удержать все в тайне от него. Я не был уверен, как у Томаса получалось скрывать все это больше десяти лет. По словам Эбби, ему и не удалось. Она была уверена, что мой отец тоже всегда об этом знал.

Я поцеловал мягкую щечку Эбби, чувствуя легкий шоколадный запах какао-масла, которым она недавно начала пользоваться. Это заставило меня поцеловать ее еще раз, прежде чем пойти к своему грузовику.

Я передал сообщение агенту Уорену через маленький передатчик, прикрепленный к моей куртке:

— Направляюсь в региональный аэропорт.

— Уверен, агент Линди будет счастлива увидеть знакомое лицо, сэр.

Я вздохнул.

— Может, да. Может, нет. — Я скользнул за руль, делая глубокий вдох, прежде чем повернуть ключ в замке зажигания.

Лииз летела с новорожденным ребенком через полстраны. Похороны были единственной причиной, из-за которой она рискнет безопасностью, особенно зная, что мафиози нацелились на единственную слабость, которая была у Лииз Линди — на людей, которых она любила. Окружения Бюро было уже недостаточно: она нуждалась в семье Мэддоксов. Она знала, что мы поможем держать Стеллу в безопасности.

Я крепко сжимал руль, пока в поле зрения не появились ворота регионального аэропорта. Никто меня не преследовал. Охранники у ворот выглядели предупрежденными, но расслабленными. Я показал свои документы, и мне позволили проехать внутрь. Было маловероятно, чтобы кто-то в Вегасе понял, что Лииз направляется домой в Иллинойс, и успел добраться сюда, чтобы напасть на нее.

Подъезжая к аэродрому, я заметил самолет Бюро, уже припаркованный у ангары. Повсюду виднелись люди в костюмах: мужчины и женщины были вооружены и опасны. Как только мой грузовик повернулся за угол, они сосредоточились, приказывая мне сбавить скорость, припарковаться и показать свои руки.

Я сделал, как они приказали, показывая свой значок. Большинство уже поняли, кто я такой, как только я заехал на взлетную полосу.

— Трэвис! — Позвала Лииз из-за стены мужчин.

Я побежал к ней, расталкивая агентов, чтобы добраться до своей невестки. Ее покрасневшие глаза выглядели опухшими и усталыми.

— Боже мой, твое лицо, — сказала она, нежно касаясь моей фиолетовой припухшей кожи. Лииз была не самым ласковым человеком, но в моих руках она тут же расслабилась. — Ты приехал, — тихо сказала она.

Я положил руку на ее длинные темные волосы на спине и поцеловал в макушку.

— Конечно, черт возьми.

— Как Эбби? — Спросила она, глядя на меня. — Как все они? Ничего подозрительного?

— Всё в порядке. Все ждут, чтобы помочь тебе с ребенком.

— Я не спала уже три дня, — сказала Лииз, смотря на меня своими миндалевидными глазами.

— Я знаю, — сказал я, взяв ее за руку, пока мы шли к машине. — Знаю.

ГЛАВА 6

Шепли

Я вытянул перед собой руки.

— Стойте! Нет! Не надо!

Мои сыновья в ответ уставились на меня своими, в точности как у мамы, большими зелеными глазами, держа в руках рожки с мороженым. Эзра, Элай и Эмерсон стояли на нашем крыльце, а их лица были такими же грязными, как и футболки. Их мама сошла бы с ума, войди они в таком виде в дом, и они это знали. Я взял их погулять в первую очередь для того, чтобы позволить ей спокойно убрать дом, и чтобы никто из наших маленьких проказников сразу же не устроил беспорядок. Если бы я пустил их такими перепачканными липкой молочной массой, Америка бы нас убила.

— Мальчики, — сказал я, все еще держа руки перед собой. — Я принесу шланг. Не. Двигайтесь. Мама дома. Вы же знаете, что вам будет, если вы зайдете внутрь?

Элай посмотрел на Эмерсона, расплываясь в своей фирменной злобной ухмылке.

— Я серьезно, — сказал я, указывая на них пальцем. Они захихикали, когда я отошел на три шага от крыльца, а потом ринулся по газону на задний двор, чтобы найти кран.

Мы с Америкой были единственными в семье, и мы оба хотели нескольких детей, близких по возрасту. К тому времени, как появился Эмерсон, мы поняли, что прыгнули выше головы. Эзра был всего на месяц старше близнецов Трэвиса и Эбби, Элай появился спустя два года, а Эмерсон — еще через два. В отличие от сыновей Трэвиса и Тэйлора, мои быстро научились драться, и делали это лучше, чем их сверстники, что безошибочно выдавало в них Мэддоксов. Хорошо, что у меня был опыт обращения с подобным.

Я ухватился за распылитель и начал разматывать шланг, направляясь к крыльцу. Как только я завернул за угол, то бросил шланг и рванулся вперед: дверь была открыта настежь, а мальчики пропали.

— Черт! — Зарычал я, побежав на крик Америки.

Она была на кухне и двигалась со скоростью света. Эмерсон сидел на столе, опустив босые ноги в раковину под струю воды, пока Америка на время ослепила Элая, натянув ему на голову футболку. Она ужесыпала угрызы в сторону Эзы:

— Только пошевелись и, клянусь Богом, ты пожалеешь! — Пригрозила она.

— Есть, мэм, — сказал Эзра, замерев около холодильника в неестественной позе.

Мальчики не очень меня слушались, но ни один из них не смел противоречить своей мамочке, когда та выходила из себя. Она никогда не боялась заявить нам, что мы были близки к пересечению черты.

— Прости, любимая, — сказал я, доставая из ящика полотенца.

Америка мыслями уже была далеко от меня. Не было времени на бессмысленные извинения от меня или прощение от нее: она сконцентрировалась на том, что было

необходимо срочно сделать. Лишь мы успели стереть последний растаявший кусочек белого беспорядка с их рук и лица, мальчики уже с гипер скоростью побежали в свои комнаты. Америка устало развалилась на полу.

— Боже, благослови Диану за то, что не прибила твоих кузенов, — сказала Америка.

Я сел возле нее, положив вытянутые руки на согнутые колени.

— Дом выглядит замечательно.

— На некоторое время, — ответила она, наклонившись, чтобы поцеловать меня. — Все еще не думаю, что у нас получится затеять ремонт до того, как они уедут в колледж.

Я засмеялся, но перестал в ту же секунду, что поднялся с пола и потянул за собой жену. Мы оба застонали, чувствуя проявляющиеся признаки старения в теле. Мы много времени провели на этой кухне: готовили еду, делали детей, а позже ползали здесь на четвереньках, заменяя линолеум на современную плитку. Текстурированные потолки были отшлифованы, всюду были установлены гранитные столешницы и новое ковровое покрытие или плитка, во всех помещениях, кроме комнаты мальчиков, стены были окрашены в земляные цвета, было обновлено освещение, заменена техника. Нетронутыми остались только дубовые шкафы и отделка. Наш дом был почти нашим ровесником, но Америке нравилось превращать старое в новое, а не жить в пространстве, которое в нас не нуждалось.

Эмерсон влетел в кухню и обнял Америку.

— Люблю тебя, мама.

Он сорвался с места так же быстро, как и появился, а Америка оттянула рубашку, заметив появившийся белый след.

— Мы пропустили пятнышко, — сказала она раздраженно. — Интересно, много ли их мы пропустили. Надо устроить им вторую мойку.

— Он любит тебя, мама. Как и все они.

Глаза Америки смягчились, когда она посмотрела на меня.

— Только поэтому они все еще живы.

С момента, когда тест показал две полоски, Америка была переполнена любовью. Она любила детей больше, чем своих родителей, больше, чем Эбби, больше, чем меня. И она не искала оправданий для их выходок. Когда Америка пререкалась с моим соседом по комнате и двоюродным братом, Тревисом, никто из нас не предполагал, что она практиковалась, чтобы в будущем управляться со своими собственными мальчиками Мэддоксами. То, как она одновременно заставляла уважать себя и все же оставалась нежной матерью, почти каждый день напоминало мне тетю Диану.

— Летний лагерь? — Спросил я. Я был тренером «Чикагских Медведей», и довольно большую часть года путешествовал с ними. Америка была святой. Она никогда не жаловалась и не возмущалась, что меня нет дома, и позволяла мне продолжать заниматься любимой работой, даже если это означало для нее много одиночных ночей и

самостоятельное воспитание детей. Хотя я считал бы ее святой, даже если бы она всего этого не делала. Но иногда мне хотелось, чтобы они и жаловалась, и возмущалась.

— О, да. Рыбалка, кемпинг, разведение костров. Они так этого ждут. У нас ведь все еще есть страховка, верно?

— Верно.

Америка вздохнула, переплетая наши пальцы. Ее пальчики были сморщенны от воды, а комочек пыли запутался в ее светлых волосах, и все равно она была потрясающе красива. Я почувствовал, как что-то сжалось в животе.

— Я люблю тебя, — сказала она, и я снова в нее влюбился.

Я открыл рот, чтобы ответить, но тут зазвонил мой телефон. Я закатил глаза, а затем, используя указательный и большой пальцы, аккуратно вытащил его из переднего кармана моих штанов цвета хаки.

— Алло?

— Хей, Шеп. Это, эмм... Это Трент. Вы сейчас дома?

— Мы дома. Что случилось?

— Вы должны приехать.

Я замолчал, не ожидая такого ответа.

— Сейчас?

— Прямо сейчас, — без промедления ответил Трентон.

Я перенес вес с одной ноги на другую, поняв, что что-то не так.

— Это Джим? — Как и следовало ожидать, мой вопрос привлек внимание Америки. — С ним все в порядке?

— Он в порядке. Нам просто нужно, чтобы вы приехали.

— Конечно, — ответил я, стараясь убрать из голоса беспокойство. Я знал, что Джим был не в очень хорошем состоянии, и заволновался, что, возможно, он получил плохие новости от врача. — Будем через двадцать минут.

— Спасибо, Шеп, — сказал Трентон, прежде чем повесить трубку.

— Что с Джимом? — Спросила Америка.

Я отложил телефон и пожал плечами.

— Не знаю. Они хотят, чтобы мы приехали.

— Звучит срочно, — сказала она, внимательно глядываясь в мое лицо в поисках ответов.

— Я правда не знаю, любимая. Давай просто загоним мальчиков в машину. Двадцать минут на это — очень оптимистично.

— Я разберусь, — сказала она, выходя в коридор. — Мальчики! В машину! Быстро!

Я смотрел, как она исчезает в комнате Элая и Эмерсона, после чего начал искать ключи и телефон, потратив на это целую минуту, прежде чем понял, что они у меня в карманах. Я проклинал все на своем пути, пока поднимался в комнату Эзры. Зайдя, я сказал ему поскорее натягивать конверсы, чтобы мы могли уехать.

Я знал, что свою уборку Америка начала в первую очередь с комнат мальчиков, но пол у Эзры уже был завален одеждой, игрушками и...

— Камни? Серьезно? — Спросил я.

— Мне их дал Джеймс. Он выиграл их в покер.

Я скрыл улыбку, точно зная, от кого у Джеймса такие умения.

— Завяжи шнурки. Давай, приятель, нам пора.

— Куда? — Спросил Эзра своим тоненьким голосом. Он напоминал мне Томаса, которому всегда надо было знать все детали.

— К папе Джиму, — сказал я.

Близнецы Трэвиса и Эбби — Джеймс и Джессика — появились на свет всего на месяц позже Эзры и оказывали большое влияние на него. Но даже без их привычки называть Джима Большим папой, мои дети считали его своим дедушкой.

— Дааа! — Прошипел Эзра, выбегая за дверь с незавязанными кедами.

— Эзра, зашнуруй обувь! Эзра! — Прокричал я ему вслед.

Америка уже стояла около машины с открытой задней дверью и через Элая тянулась к ремню Эмерсона, чтобы пристегнуть его. Эзра скользнул на сиденье с другой стороны, болтая шнурками. Америке было достаточно кивнуть на его ноги, и он послушно подтянул колени, чтобы завязать шнурки.

— Как тебе это удается? — Сказал я, подходя к своей дверце.

— Они точно знают, что именно может им сойти с рук, — сказала она, открывая пассажирскую дверь. Она пристегнулась, а потом откинулась на спинку, наслаждаясь драгоценными минутами спокойствия, что были у нас в машине, пока дети пристегнуты. Я еле расслышал ее следующие слова сквозь шум двигателя. — У каждого ребенка есть валюта — любовь. А еще они знают, что я могу их уничтожить.

Я усмехнулся, точно зная, что она говорила серьезно. Я видел, как многие самолетики или гоночные машинки были упакованы и отданы на благотворительность, либо хранились, пока мальчики их не заработают обратно. Порой Америка вела себя как военачальник, но совершенно справедливо. Однажды они ее перерастут, и ей было важно до тех пор воспитать в них уважение. По дороге к Джиму, я думал, как бы все сложилось, будь Диана здесь, чтобы воспитывать моих кузенов. Все, что делала Америка в качестве матери, в точности соответствовала моим представлениям о моей тетушке. Я не был уверен, как ей, будучи единственной дочерью в семье, удавалось усмирить толпу шумных Мэддоксов, но как только она подарила жизнь Эзре, каким-то образом она всегда знала, когда быть ласковой, а когда жесткой.

Я включил поворотник, пропуская машины, прежде чем повернуть налево к дому Джима. Две грунтовые трещины на каждой стороне дорожки свежескошенной травы тянулись по левой стороне дома прямо к задней его части. Рядом уже было припарковано столько машин, что мой минивэн остался торчать задом на дорогу на целых полметра. Хорошо, что машина, припаркованная перед домом, удерживала от него поток автомобилей.

— Что за чертовщина? — Сказала Америка.

— Мама, — отругал ее Эзра. — Не говори чертовщина.

— Это ты не говори чертовщина, — ответила Америка.

— Ты первая.

Она медленно повернулась, стреляя в него смертоносным взглядом. Он опустился на сиденье, уже опасаясь за свою жизнь.

Никто не ждал нас на крыльце. Что-то было не так. Я отстегнул Элая и Эмерсона и поспешил к Америке, которая вела Эзру за руку к входной двери. Я два раза постучал, а затем открыл дверцу, сделав мысленную заметку, что стоит починить ее, пока она не слетела с петель. Трентон и Камилла все свое время тратили на попытки забеременеть, а Трэвис только что вернулся домой после работы в городе. Я старался помогать, если была возможность.

Америка, тоже встревоженная неизвестностью, взяла меня за руку. Мы зашли, и был слышен лишь тихий разговор на кухне. Кроме этого в доме была абсолютная тишина, столько необычная для такого количества людей внутри.

— Хей, — сказал я, когда в поле зрения появился Трентон. Он выглядел дерзко, и по нему с Камиллой было видно, что они плакали.

Эбби стояла, прислонившись к шкафчикам у холодильника, наблюдая, как Трентон готовится сообщить мне новости.

— Где Джим? — Спросил я.

Он быстро обнял меня.

— Спасибо, что приехали так быстро

— Трентон, — сказал я. — Расскажи мне, что происходит.

— Это Томми, — сказал он надломившимся голосом.

— О, Боже. Что-то с ребенком? — Спросила Америка.

Мой желудок ухнулся вниз. Стелла родилась лишь пару дней назад.

— Нет, — покачал головой Трентон, — нет, она в порядке. Полностью здорова. — Он посмотрел на мальчиков. — Джеймс и Джесс наверху. Почему бы вам, парни, не подняться к ним?

Все три мальчика вылетели из комнаты, и Америка двумя руками ухватилась за мою руку, готовя нас обоих к тому, что мог сказать Трентон.

— В Томми стреляли у его дома. Сразу после того, как они привезли туда Стеллу.

— Стреляли? — Переспросил я, чувствуя головокружение. Казалось, весь воздух выкачали из комнаты, пока я пытался переварить сказанное. — Но он в порядке?

Лицо Трентона вытянулось.

— Все плохо, Шеп.

Я разозлился, хотя и не понимал, почему.

— Это была проезжающая мимо машина или...?

— Мы точно не знаем. Агентам было приказано ждать, пока приедет Лииз, прежде чем дать нам больше информации, — сказал Трентон.

Америка сморщила нос.

— Агенты?

Трентон жестом указал через плечо на мужчин в костюмах, сидящих за обеденным столом.

— ФБР.

Я наклонился, чтобы получше их разглядеть, а затем выпрямился.

— Что агенты ФБР здесь вообще делают?

— Мы точно не знаем, по правде говоря. Думаю, это как-то связано с теми, кто стрелял в Томми. Может, они в списке разыскиваемых или еще что.

— Но почему бы им не дать нам больше информации? Они задавали вам какие-нибудь вопросы? — Спросила Америка.

— Нет, — сказал Трентон.

Америка подошла к Эбби, все тело которой — даже ее нос — выглядело опухшим.

— Тебе не кажется, что ситуация странная? Где Трэвис?

Эбби коснулась руки Америки, призывая ее к терпению

— Все будет хорошо, Мерик, — сказала Эбби. — Он поехал забрать Лииз из аэропорта.

— Лииз здесь? Почему она не с Томасом? — Спросил я.

Не успела Эбби ответить, как в комнату, хромая, зашел Джим.

— Дядя Джим, — сказал я, обнимая его.

Он похлопал меня по спине.

— Просто подожди, пока нам что-нибудь не сообщат. — Когда он отстранился, он выглядел усталым и разбитым, будто бы уже зная, что произойдет.

— Тебе что-нибудь сделать, пап? — Спросила Эбби.

— Я бы не отказался от кофе, — ответил он.

— Я сделаю, — сказала Камилла. — Вам обоим следует отдохнуть. — Она имела в виду Эбби и Джима, но я чувствовал необходимость сесть.

Пока Америка шла мимо меня, за руку ведя Эбби в комнату, я заметил, что у всех присутствующих на лицах были написаны страх и опустошение — у всех, кроме Эбби. Обычно она бы допрашивала тех агентов, пока не получила бы ответ.

Америка кивнула с проблеском понимания в глазах. Я задался вопросом, знала ли она больше, чем я. Послышались крики мальчиков, и Америка бросилась к подножию лестницы, громко закричав:

— Какие-то разборки?

— Нет, мэм! — Закричали все трое в ответ.

Камилла улыбнулась и наполнила стакан льдом и водой, подав его Джиму, прежде чем сесть обратно в кресло.

— Это не похоже на кофе, — сказал он с улыбкой.

— Знаю, — ответила Камилла.

Мы с Америкой присоединились ко всем в гостиной, но Трентон остался в коридоре, пытаясь дозвониться до близнецов в Колорадо. Америка села на диван, и я расположился на полу между ее ног, стараясь не стонать, когда она начала кругами массировать мои плечи.

Трентон вошел, поднимая в воздух телефон.

— Близнецы забронировали билеты на утренний рейс. Я встречу их.

— Я поеду за тобой на минивэне, — сказал я.

Пальцы Америки вдавливались в мои застывшие мышцы.

— Когда мы узнаем больше информации о Томасе? — Спросила она.

— Скоро, — ответила Эбби.

Америка стрельнула в нее взглядом. Что-то происходило, и моя жена никогда не любила оставаться в неведении. Когда Тревис с Эбби тайно поженились, я думал, она их придушит. Видимо, они не усвоили урок.

Входная дверь открылась и закрылась, и из-за угла показался Тревис, ослабляя галстук. Он устроился на работу в рекламной фирме Томаса. Она находилась в Калифорнии, и, согласно истории, он замещал Томаса, пока тот уехал управлять офисом на Восточном побережье, но Тревису каким-то образом удалось остаться в Икинсе. Все это имело мало смысла, но я и не думал их допрашивать до сих пор. Мы с Америкой были заняты семейными делами. Было проще простого упускать вещи из виду.

Я встал, чтобы обнять Тревиса.

— Ты в порядке? Откуда этот синяк под глазом?

Тревис поморщился.

— Я разбил внедорожник.

— Где Лииз? — Спросил я.

— Ее подруга Вэл забрала ее, чтобы купить подгузники и все такое, — ответил он с уставшим видом.

— Кто-нибудь ответит на чертов вопрос? — Выпалила Америка. — Почему Лииз здесь без своего мужа?

— Мерик, — предупреждающе сказала Эбби.

Камилла принесла папе дымящуюся кружку, и на мгновение его глаза загорелись.

— Кофе без кофеина, — сказала она.

— Эбби, почему мы здесь? — Потребовала ответа Америка.

— Чтобы вы были в безопасности, — выпалила она. — Чтобы мы все были в безопасности.

— В безопасности от чего?

Трэвис нахмурился.

— От тех, кто стрелял в Томаса.

Я посмотрел на свою жену. Ее рот слегка приоткрылся, и она перестала тереть мои плечи.

— Что, черт возьми, это значит? — Спросил Трентон, дотянувшись до руки Камиллы. Она сжала его руку, выглядя так же ошеломленно и взволнованно, как Америка.

— Это значит, что... — Начал Джим, сделав глубокий вдох. — ФБР здесь, и, видимо, они считают, что то, что произошло с Томасом, это не случайность. А теперь... Вы все, просто успокойтесь. Здесь вы в безопасности. Дети в безопасности. Когда Тэйлор и Тайлер приедут сюда, они тоже будут в безопасности.

— И это весь план? — Спросила Камилла. — Затаиться здесь, как в безопасном убежище?

— Они действительно думают, что кто-то охотится на нашу семью? — Спросил Трентон.

— Почему?

Трэвис казался все более раздраженным с каждым вопросом.

— Это возможно.

— На всю семью? — Спросил Трентон.

— Возможно, — ответил Трэвис.

— Оливия! — Сказал Трентон и побежал по коридору на выход.

ГЛАВА 7

Лииз

НА 24 ЧАСА РАНЬШЕ

Я сидела в захудалом гостиничном номере с отваливающейся белой краской на стенах и старой мебелью. За время работы на ФБР я побывала во многих подобных дырах, но никогда с новорожденным ребенком. С тех пор, как мы заселились, я держала малышку на руках, опасаясь отпустить ее, предварительно не проверив всю комнату с ультрафиолетом.

После короткого стука Агент Хайд приоткрыла дверь.

— Это я.

— Входи, — сказала я, наполовину с облегчением, а наполовину с раздражением. Она вернулась с пустыми руками, хотя я и попросила ее принести чистые простыни, подушки и одеяла — не те, что выдавали в этом мотеле — и целый список других вещей.

— Знаю, о чем Вы думаете, — сказала Хайд. Ее грязные светлые волосы были зачесаны назад и связаны на затылке. Она была лучшим агентом Куантико после меня. Я была рада, что она была здесь, хоть она и не казалась мягкой и пушистой. Я тоже хотела бы выглядеть твердой, собранной и невозмутимой, но было сложно делать это в моем расстегнутом бюстгальтере для кормления, попахивающем отрыжкой младенца.

— Ты понятия не имеешь, о чем я думаю, — ответила я.

— Они уже в пути.

Может, она и знала.

— Лучше бы этому быть правдой. Он знает, как я ненавижу округ Колумбию, и этот мотель ужасен.

— Ну, это как жертва ради общего блага. — Когда Хайд увидела выражение моего лица, она сглотнула. — Прошу прощения, Агент Линди. Неудачная шутка. Но после того, что случилось с Сальватором Каттоне в девяностых, мафия сторонится Колумбии, и это самое безопасное место для вас.

— Это хранилище спермы и микробов? — Спросила я. Хайд была невозмутима и оставила вопрос без ответа. Я посмотрела наверх и вздохнула. — Как он?

Она выронила только одно слово:

— Задет.

Я опустила взгляд, рассерженная, что из-за гормонов не контролировала эмоции. Слезы покатились по моему носу и закапали с его кончика на розово-коричневую пижамку Стеллы. Всего несколько дней назад слезы были чужды мне. Теперь же это было единственным, что я делала.

У Бюро было всего пятнадцать минут, чтобы предупредить нас о том, что Карлиси разделились и уже были близко. Они ехали с целью убить Томаса и Трэвиса. Одна их

группа была прослежена до Куантико, другая — до Калифорнии. У того, кто стрелял в Трэвиса, была неверная информация, которую мы специально распространяли, создавая ему прикрытие, когда его раскрыли, но было лишь вопросом времени, когда они выследят его до Иллинойса.

Всего пятнадцать минут, чтобы придумать план, согласно которому Томас рисковал жизнью на лужайке перед нашим домом. Снайперы были наготове, когда ниже по дороге послышался визг машин. Когда бандиты начали поливать наш дом пулями, один из снайперов прострелил заднюю шину арендованного Ниссан Альтима, а другой выстрелил в бронежилет Томаса. Мой муж упал вниз и оставался на земле, пока не приехала скорая. Ниссан умчался прочь, но был пойман спустя двадцать минут погони. После того, как мафиози бросили машину и побежали пешком, агенты нагнали их. Кто-то из них вытащил пистолет и былбит. Остальных арестовали. Томас не мог добиться лучшего исполнения плана.

Я все еще могла чувствовать ощущение его губ на моих, когда он целовал меня, прежде чем выйти за дверь. Это был прощальный поцелуй, и я не знала, встретимся ли мы еще или нет. Была вероятность, что мы больше не увидимся.

Бенни был мертв, а мы, наконец, загнали в угол одного из его людей, который был согласен свидетельствовать против Карлиси — никчемного игрока из Вегаса, который выбивал деньги из мелких стриптиз-клубов. По совместительству этот игрок оказался отцом Эбби Мэддокс, с которым она не общалась. Мик Эбернати теперь был под стражей. Эбби передала нам пятнадцатисантиметровую стопку бумаг на собственного отца, не оставляя ему никакого выбора, кроме как дать показания против оставшихся членов семьи Карлиси. Мы знали, что они не остановятся без кровопролития, и надеялись, что люди Бенни поверят в смерть Томаса, что спасет Трэвиса или меня от дачи показаний.

Я могла бы планировать это всю свою жизнь и все равно не была бы готова к тому, что отца моего ребенка застрелят на лужайке перед нашим домом. В этот момент из моих глаз полились непрекращающиеся слезы.

В дверь постучали, и Хайд с пистолетом наготове проверила, кто это был, после чего пропустила человека в штатском с большими пластиковыми пакетами.

— Добрый день, агент Хокинс.

Он кивнул Хайд, а затем мне:

— Агент Мэддокс.

— Линди, — поправила его Хайд. — Она все еще Линди.

— Прошу прощения, — сказал он, запнувшись. — Я думал...

Я могла лишь потрясти головой в ответ, чувствуя, как снова начинают слезиться глаза. С каждым разом это все больше раздражало меня. Почему у людей так хорошо получается спросить о том, что в данный момент бывает сильнее всего?

Томас несколько раз делал мне предложение, но замужество не было в моих планах, а я всегда придерживалась плана. В день, когда на свет появилась Стелла, мои планы

поменялись, и я решила, что это не так уж и плохо. В следующий раз, когда мы увидимся с Томасом, он пообещал снова сделать мне предложение. Никаких самолетов, делающих надписи в небе, никаких цветов, никакой Эйфелевой башни или другой театральщины, у нас просто был новый план. И теперь мне надо было лишь убедиться, что я снова его увижу.

Агент Хокинс достал тонкое одеяльце и начал разбирать пакеты.

— Постельное белье для двуспальной кровати и одеяло, как вы просили. Простыни для детской кроватки, подушки, тряпки и Лизол^[1]. Все простыни постираны, та, что для кроватки, с тем средством, что вы сказали.

[1] Лизол — дезинфицирующая маслянистая жидкость красно-бурого цвета.

— Спасибо, — сказала я, глядя, как он уходит.

Пока я заворачивала Стеллу в тонкое одеяльце, Хайд уже протерла кроватку. Я развернула маленькую простынь и понюхала ее, чтобы убедиться, что ее стирали с детским мылом. Я глубоко вздохнула, вспомнив, как Томасу нравился этот запах, когда мы готовили детскую. Детскую, которую мы даже не использовали.

Я подготовила кровать Стеллы и аккуратно положила туда ее крохотное тельце, завернутое в одеяльце. Она ворочалась и плакала, пока я меняла ее подгузник, но успокоилась, когда я протерла ее зарастающую пуповину спиртом и застегнула пижамку от самых лодыжек до груди. Я положила ей в рот соску, и она начала сосать ее, постепенно расслабляясь и засыпая. Стелла выглядела такой крошечной в этой грязной гостиничной колыбельной. А ведь у нее была восхитительная новенькая детскская в нашем доме, которую она едва успела увидеть. Она не заслужила этой кишащей микробами комнаты.

Мое горло сжалось, и слезы снова потекли из глаз. Хайд с бесчувственным выражением лица протянула мне салфетку.

— Ты, должно быть, думаешь, что я сумасшедшая, — сказала я, вытирая глаза.

— Нет. У моей сестры есть дети. Это не продлится вечно.

— Я не знала, что ты тетя. Племянницы или племянники?

— Все они, — ответила Хайд, стараясь скрыть улыбку. — Хантеру пять лет, Лиз три года, а Ною восемь месяцев.

— Ничего себе, — со смехом выдохнула я.

Выражение лица Хайд смягчилось.

— Вы прошли через многое, Линди. Будьте снисходительнее к себе.

Я подумала о ее словах, и поняла, что она права. Я никогда бы не была столь требовательна к кому-то другому в подобной ситуации. Я кивнула и вытерла нос.

— Спасибо. Я буду. — Я откашлялась, изо всех сил стараясь собраться и размышлять как агент, которым когда-то была. — Есть новая информация о Мэддоксе?

— Он жив, — сказала она.

Я подавила желание снова заплакать.

— А Карлиси?

— Арестованы. Один мертв.

— Который? — Спросила я.

— Вито, — сообщила Хайд.

Я потерла затекшую шею. Стресс и ребенок отнимали все силы, и я едва могла держать глаза открытыми.

— Любимец Бенни. Это сильно по ним ударит.

— Не скидывай со счетов Джиаду. Она чокнутая.

Хайд была права. Старшая из женщин семьи Карлиси была чуть ли не опаснее самого Бенни. Она оставалась в тени, но многие убийства произошли именно из-за ее нашептываний на ухо мужу.

— Это либо добьет ее, либо заставит взять дело в свои руки, — кивнула я и потянулась к своему телефону.

— Агент Линди, — сказала Хайд, делая шаг вперед. Когда я замерла, она продолжила. — Я могу связаться с директором, если Вы хотите предупредить его о Джиаде.

— О, точно, — сказала я, опуская свой телефон. Карлиси думали, что я теперь скорбящая вдова. Если действительно имелся крот или бумажный след, или еще какая-либо информация, попадавшая к Карлиси — а после их обнаружения точного местоположения Томаса у нас был повод так подумать, — мне следовало быть осторожнее. Лишь небольшая горстка людей знала, что Томас жив. Скрыться из дома и находиться под защитой в безопасном месте казалось логичным со стороны, но если бы я позвонила директору с какой-то информацией, а не гневными криками из-за произошедшего с Томасом, это могло вызвать подозрения.

— Нам нужно найти, кого или что они используют, чтобы получать информацию, — сказала я.

— Мы над этим работаем.

— У нас есть зацепки?

— Агент Линди, ребенок спит. Моя сестра всегда дремлет, когда засыпает ребенок, ведь это единственное время, когда она...

— Хорошо, — сказала я. — Ты права.

Хайд казалось удивленной, услышав мой ответ, но быстро оправилась и, пока я была в душе, успела расстелить новое постельное белье, а также разложить подушки и одеяло. Я поплелась к кровати в обувь, не желая босиком наступать на грязный ковер.

Я легла и почувствовала легкий запах лаванды. Хайд заметила, что я осматриваюсь и нюхаю воздух. Она переступила с ноги на ногу, и ее лицо вспыхнуло. От моего невысказанного вопроса ей стало неудобно.

— Я попросила Хокинса найти парочку освежителей воздуха. В вашем доме немного пахнет лавандой, и я подумала, что это заставит Вас расслабиться. Освежителей всего два. Если это слишком много для ребенка...

— Нет, — сказала я с благодарной улыбкой. — Нет, это очень заботливо с твоей стороны.

— Это предложила агент Тейбер.

— Вэл, — с улыбкой сказала я, но потом мои глаза снова начали слезиться.

— Она будет в самолете. Она настояла, что должна Вас сопроводить в Иллинойс.

— Спасибо, — сказала я, с отчаянием желая поскорее увидеть мою самую близкую подругу.

Хайд не улыбнулась и особо никак не отреагировала, но даже это заставило меня чувствовать себя лучше, потому что обычно так вела себя моя мать. Она демонстрировала свою любовь поступками. А вот отец был ласковым и заботливым. Может, именно поэтому директор выбрал Хайд в качестве моего телохранителя. Не считая того, что она была одним из лучших водителей в Бюро и отлично управлялась с пистолетом, в ней также было нечто материнское.

Я положила голову на подушку. Она тоже немного пахла лавандой, и я задумалась, не сбрызнула ли ее Хайд, чтобы помочь мне расслабиться. Я не стала ее спрашивать, чтобы снова не смутить.

Я смотрела, как Стелла дышит, и пуговички на ее пижамке поднимаются и опускаются. Она выглядела такой умиротворенной. Я задавалась вопросом, скучала ли она по голосу Томаса и знала ли, что мы не там, где должны быть. Я не осознавала, что снова плачу, пока не почувствовала, что наволочка влажная, и закрыла глаза, умоляя себя расслабиться и немного отдохнуть. Скоро Стелла проснется, а я не могла заботиться о ней, не заботясь о себе. Утром мы переезжали, а позже вылетали в Икинс. Я должна была набраться сил, чтобы разбить больше десятка сердец.

— Хайд? Будешь ли ты там завтра? В Икинсе?

— Куда Вы, туда и я, агент Линди.

— Можешь ли ты сообщить, куда надо, что тебе нужно связаться с Томасом? Скажи ему, что я его люблю.

— Я передам.

Я почувствовала, как растворяюсь в матрасе, но так же сильно, как я старалась заснуть, я не могла этого сделать.

ГЛАВА 8

Фэйлин

Скотч издал громкий шум, когда я начала его вытягивать, и я замерла. Наш единственный телевизор стоял в комнате дальше по коридору, и я прислушалась к доносившемуся через закрытую дверь моей спальни разговору Спанч Боба и Патрика. Было бы удобнее упаковать все пораньше, но Тэйлор хотел рассказать хорошие новости детям вместе. От мысли, как они обрадуются, я улыбнулась, но моя улыбка быстро угасла. Все страдания, что они чувствовали последние несколько месяцев, были моей виной.

Стены были оббиты панелями, но одного кусочка не хватало, из-за чего виднелся гипсокартон. Кровать была королевской, но она и близко не стояла с той божественной кроватью, что я оставила. Наше лоскутное одеяло не покрывало матрас полностью, но оно помогало мне переносить зиму Колорадо. Фотография Тэйлора с детьми располагалась на ночном столике. Несмотря на то, что Тэйлор не делил со мной кровать, я до сих пор спала на той же ее части, что выбрала, когда мы начали жить вместе. Хэдли иногда заползала на половину Тэйлора посередине ночи, но в остальное время она пустовала.

Холлис и Хэдли были почти одного возраста, и поэтому они начали ходить в подготовительную школу вместе. Сейчас они уже закончили второй класс. Смотреть на темные волосы Холлиса, его бронзовую кожу и голубые глаза было все равно что смотреть на Алису, женщину, которую встретил в Калифорнии Тэйлор во время недели нашего расставания. Как же я была зла, когда узнала о том, что от него забеременела другая. Но та ночь, которую Тэйлор и Алиса провели вместе, подарила нам Холлиса, и я бы ни на кого не променяла своего сына. Хэдли была вылитой мной, кроме ее теплых шоколадных радужек. Она сохраняла длину своих вьющихся блондинистых волос, и у нее была такая же россыпь веснушек на носу и щеках.

Они оба нечасто смотрели на меня с тех пор, как мы переехали из Эстес Парк в Колорадо Спрингс. Хэдли была немного снисходительнее Холлиса: иногда она даже могла забыть, что злится на меня, и обнять меня или вечером прижиматься ко мне на диване, пока мы смотрели фильм. Но Холлис использовал любую возможность, чтобы напомнить мне, как я испортила ему жизнь. Становилось все сложнее спорить с ним об этом. Здесь ему сложно было завести друзей, в то время как в Эстес Парке все его любили. Он был капитаном команды, очаровывал девочек и пел как звезда бойз бэнда. В Спрингсе же он был всего лишь новеньkim, угрожавшим уже установившейся иерархии в классе.

Сейчас второй класс был совершенно не таким, как в мои времена.

Мой телефон завибрировал, и я подняла его, думая, что это звонит Тэйлор. Но это был Питер. Я все еще не была уверена, как он заполучил мой номер, но он не переставал меня доставать. И я все еще не была уверена, была ли моя вина в том, что случилось в ту ночь. Может, я смотрела в его сторону слишком долго или рассеянно улыбнулась ему. Такие люди, как он, думали, что если женщина посмеялась над шуткой, то она втайне мечтает, чтобы ее трахнули. Получается, нет. Это была не моя вина. Он привык к особому

отношению и отсутствию ответственности. Он вырос богатеньkim слюнтяем с наклонностями насильника, также известным как сынок мэра Лэйси. Питер положил глаз на меня в ту самую минуту, как мы зашли в бар, чтобы отпраздновать повышение Джубала до лейтенанта. Мы с Тэйлором нечасто выходили из дома, ведь если и оставляли детей с кем-то, то это должна была быть лучшая из возможных нянь.

В течение нескольких недель после того, как я ушла, мне не хотелось никуда выходить из дома. Но чем больше времени проходило, тем злее я становилась. Тэйлору давно следовало научиться самоконтролю. Он поставил под вопрос свою работу и работу брата. Я нахмурилась. То, что раньше казалось милым и, возможно, даже лестным, теперь было опасным. Я не хотела, чтобы наши дети решили, будто из любой ситуации можно выйти сухим из воды. Они должны были понимать, что за все надо отвечать.

Я бросила свой телефон на матрас и накрыла его стопкой сложенных полотенец. Они были уже немного застираны, но от них пахло домом, так что я хранила их в сумке на дне моего шкафа и открывала только тогда, когда начинала слишком сильно скучать по Тэйлору. *Возможно, это было немного ненормально.*

Дверной звонок сообщил о чьем-то прибытии со своим необычным звоном, молящем о том, чтобы его избавили от страданий.

— Папочка! — воскликнула Хэдли.

Тэйлор встречал детей, его приветствия прерывались крепкими объятиями. Немного позже дверь моей спальни резко открылась, а на пороге стояли Холлис с Тэйлором, держащим на спине Хэдли. Холлис широко улыбался, его ямочка стала видна, а глаза даже отдаленно не напоминали Тэйлора или мои.

— Папа приехал! — Сказал Холлис. Он был так взволнован, что не заметил коробку на кровати, но Тэйлор все увидел.

— Я это вижу, — ответила я с усмешкой.

— Эмм... Почему бы вам, детишки, не сложить вещи? Мне надо поговорить с мамой.

— Мы поедем с ночевкой? Правда? — Сказала Хэдли, со спины обнимая Тэйлора. Она посмотрела на меня. — Правда, мам?

— Правда, — сказала я. — Идите.

Они помчались друг за другом в свои комнаты, создав при этом столько шума, сколько вообще возможно. Еще вчера я бы волновалась, что соседи могут пожаловаться, но мы, наконец-то, съезжали из этой дыры.

— Как все продвигается? — Спросил Тэйлор, заметив коробку и беспорядок на моей кровати.

— Только начала. Было сложно тайно складывать, когда еще надо было готовить ужин и... — Я замолчала, заметив пятно сажи на его лице. — Я проверяла новости с телефона. Огонь все еще горит.

Тэйлор кивнул.

— Там настоящий монстр.

— Ты уверен, что Тайлер был не против, что ты его оставил там одного?

— Ага, — ответил он, оглядываясь по сторонам. Он нашел коробку для хрупких вещей, открыл ее и стал заклеивать днище. Казалось, он борется с собой, не зная, как начать разговор. Когда он сильнее нахмурился, я начала готовиться к тому, что он может сказать. — Эмм... Фэйлин...

— Пап! — Сказал Холлис, держа в руке сумку. Он взглянул на пустые коробки передо мной и Тэйлором. — Что происходит?

Я повернулась к детям и увидела их растерянные лица.

— Давайте поговорим за столом. Пойдемте.

Холлис и Хэдли последовали за мной в столовую, которая на самом деле была огороженным участком гостиной со столом и стульями.

Мы сели, и они оба поставили локти на стол, перекрестив руки так, как всегда делает Тэйлор.

— Нам нужно кое-что вам рассказать, но прежде чем мы сделаем это, я хочу объясниться. Мы с папой не сходимся обратно и не собираемся этого делать — по крайней мере, в ближайшее время. Нам надо еще многое над чем поработать.

Дети опустили глаза на свои руки, и так же сделал Тэйлор.

— Хорошая новость в том, что, — сказала я, глядя на Тэйлора. — Скажешь сам?

— Хорошая новость в том, что вы переезжаете обратно в Эстес Парк.

— Что? С тобой? — Сказал Холлис, вскочив со своего места. Он обвил свои руки вокруг шеи Тэйлора, и я постаралась не принимать близко к сердцу то, что он так хотел жить со своим отцом.

— И с мамой тоже, — ответил Тэйлор. Оба ребенка перевели свои пристальные взгляды на меня. — Это и есть сбивающая с толку часть.

— Мама тоже переезжает? — Повторила Хэдли. В ее глазах мелькнул лучик надежды.

— Мы с вашим отцом думаем, что будет лучше, если мы с вами переедем обратно в Эстес, где вы сможете жить в своих старых комнатах и вернуться в школу к своим друзьям.

— Но вы не вместе? — Спросил Холлис, и на его лице отразилось замешательство.

Тэйлор сглотнул, уже ненавидя то, что собирается сказать.

— Я перееду в квартиру, пока мы с вашей мамой во всем разбираемся.

— Квартиру? — Застонал Холлис. Его глаза заслезились, и он рухнул обратно на стул. — Это чертовски глупо.

— Холлис Генри Мэддокс! — Заворчал Тэйлор.

Он не привык к его ругательствам, перепадам настроения и гневу так, как я. Для детей я была той, кто разрушил их жизнь, а папа был для них спасителем.

Тэйлор взял себя в руки и потянул к себе Холлиса, обнимая и сажая на колени.

— Вы здесь несчастливы, и ваша мама это замечает. Она позвонила мне и обсудила ваш переезд домой, и это большой шаг для нее. Мне не сложно найти себе квартиру на некоторое время.

— На какое именно время? — Спросил Холлис, стараясь не заплакать. Его щеки покраснели, делая легкие веснушки почти незаметными.

— Холлис, — начала я. — Мы уже говорили об этом. Иногда родителям нужно время, чтобы...

— Это все бессмысленное дермо! — Сказал Холлис. — Если мы будем жить в Эстес, то мы должны жить там вместе.

— Но мы не можем, — сказала я решительно. — Еще нет.

Холлис на мгновение уставился на меня с ненавистью в глазах. В такие моменты я каждый раз со страхом ждала от него криков, что я его не его настоящая мама, но пока что он этого не делал. Стиснув зубы, он с громким скрипом по плитке оттолкнул свой стул и протопал в свою комнату.

Тэйлор вздохнул:

— Все прошло не так хорошо, как я планировал.

— Тебе стоит пойти и поговорить с ним, — сказала я.

Тэйлор поцеловал макушку Хэдли и кивнул мне, после чего пошел за Холлисом в его комнату.

— Мам? — Сказала Хэдли. — Он может пожить в моей комнате. — Я посмотрела на нее, не понимая, о чем она говорит. Ее платиновые волосы, обрамляющие веснушчатое лицо, были такими же, как и у Оливии. — Папа. Если ты не хочешь с ним спать, он может пожить в моей комнате.

Я потянулись к руке Хэдли и сжала ее. К моему удивлению, она сжала мою руку в ответ.

— Мне жаль, что я не могу все объяснить тебе так, чтобы ты поняла.

— Я все понимаю, — ответила она. — Его арестовали, и ты на него разозлилась. Но ты злишься на него уже долгое время. Может, пора уже его простить?

Я опустила взгляд.

— Все не так просто, любимая. Хотелось бы, но нет.

Она кивнула и переместить взгляд на центр стола, где лежали наши руки.

В комнату зашел Тэйлор, засунувший руки в карманы своих джинсов.

— Он в порядке. Уже собирается. Тебе тоже следует собирать вещи, малышка.

Хэдли выпрыгнула из-за стола и поспешила к себе в комнату, остановившись на секунду, чтобы обнять Тэйлора за талию. Он крепко обнял ее в ответ и отпустил, чтобы она понеслась дальше, в то время как я опустила подбородок себе на руку.

— Они ненавидят меня с тех пор, как мы переехали. Это выматывает.

— Они никогда не будут тебя ненавидеть.

— Ты этого не знаешь, — сказала я.

— Нет, знаю, — мы встретились глазами, и никто из нас не говорил больше ни слова. Я сглотнула, прекрасно осознавая, что мы все еще друг друга любим, но также понимая, что я не была готова быть с ним. Это была тонкая грань, и следовало осторожно принимать решения. Я знала, что тяну с возвращением не из-за глупого желания наказать его. — Пойдем, — сказал Тэйлор. — Начнем с твоей комнаты. — Он протянул мне руку, но я заколебалась, и он отстранился, засовывая руку обратно в карман. — Ты знаешь, что я все понимаю. Дети не понимают, но я — да. Просто они не знают, что произошло. Не знают, что я этого заслуживаю.

— От этого не легче.

— Однако они не заслуживают этого. Фэйлин, мы должны быть выше этого.

— Тэйлор, не надо, — я встала и прошла мимо него. Он мягко схватил меня за руку, и мне потребовалось собрать все свои силы, чтобы не прижаться к нему. Я соскучилась по его прикосновениям, по близости с ним, по его голосу и по тому, как он на меня смотрит.

— Я все еще люблю тебя, — сказал он с нотками гнева в голосе. Я не могла его винить: наша семья распалась, а дети были подавлены.

— Я знаю, — ответила я. Бушевавшая во мне обида не позволила мне сказать что-либо еще. Я отстранилась и пошла к выходу из комнаты.

Тэйлор взял несколько коробок и отнес детям, после чего вернулся и стал помогать складывать мои вещи. Мы сложили носки, обувь и ведерки для Хэллоуина из верхнего ящика в прихожей. Я соскучилась даже по тому, насколько Тэйлор был высоким. Он мог дотянуться туда, куда я бы никогда не смогла, мог поднять и открыть все, что не могла я. Иногда я позволяла делать ему это, даже если могла справиться сама — просто для того, чтобы наблюдать за ним.

— Я тоже все еще тебя люблю, — сказала я. Тэйлор обернулся с нечитаемым выражением лица. — И я скучаю по тебе. Может быть, в этом дети умнее, чем я. Может, мы должны попытаться исправить это внутри семьи, и не вредить детям в то время, как я ищу какого-то знака.

— Так ты этого ждешь? Знака, что я изменился? — Он шагнул ко мне, бросив все, что было у него в руках. — Потому что, детка, я изменился. Я не хочу потерять тебя. Не хочу потерять детей. Я... — Мой телефон зазвонил, прерывая его. Я осмотрелась вокруг, похлопывая по карманам джинсов. Звонок раздался опять, и Тэйлор указал на стопку полотенец.

— Звучит оттуда, — сказал он, подходя к кровати. — Уже поздно. Думаешь, это Элли?

— А, ну да. Я... — *Oх. Черт.*

Прежде чем я успела его остановить, Тэйлор поднял полотенца и взял мой телефон. Его лицо сразу скривилось в отвращении.

— Почему чертов Питер Лэйси звонит тебе? Откуда у него твой номер, Фэйлин?

— Я не знаю, — сказала я, протягивая руку к своему телефону. — Это не важно. Я никогда не отвечаю.

В глазах Тэйлора мелькнуло понимание, и он стал злиться сильнее.

— Сколько раз он с тобой общался? Фэйлин, какого черта? Это поэтому ты хочешь вернуться?

Мой рот приоткрылся.

— Нет! И он не общался со мной, потому что я не отвечала!

— Откуда у него твой гребаный номер? — Закричал Тэйлор. Вены на его шее вздулись, а глаза чуть ли не святились и выглядели дикими. Его грудь вздымалась, и я видела, как он пытается сдержаться — ему хотелось по чему-нибудь или кому-нибудь ударить. Если бы здесь был Питер, он бы с легкостью мог убить его. И я вспомнила, что именно от такого Тэйлора я ушла.

Я опустила глаза на пол. Надежда, которая была у меня несколько минут назад, ушла. Когда я снова подняла голову и встретилась глазами с Тэйлором, я увидела, как его гнев сменяется стыдом. Но даже тогда он не мог успокоиться. Он схватил стопку полотенец и положил их на вершину коробки со всякой мелочью, заклеил ее, оторвал скотч и подписал маркером, после чего швырнул коробку в угол комнаты, отчего ее содержимое разлетелось.

В коридоре стояло два темных силуэта, и когда я поняла, что наши дети опять увидели этот бред под названием наш брак, я прикрыла рот, не в силах сдержать слезы.

— Нет, детка, не плачь, — Тэйлор выглянул в коридор. — Мне жаль, — сказал он детям. Он сел на кровать и сгорбился. — Мне жаль, — приглушенно повторил он.

— Мы все еще переезжаем? — Спросила Хэдли, выступив из тени.

— Лично я — да, — сказал Холлис.

Я вытерла щеки и подошла к двери, обняв Холлиса и Хэдли так нежно, будто они могут разбиться, как керамика в коробке.

— Да. Да, мы все равно переезжаем. Папа этого хочет, и я тоже. Мы были счастливы в Эстес, верно?

— Верно, — ответили они вдвоем, глядя на меня и кивая.

Скоро Холлис перерастет меня и, возможно, даже Тэйлора. Я не могла позволить ему считать, что насилие и запугивание — правильные методы решения проблем. Я не могла позволить Хэдли считать, что поведение Тэйлора было приемлемым, и что мириться с ним правильно. И я не могла позволить им — или моему чувству вины — просить меня принять Тэйлора обратно, когда мы еще не были к этому готовы.

Телефон Тэйлора зазвонил, и он вытащил его из заднего кармана. Он хмыкнул и взял трубку.

— Привет, Трент. — Чем дольше он слушал, тем ниже опускались его плечи. — Что? В смысле, стреляли? Из оружия? Как? Он в порядке?

Телефон Тэйлора выпал из его рук на пол, а я подняла его и приложила к уху. Лицо Тэйлора побледнело, и он уставился в пол, пока по его щеке текла одинокая слеза.

— Трент? — Сказала я. — Это Фэйлин. Что случилось?

Трентон вздохнул.

— Привет, Фэйлин. Это, эм... Это Томми. Он, эм... Произошел несчастный случай.

— Несчастный случай? Он в порядке? — Спросила я.

— Нет. Тэйлор и Тайлер должны приехать домой. Можешь привезти их?

— Нет? — Переспросила я. Я услышала его, но в словах Трента не было смысла. Томас Мэддокс был сильнейшим из пяти парней и самым умным из них. Лииз только что родила их первенца. Он был новоиспеченным отцом. Как он мог быть не в порядке?

— Все плохо, — сказал он севшим голосом. — Просто доставь их домой, Фэйлин. И позвони Тайлеру. Я не... Не думаю, что смогу это сделать.

— Я позабочусь об этом. Как Лииз?

— Она со Стеллой. Так ты привезешь всех?

— Да. Мы все прилетим к вам завтра.

— Спасибо, Фэйлин. Увидимся.

— Мам? — Сказал Холлис, с волнением наблюдая за Тэйлором. — Дядя Томми в порядке?

Я подняла руку, жестом показывая детям подождать с вопросами и позволить мне сначала позаботиться об их отце. Я встала на колени перед Тэйлором, пытаясь подобрать слова. Но не смогла ничего придумать. Он все еще пытался переварить сказанное Трентоном.

— Милый? — Сказала я, нежно поднимая его подбородок. — Сейчас я позвоню Тайлеру, а потом в авиакомпанию.

— Он на пожаре, — монотонным голосом сказал Тэйлор. — Он не ответит.

Я взяла телефон мужа и набрала номер Тайлера, но услышала лишь гудки и автоответчик. Я засунул телефон в свой задний карман и повернулась к детям.

— Пакуйтесь на пять дней. Пять пар джинсов, рубашек, носков и нижнего белья. Зубные щетки и пасты. Прямо сейчас.

Дети кивнули и побежали в свои комнаты. Я освободила небольшую сумку, в которую Тэйлор уже успел сложить мои штаны, и тоже собрала в нее вещи на пять дней.

— Где твоя сумка? — Спросила я Тэйлора.

— А?

— Твоя сумка. Ты же собрал кое-какие вещи, когда ехал сюда, верно? У тебя там найдутся вещи хотя бы на пару дней?

— На три дня. В моем грузовике.

— Хорошо, — сказала я, взяв сумку за ручку. — Поехали. Я поведу. Забронирую билеты по дороге.

— По дороге куда?

— В Эстес Парк. Мы едем рассказать все Тайлеру, а затем все поедем в Денвер, чтобы сесть на самолет.

— Фэйлин... — Начал Тэйлор, но понял, что в этот раз он не мог быть сильным. Мы были выбиты из колеи, но не были одни.

Я протянула ему руку.

— Пойдем со мной.

Тэйлор посмотрел на меня с потрясенным видом. Он потянулся ко мне, переплел наши пальцы и поднес мою руку к своим губам. Он зажмурился и тяжело задышал через нос.

Я положила свободную руку ему на затылок и прижала к груди, обнимая.

— Я здесь.

Он отпустил мою руку и обнял меня, пряча лицо в моей рубашке.

ГЛАВА 9

Элли

Телевизор был единственным источником света в нашей темной гостиной, и комната становилась то ярче, то тусклее, в зависимости от происходящего на экране. Возможно, мне не стоило смотреть фильм о вечно материщемся репортере-алкоголике. Даже после десяти лет завязки, мое горло саднило каждый раз, когда она делала глоток, а сердце сжималось, когда она отдыхала с друзьями, напиваясь и истерично хохоча, а потом отсасывала кому-нибудь. Концовка была предсказуема: к концу фильма она влюбилась в приличного чувака. *Черт.* Я была уже слишком старой, чтобы говорить слово «чувак». По крайней мере, так сказал мне Гэвин. Ему было пять, и он, конечно, знал все.

Я провела пальцами по прядям темных, растрепанных волос Гэвина. Он заснул на моих коленях, как делал всегда, когда его отец был на работе. Мы с Тайлером каким-то образом влюбились в друг друга между сексом на одну ночь (в основном по моей вине) и моим пребыванием в реабилитационном центре (полностью по моей вине). В любом случае, сейчас мы жили в трехкомнатной квартире с собакой, двумя котами и сыном, у которого не было ни вспышек ярости, ни пристрастия к чему-либо, будь то бутылочка или соска-пустышка; он даже к горшку приучился рано.

Все выглядело так, будто в будущем его не ждет никакая зависимость. Я просто надеялась, что его склонность забывать о всем плохом не испортит ему личную жизнь, когда он подрастет.

Я взглянула на часы и вздохнула: было почти три часа утра, а Тайлер все еще боролся с пожаром на складе. После многих лет бессонных ночей я уже не пыталась ложиться спать до того, как он вернется на их базу. Я просто ждала звонка, что он в безопасности в своем втором доме.

Когда пошли титры фильма, послышался легкий стук в дверь. Я осторожно переложила голову Гэвина с колен, встала и настороженно подошла к двери. Мы жили в хорошем районе в небольшом туристическом квартале, но тот, кто стоял у моей двери на рассвете, явно не продавал «LipSense»^[1].

[1] «LipSense» — помада, которую продвигает Джейми Макгвайр.

— Кто там? — Спросила я, стараясь говорить достаточно громко, чтобы меня услышали, но в то же время тихо, чтобы не разбудить Гэвина.

— Это Тэйлор, — сказал низкий голос.

— И Фэйлин.

Я повернула ключ в замке и распахнула дверь, уставившись на моих родственников, будто они были галлюцинацией. Тэйлор держал в руках спящих на его плечах детей, его лицо было бледным, а глаза слезились.

— Что вы здесь делаете? — Спроси я, а затем замолчала. Я не получала вестей от Тайлера почти час. За это время многое может случиться. — О, Боже.

— Нет, — сказала Фэйлин, потянувшись ко мне. — Мы здесь не из-за Тайлера.

Я потянулась к ней и крепко ее обняла. Она удивилась, и я не могла ее винить: я редко была нежной с кем-то, кроме Тайлера и Гэвина.

— Ты что-нибудь от него слышала? — Спросил Тэйлор, проходя мимо меня.

— Можешь уложить их в гостевой, — сказала я, хотя и не понимала, зачем. Тэйлор точно знал, куда идти, и уже двигался в этом направлении. Тэйлор и Фэйлин много времени проводили в нашем доме, пока она не ушла. Это случилось не так давно, но мне было странно находиться с ними двумя под одной крышей.

Тэйлор вернулся, и было видно, что он не знает, куда деть свои руки. В конце концов, он скрестил их на груди

— Ты в порядке? — Спросила я.

— Я пытался дозвониться до Тайлера.

Я покачала головой, после чего обернулась, чтобы проверить Гэвина.

— Он, должно быть, сейчас заканчивает все на складе. Он не выходил на связь около часа.

Тэйлор шмыгнул носом.

— Наверное, мне стоит туда поехать.

— Они уже скоро закончат, — сказала я. — Все в порядке?

— Он так подрос, — прошептала Фэйлин, подходя к моему сыну, развалившемуся на диване. Она опустилась на колени рядом с ним и улыбнулась, присмотревшись. — Гэвин выглядит точно так же, как и Тэйлор с Тайлера, когда они были в его возрасте.

— Он скучает по тебе, — сказала я. — Часто о тебе спрашивает.

Лицо Фэйлин погрустнело.

— Я тоже по нему скучаю. Как и по тебе. — Она встала. — Тэйлору звонил Трент.

— Мы едем домой, — сказал Тэйлор.

— В Икинс? Когда?

— Завтра, — ответила Фэйлин. — Вы с Тайлера тоже едете.

— Зачем? — Спросила я, прикладывая руку к груди. — Что происходит? Что-то с Джимом? — Я знала, что папино самочувствие постепенно ухудшалось. У него был лишний вес, он каждое утро ел бекон на завтрак, а еще курил сигареты. И было достаточно взглянуть на лицо Тэйлора, чтобы понять, что что-то случилось.

Тэйлор открыл рот, чтобы все мне объяснить, но не смог выговорить ни слова.

Фэйлин сделала это за него.

— С Томасом.

— С Томасом? — Он только что стал отцом. — О, Боже. Это ребенок?

— Нет, — сказала Фэйлин. — В Томаса стреляли.

— Стреляли? — Сказала я, и услышала, что мой голос поднялся на октаву. Комната вокруг меня начала вращаться.

— Мы не знаем подробностей.

— Ох, Лииз, — сказала я, прикрывая рот рукой. Мое сердце тут же заныло, как только я о ней подумала. Мой взгляд скользнул к Тэйлору. Мне было жаль, что ему еще раз придется все это слышать, когда мы будем рассказывать эти ужасные новости Тайлеру. Я закрыла глаза, чувствуя, как по щекам текут горячие слезы. Сердце разрывалось, как только я подумала, как плохо будет моему мужу.

— Тебе стоит присесть, — сказала Фэйлин, стараясь сохранить самообладание.

Я неуклюже подошла к креслу Тайлера и рухнула в него.

— Черт. *Черт!* В этом ведь нет никакого смысла. Они поймали стрелявшего?

— Мы не знаем, — сказал Тэйлор и стиснул зубы.

— Лииз прилетит в Икинс утром, — сказала Фэйлин.

Я подняла голову.

— Она не осталась с Томасом?

Фэйлин покачала головой.

— Это... Это звучало так, будто все довольно плохо. И еще ее полет в Икинс... — Фэйлин затихла.

В горле поднялась желчь. Он мог не выжить. А Лииз летела, чтобы сообщить его семье.

— Я уже заказала билеты, — добавила Фэйлин.

— Для нас тоже? — Спросила я. Она кивнула, и я встала, уже начиная думать, какие вещи брать, и кто будет следить за животными, пока нас не будет. Я на секунду остановилась, после чего шагнула Тэйлору и обняла его. В моих руках он чувствовался таким сломленным.

— Я, черт побери, знал это, — сказал он. — Когда я уезжал с пожара, у меня было дурное предчувствие, но я подумал, что оно связано с Тайлером. Мне следовало позвонить домой.

Тэйлор, как и я, отлично понимал, что звонок домой ничего бы не исправил, но он делал то же, что станет делать Тайлер, когда услышит новости: обвинял себя. Я отпустила его и пошла обратно к дивану, чтобы снять телефон с зарядки.

Я написала Тайлеру, чтобы он позвонил мне, и все мы просто стали ждать. Через три минуты зазвонил мой телефон, и я сразу сняла трубку.

— Привет, детка, — сказал он уставшим и запыхавшимся, но счастливым голосом. — Уже еду в грузовике.

— Мне... надо, чтобы ты приехал домой, — сказала я. Я подумала, что он захочет узнать, зачем, но я не хотела рассказывать ему все по телефону.

— Что случилось? — Спросил он с подозрением.

— Здесь Тэйлор и Фэйлин. Просто приезжай, ладно? Как можно скорее.

— Уже еду, — сказал он. Я слышала, как он включил сирену, а затем звонок закончился.

Я глубоко вздохнула, зная, что в ближайшие несколько минут эта сирена послышится за окном, и будет звучать все ближе и ближе, пока не выключится, когда Тайлер почти подъедет. Я старалась не думать о том, что он спешил домой, уже понимая, что его ждут плохие новости. Он просто еще не знал, насколько они плохи, и про кого они.

ГЛАВА 10

Камилла

Когда все расположились в доме, я пошла на работу. Я начинала карьеру в Скин Дип Тату с должности секретаря, но сейчас я была уже бизнес-менеджером. Я нанимала и увольняла, рассчитывала доходы и расходы, работала над всей коммерческой частью, над которой, как оказалось, Кэлвин вообще не работал. Не так давно салон был близок к закрытию, но я заключила соглашение со Службой Внутренних Доходов^[1], и теперь у нас было достаточно прибыли, чтобы нанять еще пару тату-мастеров.

[1] Служба Внутренних Доходов — налоговая служба США.

Однако сегодня я направлялась в «Ред дор». Я приходила туда, если нужно было подстражовать кого-то в восточном баре. Совсем немногие могли выдерживать эту профессию, а Рейган и Блиа уволились, когда окончили колледж. Но я не могла сказать Хэнку и Джори «нет», они сделали для меня слишком много хорошего.

Федеральные агенты попросили меня не уходить, но я пообещала Хэнку, что выйду на смену вместо одного из новых барменов. Все равно в доме стало слишком тесно. Оливия спала на диване в гостиной Джима, а родители Шепли вообще решили остаться на ночь. Трэвис думал, что будет безопаснее, если все будут находиться под одной крышей, пока утром не придет Лииз, очевидно, с еще несколькими агентами.

Агент Перкинс стоял на дежурстве и выглядывал в окно, когда мы с Трентоном ушли. Трентон высадил меня у торца здания, так близко к двери, как только смог. Ему тоже не нравилось, что я иду на работу.

Я наклонилась, чтобы его поцеловать.

— Со мной все будет хорошо. Там сейчас Дрю, а он настоящий великан.

— Я буду ждать здесь в два часа.

— Я закончу в половину третьего.

— Я буду в два.

Он выглядел обеспокоенным, поэтому я не стала спорить.

Когда тебе за тридцать, твоя одежда скрывает гораздо больше, но я поняла, что быстрое обслуживание приносит столько же чаевых, сколько задница и грудь. Я помахала Дрю, приближаясь к двери. Он подбежал, чтобы встретить меня, поворачивая дверную ручку и открывая дверь, опережая меня. Он придержал дверь, улыбаясь.

— Спасибо, Дрю, — сказала я, похлопывая его бицепс. Мне пришлось бы приподняться, чтобы дотянуться до плеча. Дрю был студентом последнего курса в Истерн Стейт, ростом в два метра, и обхватом руки размера с мою голову. Его отец был чемпионом по бодибилдингу, и Дрю стремился к тому же. Как только он переступил порог офиса Хэнка, чтобы работать вышибалой, его тут же приняли. Единственная проблема, если это можно было назвать проблемой, заключалась в том, что Дрю был настолько вежлив, что иногда вел себя не так агрессивно, как хотел Хэнк. Он был очень сильным и выглядел

устрашающе, но мог разнимать двух парней и просить их помириться, пока они брыкались и кричали. Надо признаться, это всегда очень развлекало, но Хэнку нужен был вышибала, а не миротворец. К счастью для Дрю, его присутствия обычно было достаточно.

— Всегда пожалуйста, мэм. У Вас есть мой номер? Я бы с удовольствием встретил Вас на стоянке, когда вы соберетесь уходить. Небезопасно леди ходить в одиночку в поздний час.

Я исподлобья глянула на него:

— Ты уже встречался со мной, Дрю?

Он усмехнулся.

— Раз или два. — Он сделал паузу, решаясь продолжить. — И все-таки будет лучше, если я Вас провожу. Если Вы не против.

— Ладно, я позвоню тебе.

Он с облегчением улыбнулся.

— Спасибо, миссис Мэддокс.

— Кэми, — напомнила я ему.

Дрю повернул направо и пошел в сторону выхода, а я направилась к восточному бару. Шейла уже наполняла холодильник запасами пива. Она была довольно нервной, но работала достаточно быстро, чтобы не отставать от бешеного ритма восточного бара.

Она вздохнула.

— Неужели Наташа опять заболела?

— Именно.

— Хэнк ее уволит.

— Сомневаюсь в этом.

— Он скучает по команде Кэми и Рейган. Постоянно нам это повторяет.

— Бесполезное занятие, — сказала я, наливая ведро льда в последний кулер.

— Я его не виню. Мне тоже нравилось с вами работать.

Я улыбнулась. Приятно было чувствовать себя нужной, пусть я и разрывалась на части, ухаживая за Джимом. Я следила за тем, чтобы он лег в постель, прежде чем уйти, оставляя его трость у стены рядом с его кроватью и ставила чашку воды со льдом на тумбочку. Ночник освещал путь от его комнаты в ванную, но я все равно волновалась. Джим был мне как отец, он был единственным отцом в моей жизни. Мой родной вечно пил и ругался, пока не умер от цирроза печени. Я не скучала по нему, но мама переехала в Огайо с моим старшим братом и его семьей, а мои остальные братья разбрелись по стране.

Мне повезло быть частью такой семьи, как Мэддоксы, но я отчаянно хотела, чтобы Джим оставался с нами как можно дольше. Его здоровье ухудшилось за последние пару лет, и я

волновалась. Я хотела подарить ему внука, и чтобы он или она его знали и помнили. Похоже, неважно, сколько витаминов я давала ему каждое утро, сколько раз мы гуляли, или какую здоровую еду я ему готовила, мы не могли побороть время. Худшее было в том, что он начал принимать эту судьбу. Ему не терпелось снова увидеть свою жену, и было слишком эгоистично умолять его не сдаваться.

Диджей включил колонки и проверил микрофоны, заставляя меня очнуться от пристального взгляда на пивной кулер.

— Ты в порядке? — Сказала Шейла. Она смотрела на меня, как на сумасшедшую. Ей едва исполнился двадцать один год, и она никак не могла понять, что я чувствовала, так что я оставила это при себе.

Джори проплыла мимо, и ее глаза загорелись, когда она меня увидела. Она не оставалась в клубе надолго: она была уже на седьмом месяце беременности и волновалась, что громкая музыка может навредить ребенку.

— Кэми! — Она обогнула бар и обняла меня.

— Выглядишь замечательно, — сказала я, чувствуя одновременно радость за нее и вину за мою зависть. Лииз, Эбби и Джори забеременели примерно в одно время, и каждый месяц, когда я видела отрицательный результат, я думала о них. Я не хотела завидовать. Не хотела злиться на то, что у них это получилось так легко, а мне до сих пор не удавалось. Не хотела немного их ненавидеть, но все же делала это. Отчаяние порождает собственные чувства.

— Спасибо, — ответила она, глядя вниз и поглаживая округлившийся живот. Ее глаза вернулись к моему лицу. — Выглядишь усталой. Все в порядке?

Я закатила глаза, заталкивая еще две бутылки пива в ведерко со льдом.

— Усталость — залог отвратного внешнего вида.

— Нет. У тебя покрасневшие глаза, а под ними огромные синяки. И плечи опущены. Хотя... Твоя правда. Ты действительно отвратно выглядишь.

Ее прямота заставила меня усмехнуться. Это была одна из многих причин, почему я ее любила.

— Нам сегодня сообщили плохие новости.

Она ахнула.

— Джим?

— Нет. Томас... — Я замолчала, не зная, что сказать. Слишком невероятно звучало, что в моего деверя стреляли. Тем более, что агенты ФБР, которые были у Джима, просили нас сохранить все в секрете. — С ним произошел несчастный случай.

— О, черт! — Сказала она. — Но он же будет в порядке, верно?

— Мы ждем. Нам сообщили не так много информации, но они говорят, что все плохо.

— Кто такие *они*?

Я сделала паузу.

— Лииз.

Джори закрыла рот, а ее глаза заслезились.

— Ох, Лииз.

Она обняла меня так, будто я была девушкой Томаса. Ощущение было странное, потому что когда-то так и было. Ее реакция пробудила во мне давно забытые чувства. Я все волновалась за Трентона и Джима, но так и не нашла времени, чтобы разобраться с собственными эмоциями. Томас был моей первой любовью, и когда-то мы собирались переехать в Калифорнию и вывести наши отношения на новый уровень. А потом... Появился Трентон. Если подумать, то в наших с Трентоном отношениях было гораздо больше смысла, а Томас и Лииз идеально друг другу подходили. Но потребовалось несколько лет, чтобы уложить это все у себя в сердце и голове. В ту секунду, обнимая Джори, я вернулась к самому началу... когда любила их обоих.

Я разомкнула объятия, хотя мягкие изгибы ее тела утешали. Пусть черты ее фигуры сейчас и выделялись больше, чем обычно, но она по-прежнему оставалась длинноволосой платиновой блондинкой. Правда, теперь вместо нескольких черных прядей у нее были окрашенные в бирюзовый цвет кончики. Она должна была стать именно такой мамой, какой хотела бы быть я: сумасбродной, жгучей и веселой, но при этом такой настоящей, истинной мамой. Мне просто нужно было забеременеть.

Она вытерла глаза и помахала мне на прощание, направляясь в кабинет Хэнка, чтобы обнять еще одного человека перед отъездом домой.

— Ничего себе, — сказала Шейла, широко распахнув глаза. — Что ты ей сказала?

— С моим деверем произошел несчастный случай. — *Черт*. Называть его деверем было странно. Даже с моими запутанными чувствами, от которых складывалось ощущение, что я предаю Трентона. Я заботилась о Томасе и когда-то любила его. Теперь же моя любовь к нему была такой же, какую я испытывала к остальным братьям Трентона. Но возможность потерять его стала реальной — по крайней мере, если судить по агентам в доме Джима.

Я вспомнила времена, когда мы смеялись и обсуждали наши самые скрытые мысли и чувства. Между нами появилась связь, и это было до того, как я полюбила Трентона, но все равно казалось странным. Мне хотелось достать телефон и написать Трентону, рассказать обо всех мыслях, что роились в моей голове, но их было слишком много.

— Проклятье. Мне жаль. Джори его знает?

— Ага, — сказала я, ничего не добавляя. Я не хотела объяснять, что Джори познакомилась с ним, когда мы встречались. Я понимала, что со стороны вся эта ситуация выглядит очень странно. Было сложно объяснить, что я чувствовала к Томасу, не выглядя при этом так, будто я предавала Трентона.

На самом деле, я любила своего мужа больше, чем когда-либо кого-либо любила. Больше, чем любила Томаса когда-то. Трентон понимал меня, как никто другой, и любил меня больше, чем кто-либо. Даже если бы все было наоборот, и несчастный случай произошел с Трентоном, а Лииз никогда не существовало, я не вернулась бы к Томасу. Теперь, когда Трентон показал мне, что такая настоящая любовь, я понимала, что с

Томасом мы испытывали не такие чувства. Мои чувства к нему были глубокими, и от них было сложно избавиться, но любовью всей моей жизни был Трентон Мэддокс. И никто другой.

Спустя десять минут Хэнк пробрался ко мне с сочувствующим взглядом.

— Джори только что ушла. Она рассказала мне о Томасе. Мне жаль, сладкая.

Я пожала плечами, стараясь не расплакаться. С того момента, как ушла Джори, я начала мучиться, раздумывая над тем, что чувствую, и Хэнк делал только хуже. По какой-то причине я воспринимала все сильнее, если мужчина проявлял сочувствие.

Не знаю, было ли это из-за того, что мой отец не проявлял нежности по отношению ко мне, или это было то чувство, которое испытывает любая женщина, когда мужчина позволяет себе быть уязвимым на полсекунды. Когда мужчина держит на руках младенца и воркует с ним, когда мужчина плачет, когда мужчина признается, что ему страшно, или даже просто показывает свою чувствительность — в такие моменты я всегда становлюсь слишком эмоциональной. Просто подобное казалось мне прекрасным моментом уязвимости и в то же время мужества.

Хэнк обнял меня, и по моему лицу потекли слезы. Он сильнее сжал меня.

— Тебе стоит пойти домой. Ты не можешь работать в таком состоянии.

Я отстранилась и рассмотрела по его взгляду, что он говорил не на полном серьезе. Он знал, что лучше мне будет погрузиться в работу, чтобы все пережить.

— Нет, спасибо.

— Скажи мне, если передумаешь.

Я была рада, когда бар открылся, и я смогла натянуть приветливую улыбку. Сегодня была ночь дешевой выпивки, и восточный бар был окружен толпой в шесть рядов. Я брала заказ, делала напиток, отмечала покупку на компьютере, брала деньги, наблюдала, как в нашу банку для чаевых кидают монеты, и начинала все сначала. Через полчаса мне понадобилось больше пива. Через три часа понадобилось больше вообще всей выпивки. Таунпол был переполнен, клиенты счастливы, а Дрю пришлось разбираться лишь с одной потасовкой. Это была хорошая смена.

После того, как мы все вымыли и подмели, я обхватила себя руками и заплакала.

Так много воспоминаний было связано с этим баром. Чувство головокружения, когда Томас зашел в бар и начал со мной флиртовать, и чувство радости, когда он вернулся и пригласил меня на свидание. Момент, когда я впервые увидела перед собой на стульях Трэвиса с Эбби. Все случаи, когда братья Мэддоксы из-за всякой ерунды начинали драки. Тот момент, когда Трентон наклонился ко мне через стойку и поцеловал на Новый год. Работа с моей лучшей подругой и соседкой по комнате, Рейган, и ее отношения с Коди. Мои слезы, когда они переезжали, и то, как мы праздновали, когда Джори и Хэнк наконец-то узнали, что она беременна. «Ред дор» был частью меня, и я оставалась в нем до самого закрытия. Я не хотела, чтобы это заканчивалось. И я имела в виду не только сегодняшнюю ночь.

Протерев последний стакан и поставив его на место, Дрю улыбнулся.

— Готова? — Спросил он. Он провожал каждую работницу до машины в темное время суток. Дрю был хорошим малым.

— Готова. Снаружи уже должен быть Трентон.

Дрю нахмурился, выглядя смущенным.

— Нет, мэм. По крайней мере, его там не было, когда я проверял пару минут назад.

— Может, он опаздывает, — ответила я, хватая сумочку и закидывая ее на плечо. Но как только я произнесла это, меня охватило дурное предчувствие.

Дрю открыл боковую дверь, и я, заметив, что Трентон не стоит и не ждет меня там, где должен был, внимательно взгляделась в темноту.

— Не в его привычке опаздывать, верно? — Спросил Дрю.

— Да, не в его. — Я написала Трентону смску и стала ждать. Спустя несколько минут без ответа, я начала немного дрожать. Адреналин зашумел по венам, пока в голове я прокручивала наихудшие сценарии.

Черный автомобиль притормозил точно на том месте, где должен был стоять Трентон, и я инстинктивно протянула руку к Дрю, отодвигая его назад.

— Иди внутрь, — прошипела я.

— Кто это? — Спросил Дрю, становясь передо мной.

Окно опустилось вниз, и за ним показалось лицо одного из агентов из дома Джима.

— Мы здесь, чтобы забрать Вас, миссис Мэддокс.

Я расслабилась, но не решилась к ним подойти.

— Где Трентон? Почему он не ответил мне на смс?

— Я объясню все, когда вы сядете в машину, — ответил он.

Когда я шагнула вперед, настала очередь Дрю выставить передо мной руку.

— Вы знаете этого мужчину? — Спросил он.

— Да. Это долгая история. — Я потянулась к ручке на дверце, но Дрю остановил меня.

— Она никуда с вами не поедет, пока не услышит своего мужа.

— Это будет проблематично, — сказал агент.

Мой желудок ухнул вниз.

— Почему?

— Вы должны сесть в машину, миссис Мэддокс. Я не могу сказать больше, пока рядом с вами посторонние.

Я схватила Дрю за руку, и он взглянул на меня, взглядом умоляя не уходить.

— Все нормально, — просто сказала я. — Он друг Джима.

— Папы Трентона? — С подозрением спросил Дрю. Когда я кивнула, Дрю все еще выглядел неуверенно. — У меня плохое предчувствие, Кэми. Думаю, Вам стоит остаться здесь и дождаться звонка от Трентона.

Я перевела взгляд на агента.

— Не думаю, что он позвонит.

ГЛАВА 11

Эбби

Трэвис сжал мою руку, и я сжала его в ответ, желая, чтобы он видел, что я понимаю, как тяжело все это для него. Все в той комнате были грустными и уставшими, а их головы были переполнены вопросами о том, что же случилось с Томасом. Агенты практически ничего не сказали, что давало лишнюю пищу для размышлений. Сейчас Трэвис лежал на спине в центре огромного, продавленного матраса, который еще в восьмом классе достался ему от Томаса. Наши близнецы сопели на полу, лежа в куче одеял.

Мы уговорили остаться на ночь Шепли с Америкой и даже Джека с Диной. Пусть это и вызвало только больше вопросов, было безопаснее всем находиться под одной крышей, пока к Трэвису и агентам не приедет подкрепление. Насколько мы знали, все криминальное семейство Карлиси могло появиться в Икинсе в любой момент.

Трэвис перевернулся на бок, зарываясь лицом в изгиб моей шеи. Он только что вернулся в постель после уже второй проверки дома на жучки. Мы должны были быть максимально осторожными.

— Это чертовски отстойно. Из-за всего этого я даже жалею, что все еще курю.

— Твоя заначка осталась дома, но ты нас тут не бросишь, так что забудь, — сказала я.

— Знаю, но сейчас бы она очень пригодилась.

Я развернулась к нему лицом и обвила свою ногу вокруг его бедра. Такое положение было максимально близким для нас, учитывая мой живот.

— Члены семьи Мэддоксов способны почти что на все. Но из них не вышли бы хорошие актеры.

— Может, они бы смогли. Мы этого не знаем.

— Они не настолько подготовлены, как ты, Трэв. Кто-то из них совершил бы ошибку. Ты бы не согласился на все это, если бы не знал наверняка, что это единственный способ всех защитить.

Он кивнул, касаясь своим лбом моего.

— Ты моя любимая жена.

— Просто попробуй выбросить это все из головы до завтра, пока не приедет Лииз. Она возьмет на себя большую часть проблем.

Он вздохнул, посмотрев в потолок, и скрестил руки на груди.

— У нее только что родился ребенок, Гулька. И она одна. Как я могу заставить её это сделать?

— Она не одна. Мы можем ее поддержать. Мы можем помочь.

Он помолчал пару секунд.

— Должен быть другой выход. У отца сердечный приступ случится. Это его убьет.

— Он сильнее, чем ты думаешь.

— Мы не можем этого сделать, — сказал он.

Паника, остававшаяся незамеченной весь вечер, теперь явно читалась в его голосе.

Я обхватила руками его лицо, заставляя посмотреть мне в глаза.

— У нас нет выбора. Подумай о том, что они сделали, Трэвис. Они думали, что стреляют в меня. Они думали, что сбивают меня с дороги. В машине могли быть Джессика с Джеймсом. Нас могли убить. Все могли возвращаться домой на наши похороны. Если мы этого не сделаем, это все еще могут быть наши похороны, или Шепа, или даже Оливии. Вчерашний день показал, что у каждого из нас мишени на спине. Даже у детей. Когда Лили позвонит в Бюро и скажет, что не будет свидетельствовать, а мой отец пропадет, — сказала я, делая пальцами в воздухе кавычки, — они отстанут. Тогда ты сможешь выследить каждого из них, пока они не перестанут быть угрозой, а все остальные дважды подумают, прежде чем снова угрожать твоей семье.

Трэвис моргнул.

— Ты права. Я знаю, что права.

Я потянулась к нему, чтобы поцеловать его в губы, такие же мягкие и теплые, как и в первый наш поцелуй. Он притянул мою голую ногу ближе к себе, все сильнее и глубже меня целуя. Трэвис всегда считал меня красивой, но до того, как я рассказала ему, что снова беременна, я успела забыть, каким ненасытным делала его сама идея, что внутри меня наш ребенок.

— Если ты хочешь, чтобы я прекратил... — Он замолчал. — Сегодня были схватки?

Я улыбнулась и замотала головой. Почти три недели у меня постоянно были ложные схватки. Мы даже поехали в больницу, но нас отправили домой. Он стянул мою шелковую ночнушку через голову и поцеловал мой живот. Он знал, что я не собираюсь говорить нет.

Уже настал тот период беременности, когда мои округлившиеся формы все нам усложняли, но Трэвис с легкостью перемещался от одной части моего тела к другой, проводя языком по моей растянувшейся коже с большей жадностью, чем в первый раз в его квартире.

Он встал на колени на краю кровати и большими пальцами начал разминать мою ноющую икру, держа ногу в руке. Он поднес к своим губам и поцеловал пальцы моих ног, а затем продолжил массаж, медленно продвигаясь вверх. Каждый раз, когда он заканчивал массировать какую-либо часть, он целовал ее. Мои внутренности напряглись, когда он приблизился к моим бедрам. Его голова исчезла за моим круглым животом, и я откинулась назад.

— Куда ты делся? — Прошептала я. Он прошелся языком от моего бедра до внутренних изгибов моих наиболее чувствительных зон, и я тихо вздохнула. — Ох. Вот ты где.

Трэвис схватил мои бедра и притянул к себе, с таким же нетерпением, с каким я желала, чтобы он оказался у меня между ног. Я слышала, как его ноги терлись о простыни, и возбуждалась все сильнее с каждым касанием его языка.

Я почувствовала, как все мои внутренности напряглись, когда он прижался своими губами к моей коже. Его язык прошелся по моему животу, а затем двинулся по темной полоске, образовавшейся под пупком во время второго триместра.

Малыш пошевелился, и Трэвис вскинул голову, улыбаясь и проводя ладонью по месту, где двигался наш сынок. Это было странное сочетание секса и родительства. Для Трэвиса, казалось, было не сложно перейти от прелюдии к заботе о детях, когда у них были кошмары, или они писались ночью — после он мог сразу же переключиться и думать о сексе и страсти. Мне было сложнее перейти от роли мамы к роли возлюбленной.

Трэвис притянул меня к себе на живот, пробегая рукой по дорожке от спины к попе. Его пальцы вжимались в мою кожу, а его глаза прожигали мои обнаженные части тела, от линии волос до того места, где мы соприкасались. Все, что было вокруг нас, растаяло. Мне словно опять было девятнадцать, и я снова и снова чувствовала его руки на себе, будто в первый раз. Секс с Трэвисом Мэддоксом всегда был восхитительным, но то благотворение моему телу, что он показывал во время моей беременности, делало его еще лучше. Я никогда не чувствовала себя прекраснее и желаннее, чем в этот момент. И я буду чувствовать себя еще прекраснее и желаннее в следующий раз, когда он займется со мной любовью.

Трэвис сжал мои бедра, готовя меня. Я медленно опускала себя на него. Черные кожаные плетеные браслеты на его запястье поднимались по его напряженному предплечью, привлекая мое внимание к его тату, танцующим по поверхности его кожи. Я позволила своей голове откинуться назад, прикусывая свои губы, не позволяя стону вырваться наружу. Тихий вздох его заменяет. Трэвис качнул бедрами, чтобы сменить положение, я напряглась, уже чувствуя приближение кульминации. Мое тело реагировало совсем по-другому во время беременности, на все.

Сильнее всего... на секс. Не все в беременности было удобно, но увеличение груди, потакание мужа любому моему желанию и способность возбудиться в разы быстрее от мужа, конечно, были одними из главных плюсов. Трэвису стоило лишь скользнуть пальцами ко мне в трусики, и я уже была готова.

Я замедлила свои движения, и Трэвис подчинился, позволяя мне задавать ритм. Его карие глаза детально изучали меня, наслаждаясь моментом. Его глаза закатились назад, и он застонал. В тот же момент, как стон слетел с его губ, мы замерли, ожидая услышать паузу в светлом сопении на полу. Я прикрыла свой рот, стараясь не захихикать.

С мгновение Трэвис улыбался, и затем его пристальный взгляд устремился в то место, где встречались наши тела. Он снова качнул бедрами, выгнув спину, чтобы погрузиться еще глубже в меня. Мне пришлось сильно сконцентрироваться, чтобы сдержаться. Мы оба хотели, чтобы это наступило быстрее, и оба боялись конца.

— Боже мой, — прошептал он. — Каждый чертов раз я теряю голову от того, насколько ты хороша.

Я закинула на него ноги, поднимаясь и снова скользя вокруг него.

Трэвис остановился, его глаза пробежались по комнате. Я хотела спросить, что случилось, но он держал палец у рта.

Мы услышали повышенные голоса внизу, Трэвис закрыл глаза, разочарованный и сожалеющий о своем следующем решении. Он мягко погладил мое бедро, и я слезла с него, наблюдая с какой надеждой он думал о возвращении в кровать. Он натянул красные баскетбольные шорты и надел задом наперед темно-синюю бейсболку, пряча бардак, что я сотворила с его волосами, когда он был между моих бедер.

— Я вернусь, — сказал он, наклонившись вниз чтобы поцеловать меня. Его губы до сих пор были со вкусом меня.

Он начал движение, и мышцы на его груди начали перекатываться, пока он торопился спуститься вниз и выяснить, что происходит. Он закрыл за собой дверь, и я откинулась на подушку, разочарованная. Трэвис проделывал свой путь по лестнице, а близнецы подхватывали ритм, вторя друг другу. Голос Трэвиса принял участие в симфонии низких тонов, и потом я услышала его крик.

Я подпрыгнула, высматривая в окне любые признаки опасности, прежде чем обернуться в халат и быстро спуститься по лестнице. Трэвис стоял посреди гостиной, нос к носу с Трентоном. Шепли стоял между ними, держа ладони у каждого из них на груди.

— Какого черта? — Прошипела я, стараясь говорить тихо. Трэвис немедленно расслабился и сделал шаг назад, позволяя Шепли встать между ним и его братом.

Трентон смотрел на меня пару секунд, и затем нахмурился, глядя на своего более высокого младшего брата.

— Я быстро вернусь.

Трэвис указал на пол.

— Я сказал, что никто из этого дома не выйдет. Это значит никто, Трентон. Черт подери! Ты в первую очередь не должен был разрешать ей уйти.

— Какого хрена ты возомнил себя главным? — Выпалил Трентон.

Трэвис старался сохранять спокойствие.

— Ты понятия не имеешь, что натворил.

— Что я натворил? — Сказал Трентон, делая шаг навстречу Трэвису. — Похоже, ты знаешь больше, чем мы все. Может, просветишь меня?

Трэвис недовольно вздохнул. Ему нельзя было ничего говорить до завтрашнего звонка Лииз.

— Оставайся здесь. Кто-нибудь из агентов заберет ее с работы.

— Я не позволю незнакомцу забрать мою жену, — огрызнулся Трентон. — Ты бы тоже не позволил.

— Трент, ты не можешь выйти отсюда.

— *Почему?*

— Потому что не можешь, — сказал Трэвис.

Америка спустилась вниз по лестнице, щурясь, чтобы разглядеть нас в тускло освещенной светильниками гостиной. Она взяла меня под руку, прислушиваясь к разговору, чтобы понять, что происходит. Братья уже много лет не ссорились, особенно так сильно. Это было неприятно, и я видела по ним, что они оба были расстроены тем, что им приходится ругаться.

— Я еду, — сказал Трентон.

Трэвис хотел схватить его за руку, но Шепли его остановил. В его глазах читалось то, что мы все знали. Если бы Трэвис попытался силой заставить Трентона остаться и не ехать за Камиллой, в гостиной началась бы драка.

— Трент, — сказал Шепли, следя за ним по коридору. Америка пошла за Шепом.

Трэвис тяжело дышал через нос и переступал с одной ноги на другую, пытаясь высвободить негативную энергию. Это напомнило мне его поведение прямо перед боем.

— Ты в порядке? — Прошептала я, касаясь его плеча. — Он не понимает, что ты просто пытаешься его уберечь.

Трэвис сверлил глазами коридор, слушая, как Шепли пытался убедить Трента остаться.

— Если бы он хоть раз мне доверился. Упрямый засранец.

— Он доверяет тебе, — сказала я. — Он беспокоится о Камилле.

Плечи Трэвиса расслабились, он протянул руку и коснулся моего живота.

— А мы беспокоимся обо всех.

— Пусть Шепли с Америкой с ним поговорят.

Трэвис потер затылок и начала ходить туда-сюда, ожидая, пока его двоюродный брат с моей лучшей подругой переубедят его брата. Я была готова к разбитым сердцам и слезам. Предполагала, что все будут в ярости, когда мы расскажем им о нашем обмане, даже когда объясним, что это был единственный способ выиграть время, сохраняя всех в безопасности. Но я не была готова, что братья начнут враждовать друг с другом.

ГЛАВА 12

Америка

Шепли положил руку на дверь, взглядом умоляя Трентона не идти дальше. Джим, Джек с Диной и дети еще спали, но я не была уверена, разбудил ли кого-нибудь громкий шепот. Лампа в гостиной была единственным источником света в доме, а шумел лишь кондиционер, заглушая звук сверчков, чье стрекотание объявило приход лета.

В три часа утра никто не ехал мимо по дороге, фары не скользили по стенам, и только эта старая лампочка в углу, окруженная грязным белым абажуром, светила на высоте полутора метров от пола на длинной пластиковой ножке с латунным основанием. Весь дом выглядел так, будто заморозился еще в восьмидесятые, вот только льда нигде не было. Все выглядело изношенным, запятнанным или подгранным, в основном пятью мальчишками, что здесь росли.

Свет от лампы почти не достигал коридора, поэтому мы с Трентоном стояли в темноте.

— Шеп, я тебя люблю, но свали нахрен с моего пути, — сказал Трентон. Его темная фигура двинулась в сторону двери, но Шепли встал перед ним.

— Да ну, братец. Ты серьезно ударишь меня перед моей женой?

Трентон нахмурился, после чего повернулся ко мне.

— Отвернись-ка на секунду, Мерик.

— Нет, — сказала я, перекрестив руки.

Трентон вздохнул.

— Я должен забрать жену с работы. Мне нужно выйти прямо сейчас. Не хочу, чтобы ей пришлось меня ждать.

— Агент Перкинс может это сделать, — сказала я. — Он может выехать прямо сейчас. Он полностью собран, стоит на кухне с ключами в руке.

Трентон стал нервничать еще больше, поэтому я подошла к нему и крепко обняла.

— Здесь наши дети. Твои племянники и племянницы. Здесь твой папа. Трэвис и Шепли не могут защищать всех. Трентон, ты нужен нам здесь.

— А если что-нибудь случится с Камиллой? — Возразил он.

— Думаешь, те, от кого нас защищают агенты, появятся сначала у «Ред дор», а не у нашего дома? Она там даже больше не работает. Ну, официально, — сказал Шепли.

Трентон посмотрел на моего мужа.

— Ты бы позволил незнакомцу забирать твою жену, когда всем известно, что за нами охотятся какие-то люди?

Шепли выдохнул, и его плечи опустились.

— Нет.

Трентон взялся за дверную ручку.

— Тогда не проси меня сделать то, что не сделал бы сам.

Он открыл дверь, и стоящий на крыльце агент тут же повернулся, перегородив дорогу. Как и два других агента, он был одет в костюм, но выглядел намного больше.

— Прошу Вас остаться в доме, сэр.

Трентон посмотрел на агента, а затем глянул назад через мое плечо. Я повернулась и увидела Трэвиса в конце коридора.

— Что это за хренъ? — Спросил Трентон.

— Это агент Блевинс, — самодовольно ответил Трэвис.

— Почему ты спрашиваешь его? — Спросил Шепли. — Трэвис знает так же мало, как и мы.

Брови Трентона сошлись на переносице, и он поднял руку, указывая четырьмя пальцами на Трэвиса.

— Он знает имена их всех. Вот ты знаешь имена всех, кто работает в ФБР, Шеп? Потому что я чертовски уверен, что нет.

— Что ты хочешь сказать? — Спросил Шепли.

Лицо Трентона скривилось в отвращении, но он хотя бы отошел от двери.

— Не знаю. Я не знаю, что за чертовщина происходит, но знаю, что он в курсе всего этого. — Он указал на Трэвиса.

Мы с Шепли переглянулись. Все катились в тартарары.

— Я поеду с тобой, — сказал Шепли.

— Шеп! — Сказала я. — Ты никуда не поедешь! — Я повернулась к Трентону. — Вам сказали не выходить из дома, но ты все равно отвез ее туда.

— Ей надо работать, чтобы выпустить пар, Мерик. Ты это знаешь, — начал объяснять Трентон. — У нее был тяжелый день, и я просто пытался...

— Мы должны все делать правильно, Трент, — Ответила я. — Они просто пытаются удержать нас всех в безопасности. Почему ты так усложняешь им работу?

Трентон сник:

— Говоришь, прямо как мама.

— Я знаю, ты хочешь ее забрать, чтобы она чувствовала себя в безопасности, но нам нужно побеспокоиться о том, чтобы мы все действительно были защищены. Больше никаких споров. Хватит выплескивать свой мэддоксовский мужской шовинизм. Агент Перкинс заберет Кэми, а ты будешь слушаться, пока мы во всем не разберемся.

Агент Перкинс звякнул ключами, и агент Блевинс шагнул в сторону, чтобы пропустить его. Дверь закрылась, и Трентон протопал мимо нас наверх по лестнице. Шепли последовал за ним.

Я вернулась в гостиную, где стояли Трэвис с Эбби. Когда я оказалась в пределах слышимости, они перестали перешептываться.

— Отличная работа, — сказала она, похлопывая меня по плечу. Я отстранилась. Моя реакция поразила ее. — О, прости. Я не имела в виду...

— Что ты мне не договариваешь? — Спросила я.

Эбби взглянула на Трэвиса.

— Не смотри на него, — огрызнулась я. — Я спрашиваю тебя, свою лучшую подругу. Свою невестку.

— Мерик, — начала она.

Я приподняла бровь.

— Тщательней подбирай слова, Эбби. Мои дети скрываются в этом доме от какого-то неизвестного нападавшего, и если ты знаешь, почему, то лучше тебе рассказать мне.

— Я... — Начала Эбби, но поморщилась. Она дотронулась до своего живота.

— О, хватит, — сказала я. — Даже не пытайся.

Она выдохнула, а затем потянулась к Трэвису, и он поддержал ее.

— Серьезно? — Спросила я. — Ты разыграешь схватки, лишь бы не рассказывать мне правду?

— Они у нее уже несколько недель, — сказал Трэвис.

Я скрестила руки.

— Ты мне это не рассказываешь.

Она выпрямилась и кивнула мужу, давай понять, что все закончилось.

— Ну? — Сказала я.

— Мерик, не сейчас. Эбби надо подняться наверх и отдохнуть. Ей сейчас не нужен лишний стресс.

Я закатила глаза.

— О, пожалуйста. Я родила три огромных мальчика Мэддокса. С каждым мучилась не меньше сорока восьми часов, и все они весили больше четырех килограмм. Я поехала рожать Эмерсона только после того, как забрала Эзру с двухчасовой бейсбольной тренировки. Она не первая женщина, у которой схватки.

— Америка! — Сказал Шепли из-за моей спины.

Я скрестила руки, не собираясь сдаваться.

— Правду. Прямо сейчас.

Трентон вернулся с извиняющимся выражением лица.

— Простите, ребят. Я...

В этот момент из-под халата Эбби хлынула вода.

— О. Моя. Ланта^[1], — сказала Эбби, глядя вниз.

[1] «О, моя Ланта» — выражение из телевизионной рекламы, один из вариантов замены обычного восклицания «О, мой Бог».

Секунду мы все стояли в замешательстве. Вторым отреагировал Трэвис.

— Это у тебя? — Он слегка приподнял ее халат и затем взглянул на нее, широко раскрыв глаза. — У тебя только что отошли воды?

Она кивнула.

— О, деръмо, — сказал Трэвис.

— Думаю, теперь мы можем выйти отсюда, — невозмутимо сказал Трентон.

Я дала ему подзатыльник.

— Ауч! — Воскликнул Трентон, потирая затылок. — Что я такого сказал?

— У нас всего два агента, — сказал Трэвис Эбби.

Она тяжело задышала, сосредоточившись на новых, более сильных схватках. Я по опыту знала: те схватки, что наступают после отхода вод, в десятки раз хуже.

— Нам нужно, чтобы кто-то сюда приехал, — сказала я.

— Нет, — простонала Эбби. — Мне нужны обезболивающие. Я хочу их. Много, очень много обезболивающих.

— Тогда что нам делать? — Спросила я.

— Возьмите полотенце и уложите меня на диван, пока решаете это, — ответила Эбби сквозь зубы.

Я побежала за полотенцем, а Трэвис взял ее на руки и отнес к дивану.

— Деръмо. Вот деръмо! — Воскликнула Эбби, после чего из нее вырвались демонические звуки, звучащие так, будто она была диким котом, собиравшимся воевать за свою территорию.

Я сложила полотенце и положила его на диван, после чего Трэвис осторожно опустил ее на подушки. Он встал на колени перед ней.

— Если я заберу тебя, у них останется только агент Блевинс, пока не приедет подмога, а на это может потребоваться время.

— Есть еще двое, — сказала Эбби. Ее лицо покраснело, и она сосредоточилась на том, чтобы вдыхать через нос и выдыхать через рот. Ее глаза наполнились слезами. — Это слишком рано, Трэв.

— Что мне сделать, детка? — Спросил он.

— Нам всем нужно ехать, — ответила она, когда схватки наконец утихли.

Он кивнул и указал на меня.

— Америка, собери детей. Трентон, на тебе папа. Шепли, подготовь машины. Нам понадобится много места для всех. Скажи Блевинсу приготовиться к сопровождению и быть начеку.

— Понял, — ответил Шепли, бросаясь к крючкам, чтобы забрать нужные связки ключей. Я ринулась наверх и забежала сначала в комнату Трэвиса и Эбби.

— Эй, — сказала я тихим голосом, поглаживая близнецов по спинам. — Джеймс. Джесс. Это тетя Мерик. Мне нужно, чтобы вы проснулись. Мы едем в больницу. Мама рожает.

— Что? — Сказала Джессика, садясь. Она протерла глаза, после чего ткнула Джеймса, и он тоже сел.

— Давайте, дети. Мне нужно, чтобы вы обулись и спустились вниз.

— Прямо сейчас? — Спросил Джеймс. — Сколько времени?

— Середина ночи. Но мама рожает, и нам всем надо ехать.

— Правда? — Сказала Джессика, выбинаясь из своей самодельной кровати на полу. Она уже надевала туфли, когда я направилась в следующую комнату.

— Правда. Через две минуты будьте, пожалуйста, внизу! — Сказала я, торопясь в комнату, где спала Оливия.

— Оливия? — Сказала я, зажигая свет. Я села на рядом стоящую односпальную кровать.

— Оливия, дорогая, тебе нужно проснуться.

— Все в порядке? — Спросила она, потирая глаза с размазанной тушью вокруг них.

— Мы едем в больницу. Эбби рожает.

— Но ведь еще рано, верно?

— Верно, — ответила я. — Рано, поэтому надо ехать прямо сейчас. Мы все должны быть вместе, поэтому, пожалуйста, собирайся.

Она встала и, спотыкаясь, начала ходить по комнате и одеваться, а я бросилась в соседнюю комнату.

— Мальчики? — Тихо сказала я. Эмерсон сел, потер глаза, а затем прыгнул на своих братьев. Они начали бороться. — Стоп. Прекратите немедленно! — Рявкнула я.

Они замерли.

— Тетя Эбби рожает. Мы едем в больницу. Натягивайте обувь и бегом вниз.

— Прямо в пижамах? — Спросил Эзра.

— Да, — ответила я. Я стала искать сандалии Эмерсона, и нашла их под подушкой. Всего на полсекунды задумавшись, что они там делают, я продолжила выполнять свою задачу сбора всех детей.

В тот момент, когда Джим, спотыкаясь, вышел из своей спальни вместе с Трентоном и Диной, которая помогала Джеку застегнуть куртку, все шестеро детей уже стояли в коридоре, готовые к выходу.

— Ты восхитительна, — сказала Эбби.

— Прости, что давила на тебя, — сказала я.

Она помахала, давая понять, что мне не стоит извиняться. У нас за плечами было два десятилетия дружбы, и ничего не могло этому помешать.

Трэвис помог Эбби залезть в грузовик, и Оливия забралась на сиденье рядом с ним. Трентон тронулся с Джимом на переднем сиденье, а Джек с Диной сели в машину к агенту Блевинсу. Я убедилась, что все пристегнуты, после чего залезла на сиденье рядом к Шепли. Мелькнули фары агента Блевинса, а затем позади нас еще две машины блеснули фарами.

— Шепли, — предупредила я.

— Думаю, это еще два агента, про которых они говорили, — он защелкнул ремень, и мы рванулись вперед следом за грузовиком Трэвиса.

На каждой кочке и каждом светофоре я думала об Эбби.

— Почему, когда надо доставить рожающую женщину, больница как будто находится в сотне километров? — Проворчал Шепли.

Я вспомнила первый раз, когда Шепли отвозил меня в больницу: всю дорогу он боялся, что я рожу в машине, и жалел, что я не согласилась на роды дома. Но, в любом случае, у меня не было преждевременных родов. Эбби была абсолютно спокойна из-за этого, хотя она была известна своим покерным выражением лица. Я представила себе, как она будет сохранять его при Трэвисе и детях.

Я сморщила нос и обернулась, раздраженная, что не могу даже податься в воспоминания или подумать о важных вещах без фонового звука борьбы детей сзади.

— Джессика Эбигейл! Никаких драк! Эзра! Хватит совать свои игрушки брату в нос! Эмерсон! Перестань кричать! Джеймс! Прекрати пукать!

Они затихли на целую минуту, после чего продолжили все, будто я их и не прерывала. Я закатила глаза и уставилась на Шепли.

— Почему ты все время это делаешь?

— Делаю что? — Спросила я, сузив глаза.

— Так грозно на меня смотришь, когда дети сводят тебя с ума? Как будто я втайне оплодотворил тебя, пока ты не видела?

— В них твоя ДНК. Это твоя вина.

Шепли нахмурился, включая поворотник и ускоряясь, чтобы не застрять на светофоре и не отстать от грузовика Трэвиса. Он вытянул шею, чтобы посмотреть в зеркало заднего вида и убедиться, что агент Блевинс все еще едет за нами.

— Наверняка он просто проехал на красный, — сказала я. — Он федеральный агент при исполнении. Уверена, его не волнуют штрафы.

— Ну да, — сказал Шепли. — Черт. Это просто что-то.

— Имеешь в виду, что-то страшное?

Дети затихли.

— С мамой все будет хорошо? — Спросила Джессика.

Я прикрыла глаза. За их болтовней было так легко забыть, что они всегда прислушиваются к разговорам. Дети могли не обращать внимание на нас весь день, но как только мы говорили что-то, что им не стоило слышать, они включали свои супергеройские способности. Несколько раз я была уверена, что Эзра расслышал сказанное мной на выдохе слово на букву Х даже через две стены. Шепли взглянул на меня и переплел наши пальцы. Он сотни раз говорил мне, как гордится, когда смотрит на меня как на мать наших мальчиков, и я тоже гордилась им. Они бывали неаккуратными и грубыми, а иногда и глухими к моим словам, но я справлялась с этим. Шепли считал, что я не могу совершить ошибку в воспитании, и я еще больше любила его за это. Я могла выпустить на них пар, угрожать им, кричать на них и плакать, но моим мальчикам и не нужна была идеальная я. Они хотели меня настоящую.

Шепли припарковался возле машины отделения неотложки, и мы стали отстегивать детей, пока Трэвис нес Эбби в приемную. Должно быть, кто-то позвонил им по дороге, потому что медсестра уже стояла у двери с креслом для перевозки больных.

Трентон шел позади, держа в одной руке трость Джима, а другой поддерживая его на ходу. Устроившись в кресле, Эбби помахала нам и послала детям воздушный поцелуй. Когда мы зашли в комнату ожидания, они уже скрывались за автоматическими дверями. Трэвис шел рядом с коляской Эбби, держа ее за руку. Он следил за ее дыханием и хвалил ее, говоря, какой сильной она была. Мы шли за ними, пока они совсем не скрылись за дверями. В этот момент Джессика взглянула на возвышающуюся над нами фигуру агента Блевинса и заплакала.

Трентон встал на колени рядом с ней.

— Мама в порядке, малышка. Она проходила через это раньше, просто вы этого не помните.

— А дети будут в порядке? — Спросил Джеймс.

— На этот раз будет только один, приятель, — ответил Шепли, взлохмачивая пальцами волосы своего племянника.

— Они даже еще не придумали ему имя, — воскликнула Джессика.

Трентон взял Джессику на руки и унес от дверей, и пока он шел, ее длинные ноги болтались в воздухе. Она положила голову ему на плечо, и он прижал руку к спутанным волосам на ее затылке, целуя ее в висок и покачивая из стороны в сторону.

— Ты в порядке, Джим? — Спросила я, касаясь его плеча. Он все еще выглядел сонным и слегка запутавшимся.

— Я полагаю, они покажут нам, где мы можем расположиться? — Спросил Джим.

Я кивнула.

— Сейчас спрошу. Можешь пока что посидеть, если хочешь.

Он оглянулся на стулья возле него и выбрал тот, что стоял возле Трентона, который все еще стоял с Джессикой на руках.

— Я узнаю, — сказал Шепли, целуя меня в щеку.

Он подошел к стойке регистрации и стал ждать, пока работница больницы договорит с пожилой парой перед ним. Когда те ушли, он заговорил с ней, и она показалась мне приятной, пока слушала его, кивала и улыбалась. Шепли несколько раз похлопал по столу, после чего поблагодарил ее и вернулся к нам.

— Они отвезли ее в родильное отделение на третьем этаже. Нам сказали, что мы можем подняться в комнату ожидания там же.

— Тогда пойдем, — сказала я.

Боковым зрением я видела, как агент Блевинс переговаривался по крошечному передатчику, и предположила, что он отчитывался о нашем изменившемся местонахождении. Я знала, что он не мог сообщить нам больше информации, и постаралась не зацикливаться на этом. Все люди в ФБР знали об опасности для нашей семьи больше, чем мы сами. Сам этот факт, даже исключая остальные причины, бесил меня, но мне следовало сосредоточиться на Эбби.

Мы нашли лифт и протиснулись внутрь всей своей компанией из одиннадцати человек, включая агента Блевинса. Лифт слегка осел вниз, когда он зашел в него, но его это, казалось, не побеспокоило. Оливия нажала кнопку и двери закрылись. Дети вели себя нехарактерно тихо, пока красные цифры на дисплее сменялись этаж за этажом. Наконец, двери открылись, Трентон вышел из лифта, и мы стали выбираться вслед за ним.

Трентон тут же вытащил телефон и посмотрел на агента Блевинса.

— Вы слышали что-нибудь от Перкинса?

— Он прибыл на место. В настоящее время он ждет, когда миссис Мэддокс сядет в машину. Охранник клуба создает небольшие неудобства.

Трентон улыбнулся.

— Это Дрю, их вышибала. Хороший малец. Мне стоит позвонить ей. Сказать, что ей стоит поехать с ним.

Агент Блевинс коснулся уха.

— Она в машине, сэр. Агент Перкинс доставит ее в больницу в ближайшее время.

Трентон выглядел удовлетворенным и убрал телефон, после чего обратился к дежурящей медсестре. Женщина с большими зелеными глазами и платиновыми волосами, подстриженными под боб, проводила нас в зал ожидания, несмотря на то, что большинство из нас отлично знало, где он находится. Третий ребенок Тревиса и Эбби будет уже шестым внуком Мэддоксов, рожденным в Икинсе. Мы все были хорошо знакомы с родильным отделением.

— Сюда, — сказала медсестра. — Автоматы с едой и напитками за углом. — Она указала на комнату и в коридор справа. — Мы проинформируем вас, когда появится новая информация.

— Ребенок появляется раньше срока, но с ним все будет нормально, верно? — Спросила я.

Медсестра улыбнулась:

— Весь наш персонал наготове, чтобы убедиться, что он получит лучший из возможного уход.

Я повернулась к своей семье.

— Думаю, он просто услышал, что Стелла уже появилась на свет, и очень хотел встретиться с ней, — сказала я с натянутой улыбкой. Никто мне не ответил, и лишь Шепли погладил мою ногу. Ради Джеймса и Джессики я старалась не показывать беспокойства. Срок Эбби подходил лишь через семь недель, и даже если роды пройдут хорошо, мы не будем знать, что произойдет после них. Взрослые, которые сидели крайне тихо и полностью отличались от тех людей, которые обычно создают атмосферу радостного возбуждения в этой комнате, были лишним показателем того, что что-то не так.

Сестра вернулась с одеялами и подушками.

— Это на случай, если дети захотят немного отдохнуть. Они сделали УЗИ, и врач сейчас оценивает состояние ребенка. Он считает, что во избежание риска заражения и осложнения для мамы и ребенка будет лучше приостановить роды.

— Могу я ее увидеть? — Спросила я, стараясь сохранить спокойный голос.

Медсестра задумалась на секунду, после чего кивнула.

— Конечно.

Я чмокнула Шепли и помахала детям. Шепли выключил свет, а Трентон с Оливией начали раскладывать одеяла и подушки на диванах. Дети заняли, но потом залезли в сооруженные кровати.

— Мамочка! — Воскликнул Эмерсон.

— Я буду прямо по коридору, — сказала я. — Папочка подоткнет тебе одеяло, и я буду сидеть рядом с тобой, когда вернусь.

— А когда ты вернешься? — Спросил Элай, надувшись и пытаясь не заплакать.

— Скоро. Еще до того, как ты уснешь. А пока что обними своего брата.

Элай повернулся ко мне спиной, закинув руку на Эмерсона. Шепли сел рядом с Эзрой и подмигнул мне, а затем я оставила их, последовав в палату Эбби за медсестрой.

Подошвы моих туфель эхом раздавались в коридоре, стены которого были оклеены обоями теплого цвета, резко контрастирующего с холодными белыми кафельными полами. На стенах висели совместные фотографии матерей и младенцев и традиционные фотографии улыбающихся семей, будто показывающие, что такая нормальность. Большинство людей уходят домой и имеют дело с коликами ребенка или послеродовой депрессией, а кто-то с неблагополучной семьей. Многих ждут насилие, наркотики, отсутствие безопасности, бедности, страх. Новоиспеченные матери каждый день

покидают это место и возвращаются домой с запечатленными в мозгу безупречными роликами из рекламы подгузников, где мамы в безупречной детской сидят с ребенком в кресле-качалке.

Следующий месяц эти же мамы будут умолять своего ребенка поспать ранним утром, будут открывать дверь с рвотой на рубашке и выбирать, что лучше сделать — принять душ или поесть, убраться или поспать. Я задавалась вопросом, много ли семей из четырех человек на самом деле покидали родильное отделение в стабильном как финансовом, так и эмоциональном состоянии?

Потому что сейчас появляющегося на свет малыша ждали два прекрасных родителя, которые безумно его любили, и большая любящая семья, но все же нам всем была необходима защита федеральных агентов. В любом случае, что же такое нормальность?

Я замерла в середине коридора, наконец-то начиная складывать все происходящее вместе. Отец Эбби, Мик, спутался с мафией Вегаса, и она не один раз сталкивалась с ними, чтобы спасти отца. Интуиция подсказывала, что и на этот раз Мик был замешан, но я не могла понять, как в эту картину попадал Томас. *Что им было от него нужно?*

Медсестра остановилась перед деревянной дверью, положив на нее одну руку, а второй взявшись за ручку.

— Все в порядке? — Спросила она, замерев, когда поняла, что я от нее отстала.

— Да, — ответила я, подходя к двери.

Как только девушка стала толкать дверь, другая медсестра дернула ее на себя и практически врезалась в нас.

— Я веду ее сестру к...

— Простите, — сказала медсестра. — Никаких посетителей в данный момент. Мы перевозим ее отделение реанимации для новорожденных. Сегодня она родит ребенка.

Она прошла мимо нас, и я заглянула внутрь, пока дверь медленно закрывалась. Несколько медсестер лихорадочно носились вокруг Эбби, но я не смогла ее разглядеть. Я успела лишь увидеть Трэвиса, который, обернувшись, смотрел на меня со страхом в глазах.

ГЛАВА 13

Тэйлор

Как только колеса самолета коснулись асфальта аэропорта О'Хара в Чикаго, я отключил в телефоне режим «в самолете» и стал наблюдать, как множество сообщений заполнило экран. Еще до нашего взлета папа написал, что все приехали в больницу с Трэвисом и Эбби. Согласно новым сообщениям, ребенок все еще не появился на свет, но Эбби была близка.

Я прокручивал сообщение на экране, пока не наткнулся на то, что меня заинтересовало: это было групповое сообщение от Шепли для меня, Тайлера, Фэйлин и Элли.

«В зоне получения багажа будет ждать федеральный агент, который отвезет вас в больницу. Номер его машины 978 GOV. НЕ просите никого вас подвозить. Такси не берите. Объясню позже.»

Я нахмурился и посмотрел на брата, держащего в руке телефон. Он еще читал сообщения, но кивнул мне, показывая, что увидел эти строки. Я наклонил свой телефон, давая прочитать сообщение Фэйлин, которая сидела с Хэдли через проход от нас с Холлисом. Она наклонилась, прищурившись. Ей уже пару лет нужны были очки, но она все от них отказывалась.

— Можешь разглядеть? — Спросил я.

— Да, я могу разглядеть, — она откинулась назад, путая мое желание поделиться информацией с подкалыванием.

— Детка, — начал я, но она уже смотрела в окно, приобняв Хэдли.

Я откинулся назад, положив голову на подголовник.

— Она просто устала, — сказал Холлис.

Я похлопал его по колену, не смотря в глаза. Мы все устали. Было грустно слышать объяснения, почему мы больше друг друга не слушали, от Холлиса. В какой-то момент нашего пути мы стали слышать оскорблений вместо вопросов. Я вздохнул. Я не знал, как это исправить.

Загорелась кнопка ремня безопасности, и по динамикам сообщили о нашем прибытии. Холлис вскочил, открывая полку и доставая сначала ручную кладь Хэдли, потом Фэйлин и мою. Он заставлял меня гордится им каждый день. Переезд в Колорадо Спрингс превратил его в маленького мужчину, заботящегося о всех.

Я обнял его, поцеловав в макушку, и указал на его сестру.

— Только что пришло сообщение от дяди Шепа. Тетя Эбби рожает, и они послали за нами водителя. Не убегайте от нас далеко. Оставайтесь в поле зрения.

Они кивнули.

— Я серьезно, — продолжал я. — Это очень важно. Вам даже в туалет в одиночку отлучиться нельзя.

— Папа, что происходит? — Спросил Холлис. — Это как-то связано с дядей Томми?

— Да, но мы не знаем, как.

Они снова кивнули, обмениваясь взглядами.

Мы медленно двинулись по проходу к выходу следом за семьей Тайлера. Я видел, что он был весь на иголках, продвигаясь вперед с сумками на спине и в руках и все время оглядываясь. Элли несла на руках их сына, придерживая его голову на своем плече.

— Как думаешь, что происходит? — Спросил меня Тайлер, стараясь говорить тихо.

Я покачал головой.

— Не знаю. Звучит так, будто Томми был не единственной мишенью.

— Типа они принялись за семью? Почему?

Я пожал плечами.

— Может быть миллион причин.

Тайлер нахмурился.

— У тебя воображение получше моего. Я не могу придумать ни одной.

— Папа был детективом. Отец Эбби — заядлый картежник. А помнишь, когда Трекс приходил к нам с вопросами о Тревисе и пожаре? У всех есть враги. Может, Тревис или Эбби сделали что-то не так. Разве она не росла в окружении мафиози в Вегасе?

Тайлер не ответил, но я видел, как завертелись шестеренки в его голове.

— Эбби росла с мафиози? — Спросила Элли.

— Типа того, — ответила Фэйлин. — На самом деле, она об этом не говорит. Она родилась в Вегасе. Ее отец был довольно известным игроком в покер. Затем он начал проигрывать, но играть не перестал. Он все проиграл, и попал в неприятности с ростовщиками. Эбби пришлось ехать в Вегас, чтобы спасти его, незадолго до их свадьбы с Тревисом. Они собирались его убить.

— Bay, — сказала Элли. — Но ведь она действительно хороша в покере, верно? Она поехала, чтобы выиграть денег?

Фэйлин кивнула.

— Она выиграла большую часть долга.

— Как же они раздобыли остаток? — Спросила Элли.

Фэйлин скрочила гримасу, задумавшись.

— Не уверена. Ты знаешь? — Спросила она меня.

Я покачал головой.

— Они действительно никогда не рассказывали.

— Ты никогда не спрашивал? — Спросила мужа Элли.

Тайлер покачал головой.

— Думаю, если бы они хотели, чтобы я знал, то рассказали бы.

Мы зашли в зону выдачи багажа.

— Тринадцатый, — сказала Фэйлин, волоча за руку Хэдли.

— Я возьму, — сказал Тайлер, пытаясь схватить ручку чемодана на ленте.

— Я помогу, — сказала женщина, улыбаясь. На ней были темные брюки, темный пиджак и рубашка, на которой сверху держались солнцезащитные очки. Она показала свое удостоверение и убрала его обратно.

Я почувствовал тошноту и оглянулся на Фэйлин, которая взглядом следила за Алисой Дэвис, чьи глаза смягчились, когда она смотрела на Холлиса.

— Милый парень, — сказала Алисса. — Я отвезу вас в больницу Икинса.

Тайлер и Элли были спокойны, но Фэйлин смотрела на меня, растерянная и сердитая. Алисса была женщиной, которую я подцепил в баре во время нашего с Фэйлин недельного расставания. Фэйлин нужно было пространство, так что я уехал в Калифорнию, чтобы навестить Томаса в Сан-Диего. Он позвал меня в местный бар, чтобы я поплакался ему за кружечкой пива, и я встретил Алиссе, коллегу Томаса. Спустя несколько недель Алисса узнала, что беременна, и позволила мне выбирать: или она делает аборт, или я беру полную опеку над ребенком. Она выносила Холлиса, а мы с Фэйлин были в зале ожидания, когда она рожала. Медсестры передали мне моего сына, а Алисса вернулась к своей жизни, не оглядываясь назад.

— Подожди, подожди, — сказал я, подняв руки. — Ты из *ФБР*?

— Да, — ответила Алисса. — Понимаю, это довольно странно...

— Довольно странно? — Повторила Фэйлин.

— Но ты занимаешься рекламой. С Томасом, — сказал я, сбитый с толку.

Алисса вздохнула.

— Вы — мое задание. И я все, что у вас есть. Если спросите меня, то я выполняю свою работу куда лучше остальных, и смогу доставить вас из пункта А в пункт Б намного безопаснее, чем любой другой агент. И я очень крутая.

Холлис улыбнулся. Фэйлин схватила его свободной рукой, продолжая сжимать повисшую на другой руке Хэдли. Алисса — или агент Дэвис — представляла для нашей семьи большую угрозу, чем наш распадающийся брак.

— Может мы еще раз посмотреть удостоверение? — Спросила Фэйлин.

Алисса вытащила документы из кармана и протянула Фэйлин.

— Смотрите, но, пожалуйста, давайте быстрее. Не стоит нам оставаться долго на одном месте.

Фэйлин изучила удостоверение и передала его мне, глядя на Алиссе.

— Ты все еще работаешь с Томасом?

— Да, — коротко ответила она.

— Так ты и рекламой занимаешься? — Спросил я, передавая документы Тайлеру.

— Нет, это Томас в ФБР, — сказала Элли, осознавая правду. — И Вы... — Она замолчала, посмотрев на Фэйлин.

Все встало на свои места, и моя кровь закипела от того количества лжи, что наговорил мне Томас.

Тайлер предложил Элли посмотреть документы, но она отказалась.

— Пойдемте уже. Это все чертовски странно, — сказал он.

Мы послушно последовали за Алисой к черному фургону с тонированными стеклами. Тайлер устроился с Элли на заднем сиденье, где уже было закреплено детское сиденье для Гэвина. Пока они аккуратно застегивали ремни, чтобы не разбудить малыша, Алисса пристегнулась и проверила зеркала заднего вида, сообщая кому-то в микрофон, что мы выезжаем.

— Фэйлин, — сказал я, дотрагиваясь до ее руки. Она отдернула ее, и я стиснул зубы. — Как, во имя Христа, это может быть моей виной?

— Заткнись, — прошипела она. От шеи до макушки на ее коже стали появляться красные пятна. Ее глаза заслезились, как и всегда, когда она была смущена.

Алисса не обращала внимание на нашу размолвку, но периодически поглядывала в зеркало заднего вида на Холлиса. Я все ждал, что Фэйлин, поймав ее за этим, что-нибудь скажет, но, когда их глаза встретились, Фэйлин решила вести себя сдержанно.

Холлис, к моему удивлению, положил голову на плечо Фэйлин. Она обняла его, и они оба, казалось, расслабились. Фэйлин пробежалась пальцами по его волосам и стала напевать ту же мелодию, что она пела ему в ночь, когда мы привезли его домой. Алисса смотрела на них с любопытством, а не ревностью или осуждением — так же она смотрела на проезжающие мимо машины.

Холлис понятия не имел, насколько он только что облегчил мою жизнь и успокоил свою маму. Фэйлин наклонилась и поцеловала его в лоб, а затем перевела взгляд на окно, продолжая напевать.

Я положил свою руку на верхушку сидения, поворачиваясь к своему брату. Он и Элли пялились на меня, а Гэвин до сих пор спал — его голова прислонялась к краю сидения, а ротик был открыт. Элли послала мне ободряющую улыбку. Мы провели много длинных ночей в разговорах, когда Фэйлин ушла. Элли была хорошим терапевтом для всех нас, и становилось действительно легче. Я приходил к ней за советом много раз, и ее дружба помогала мне продолжать двигаться дальше.

Элли потянулась ко мне и проложила руку мне на локоть, а я кивнул ей в знак признательности. Было приятно знать, что она чувствует напряженность между мной и Фэйлин, и что она на моей стороне.

Я осторожно постучал по Фэйлин пальцем, и она мгновенно напряглась. Она не повернулась ко мне, и я понял, что она не собирается со мной говорить, пока Алисса в машине.

— Я тебя люблю, — сказал я, поглаживая большим пальцем ее кожу у основания шеи. Она не сбросила мою руку, что меня удивило, а затем она повернулась ко мне и улыбнулась. Я подумал, что если скажу ей это снова, то получу еще лучшую реакцию. — Несмотря ни на что. Я тебя люблю.

Глаза Фэйлин заслезились, и из ее глаза по щеке покатилась капелька. Я стер ее большим пальцем и прижал к ее лицу ладонь. Она прижалась к ней, отчего мое сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— *Спасибо*, — беззвучно сказала она губами.

Вот оно. Ей просто необходимо было показать Алиссе свою значимость. Действия, не слова. Стало ясно теперь, почему ей не нравились мои тихие попытки держать ее за руку. Ей нужно было шоу.

Женщины утомляли. Элли старалась объяснить мне логику ухода Фэйлин и ее желания держаться подальше от меня. Мне казалось правильным постараться наладить между нами отношения, но Элли убедила меня, что лучше попытаться понять саму причину ее ухода, чтобы не позволить моему отчаянию перерасти в гнев. Причины Фэйлин были гораздо серьезнее, чем я думал, и в чем-то они были даже серьезнее, чем она сама признавала. Например, желание контролировать. Стыд. Чувство вины. Или еще хуже — безразличие. Мои братья старались ради своих жен лучше, чем я, но и Фэйлин большую часть времени не хотела мне открываться.

Я отчаянно пытался понять ее и позволить ей понять себя. И уже когда начал терять веру, произошел этот момент, и я почувствовал проблеск надежды. По выражению ее глаз я видел, что она тоже его почувствовала.

Мы больше не вели себя неправильно — она как стерва, а я как идиот. Сейчас мы были двумя людьми, которые несли на себе весь багаж своих отношений и пытались отсеять собственное дерзко, чтобы разглядеть любовь, которая их соединила.

Я просунул руку под ее волосы и начал растирать ее шею большим и указательным пальцами. Обычно я делал так, когда мы сидели на диване и смотрели фильм после того, как дети заснули. Я уже давно не делал этого, и сейчас чувствовал, как от моих прикосновений расслабляются ее мышцы.

Алисса прикоснулась к своему передатчику.

— Возможный хвост на четыре часа, шесть машин назад. — Я не слышал ответ, но Алисса не казалась встревоженной.

— Кто-то нас преследует? — Спросил Холлис.

Алисса улыбнулась.

— Возможно, умник.

— Это тот же парень, что стрелял в дядю Томми?

— Нет, — ответила Алисса.

— Откуда Вы знаете?

— Потому что он в тюрьме.

— Откуда Вы знаете? — Опять спросил Холлис.

— Холс, — сказала Фэйлин, прикоснувшись к нему.

— Потому что это я его туда посадила, — ответила Алисса.

— Правда? — Сказал Холлис, наклонившись вперед и натянув ремень безопасности. — Сколько людей Вы арестовали?

— Много.

— А сколько людей Вы пристрелили?

Я нахмурился.

— Хватит, приятель.

Холлис ждал ответа от Алиссы.

— Только тех, кого должна была, — ответила она.

Холлис откинулся назад, выглядя впечатленным. Он колебался, прежде чем задать следующий вопрос.

— А мой дядя Томми кого-нибудь пристрелил?

— Спросишь у него сам, — сказала Алисса. Холлис успокоился, но Алисса нет. — Мне нравится твое имя.

— Спасибо, — сказал он.

— А мое? — Спросила Хэдли.

— И твое тоже, — ответила Алисса.

— Нам стоит дать Алиссе сосредоточиться на вождении, — сказала Фэйлин.

Алисса не поняла намек.

— Я могу делать два дела одновременно.

Шея Фэйлин напряглась, и я выглянул в окно, пытаясь понять, сколько нам еще ехать до Икинса.

— Если ты думаешь, что нас кто-то преследует, может, этого делать не стоит, — ответила Фэйлин.

Она пожалела о своих словах, как только их сказала. Холлис посмотрел на нее снизу вверх, удивляясь ее грубости.

Мы с Фэйлин много ночей провели, обсуждая, что будем делать, если Алисса захочет участвовать в жизни Холлиса или он начнет задавать вопросы. Он знал, что Фэйлин не его биологическая мать, но больше ему ничего не было известно, и он, конечно, не имел представления, что это крутая вооруженная женщина на водительском сидении была той, кто подарила ему жизнь. На самом деле Фэйлин не хотела удерживать их от разговора, но я понимал, что это было тяжело для нее.

— Я имею в виду, — сказала Фэйлин, простирая горло. — Прости. Мне не стоит говорить тебе, как делать твою работу. Ты лучше меня знаешь, на что способна.

— Все в порядке, — ответила Алисса, совершенно не задетая словами Фэйлин.

Извинения Фэйлин обеспечили ей очки в глазах Холлиса — он снова к ней прижался.

Алисса съехала с шоссе, и я выпрямился, пытаясь понять, где мы ехали. Это определенно был не Икинс. Она отъехала на пять километров и свернула, потом проехала еще пять и остановилась на обочине грунтовой дороги. Она выключила двигатель и бросила мне ключи.

— Оставайтесь на своих местах, — сказала она.

— Что мы здесь делаем? — Спросил Тайлер. — Это не Икинс.

Сзади подъехала красная Королла, и Алисса вытащила оружие из кобуры.

— Хэдли, Холлис. Закройте глаза и уши.

— Что происходит? — Пропищала Хэдли.

— Просто сделайте это.

Она вышла из машины и пошла к дороге.

— Какого черта? — Сказала Элли. — Мне это не нравится, я...

Раздались выстрелы, и я тут же накрыл собой свою семью. Тайлер сделал то же самое. После еще нескольких выстрелов все затихло, и мы слышали лишь звук цикад в деревьях и сверчков в траве вокруг фургона.

Водительская дверца открылась, Алисса залезла обратно. Она протянула мне руку, и я вручил ей ключи.

— Могла бы предупредить, — сказал я.

— Вы... Вы пристрелили людей, которые нас преследовали? — Спросил Холлис.

— Ну, — сказала Алисса, трогаясь с места, — справедливости ради скажу, что они первые начали в меня стрелять.

Холлис сглотнул, а Алисса развернулась и поехала в сторону шоссе. Она коснулась маленького черного передатчика в ухе:

— Нужна зачистка в пятом секторе. — Она выслушала ответ. — Устала вас ждать. Да. У нас минус три Карлиси. Пять километров на запад и три на север. — Она улыбнулась. — Спасибо.

Я заволновался, какое зрелище откроется детям, когда мы будем ехать мимо Короллы, и прикрыл им глаза, но у всех жертв в машине на головы были накинуты скрывающие все футболки или газеты. Когда мы проехали мимо машины, я убрал свои руки с глаз детей, после чего похлопал Холлиса по плечу и поцеловал Хэдли в макушку.

— Кто, черт возьми, такие Карлиси? — Спросил Тайлер.

— Вам все расскажут, когда мы доберемся до места назначения, обещаю, — сказала Алисса.

— Это действительно сейчас случилось? — Спросила Фэйлин, тяжело дыша и держась за дверь. — Какого черта тут происходит?

Я покачал головой, не в силах ответить. Я не знал, из-за чего больше волноваться: от того, что нашим водителем оказалась девушка на одну ночь, которая отдала мне полную опеку над нашим сыном; от того, что теперь становилось понятно, почему она это сделала, ведь она была обученной убийцей; или от того, что женщина, с которой я когда-то провел ночь, и которая с каждым моим толчком кричала, как умирающий пудель, только что, не моргнув глазом, убила трех людей.

— Слава Богу, что Гэвин спит, как я, а не как ты, — сказала Элли своему мужу.

Алисса въехала на пригород, мы вернулись на шоссе и стали набирать скорость в сторону Икинса. Алисса вела быстрее, чем тогда, когда мы покидали аэропорт, и постоянно оглядывалась на пассажиров в мимо проезжающих машинах. Они и не представляли, что сделала наш водитель буквально в нескольких километрах отсюда. Я становился все беспокойнее по мере приближения к Икинсу.

— И какой счет у тебя сейчас? — Спросил Холлис.

— Холлис! — Вскрикнула Фэйлин.

— Не отвечай, Алисса, — сказал я. Фэйлин вытянула шею в мою сторону. Впервые за много лет я произнес имя Алиссы, и, очевидно, это не понравилось моей жене. — Агент Дэвис, — поправился я, после чего сглотнул.

Алисса усмехнулась.

— Что смешного? — Спросил я.

— Просто ты не похож на того, кого я помню.

— Да, он трезвый... И одетый, — огрызнулась Фэйлин.

— О, мой Бог, — сказал Тайлер. — Это она?... — К счастью, он замолчал, не желая сбрасывать бомбу на Холлиса.

— Срань Господня, — пробормотала Элли.

Я откинулся на спинку своего сиденья, вновь переживая тот момент, когда пришел признаться Фэйлин. Хуже всего было, что она не винила меня, так как сама просила о перерыве. Фэйлин не загребала меня под углами, но Элли никогда не упускала возможности не только указать мне на то, как хреново было переспать с кем-то через несколько дней после того, как твоя девушка попросила о перерыве, чтобы подумать, но и на то, как глупо было, что Фэйлин винила себя.

В любом случае, никто не мог назвать это ошибкой, потому что в результате появился Холлис, и никому из нас не хотелось представлять жизнь без него.

Я заметил, как Алисса опять взглянула на Холлиса в зеркало заднего вида.

— Есть новости о Томми? — Спросил я.

— Нет, — сказала она, но я был уверен, что она что-то скрывает.

— Ни одной? — С подозрением спросила Элли.

— Ничего такого, что я вправе рассказать.

— Это несправедливо, — сказал Тайлер.

— Так и есть, — не сдаваясь, пожала плечами Алисса.

Оставшийся путь до Икинса мы ехали молча, но атмосфера изменилась, когда мы приехали на стоянку у больницы. Тайлер отстегнул Гэвина, который наконец-то проснулся, и Фэйлин вылезла, чтобы открыть дверь. Мы собирались сзади фургона, чтобы достать багаж и пойти к нашей семье.

После того, как все, кроме Гэвина, взяли сумки, рюкзаки и чемоданы, мы поспешили в больницу прямо к лифту. Я зашел в него последним, но затем к нам присоединилась Алисса.

Фэйлин этому не обрадовалась.

— Я должна сопровождать вас до конца, — объяснила Алисса. — После этого вы от меня избавитесь.

Фэйлин моргнула.

— Спасибо. Что позаботилась о нас.

Алисса выглядела тронутой. Она посмотрел на Холлиса и потрепала его волосы.

— С удовольствием.

Двери лифта открылись, и мы увидели свою семью.

ГЛАВА 14

Тайлер

— Вы приехали! — Сказал папа, жестом показывая, чтобы я подошел и обнял его. Он оперся на трость, а я был так рад его видеть, что обнял его, еще не стяхнув с себя все сумки. Потом папа переключился на Тэйлора, дрожа от радости, что мы приехали.

После того, как папа наконец-то нас отпустил, мы по очереди обнялись с Джеком и Дианой, Трентоном, Шепли, Америкой, после чего все они стали обнимать детей.

— Где мальчики и близнецы? — Спросила Фэйлин.

— Все спят, — сказала Америка. — Они в комнате ожидания с агентом Блевинсом. Мы соорудили им кровати на полу и выключили свет. Это был долгий день.

Папа показал нам идти за ним, и медленно пошел вперед, прихрамывая и опираясь на трость с каждым шагом.

— Идите сюда. Предупреждаю: агент Блевинс настоящий гигант.

— Больше, чем дядя Трэвис? — Спросила Хэдли.

Папа притянул ее к себе.

— Больше чем любой человек, которого я встречал в своей жизни.

Глаза Хэдли расширились, и папа ухмыльнулся.

— Как Эбби? — Спросил я.

— Уже близка, — сказала Америка. Она улыбнулась, но я заметил проблеск беспокойства в ее глазах.

— Срок еще не настал, верно? — Спросила Элли.

Америка кивнула:

— На семь недель раньше. Но они решили не останавливать роды.

Я не знал точно, хорошо это было или плохо, но Элли и Фэйлин не понравился ответ Америки.

Я сразу понял, где находится комната ожидания, потому что за дверью стоял темнокожий гигант. Он положил руки на пояс, и был больше похож на работника секретной службы, чем на агента ФБР. Он заговорил неестественно низким голосом:

— Медсестра сейчас принесет еще одеял и подушек.

— Спасибо, — ответила Хэдли, вытягивая шею и уставившись наверх.

Агент Блевинс подмигнул ей, проходя мимо.

Элли и Фэйлин повели детей в тускло освещенную комнату ожидания, следя за медсестрой с короткими светлыми волосами и белоснежной улыбкой. Она держала в

руках стопку одеял и подушек и поблагодарила агента Блевинса, придержавшего для нее дверь.

— Где Кэми? — Спросил Тэйлор.

Трентон посмотрел на часы и перевел взгляд на агента Блевинса.

— Еще пять минут, — ответил гигант, кивком приветствуя агента Дэвис. Я порадовался, что именно его назначили охранять моих детей. Здесь собирались почти все Мэддоксы, и даже несмотря на то, что мы были силой, с которой нельзя не считаться, агент Блевинс был похож на маленькую армию. — Слышал, вы сделали остановочку.

— Верно, — ответила агент Дэвис.

Я не мог перестать ее рассматривать. Не потому, что она была красива — хотя она была, — но потому, что Холлис был столь на нее похож. Мне было интересно, как она могла так спокойно от него уйти после того, как столько месяцев о нем заботилась. Но потом я подумал, как бескорыстно с ее стороны было предложить Тэйлору выбор: у большинства парней такой возможности не было. Она могла просто сделать аборт, и он никогда бы не узнал. Никто из нас не мог представить мир без Холлиса Мэддокса. Он был умен как хлыст, к тому же слишком симпатичен и обаятелен. Теперь я понял, что это имело смысл — его мать была смертоносным федеральным агентом.

Фэйлин и Элли тихонько вышли из комнаты, и мое любопытство развеялось. Я притянул к себе Элли и поцеловал в висок.

— Гэвин опять заснул?

— Знаю, — сказала она. — Тоже не верю в это. Наверное, это из-за роста.

— Если он еще больше подрастет, то скоро станет игроком НФЛ^[1], — сказал папа.

[1] НФЛ — национальная футбольная лига — профессиональная лига американского футбола в США.

Я почувствовал гордость, и ничего не мог с этим поделать. У него был отличный рост для этих лет. Он напоминал мне Трэвиса в том же возрасте. Правда, если рост Гэвина не замедлится, скоро даже агенту Блевинсу придется смотреть на него снизу вверх. Я обнял Элли еще крепче.

— Элли каждый день таскает его на руках. Удивляюсь, что они у нее еще не отваливаются.

— Я привыкла, — ответила она.

Элли была права. Еще до рождения Гэвина она ездила с нашей командой на лесные пожары в горах, чтобы писать о пожароопасном сезоне в местном журнале «Ухо гор». Некоторое время во время второго сезона она таскала свою технику и обмундирование километры подряд по пустыне, а потом поднимала свои вещи в вертолет, как и все мы. Она упорно работала, чтобы вернуть свою жизнь в правильное русло, и постаралась, чтобы получить от шефа альпийской пожарной бригады второй шанс снимать нас. У нее не все получалось идеально, но довольно скоро после ее возвращения из реабилитационного центра мы обручились и вскоре поженились. Свадьба, совместное

проживание и совместная работа — все это было перебором для нее, но я был рад, что мы не сдавались, и постепенно она освоилась. Наша история не была идеальной, но я не променял бы ни единый плохой день своей жизни с женой на хороший день с кем-либо другим.

Прошло довольно много времени, прежде чем она поверила, что готова стать мамой и заслуживает этого. Когда Гэвин появился, это казалось таким естественным. После его рождения она все дни стала проводить с ним дома, играя роль обоих родителей, когда я был на работе.

— Не могу дождаться утра, — сказал папа. — Здесь будет сынок Трэвиса и Эбби, Лииз приедет со Стеллой, и все мои внуки впервые за долгое время окажутся в одном месте.

— Ты уверен, что это мальчик? — Спросил я.

— Так сказала Эбби, — пожал плечами папа. — Держу пари, что она права.

— Я знаю, что против нее лучше не ставить, — сказал Трентон, снова взглянув на часы.
— Прошло пять минут, босс.

Двери лифта открылись, и появилась Камилла с человеком, который, как я подумал, был еще одним агентом. Трентон подбежал к ней, обнял и оторвал от пола. Он целую минуту целовал ее, прежде чем они зашли к нам в коридор.

— Сюда, пап, — сказала Камилла, подводя его к одной из стоящих у стены скамеек. У нее не было ни подлокотников, ни спинки, а состояла она лишь из длинного сиденья, обтянутого искусственной кожей зеленого цвета, и серебряных ножек.

Папа сел, и его живот закрыл половину его ляжек. Он был одет в пижаму и куртку сверху нее, а на ногах у него были замшевые мокасины. Он выглядел уставшим, но счастливым.

Как только мы все расселись, из-за угла показался доктор, и на секунду замер от столь большого количества людей. Даже не считая спящих в комнате детей и родителей Шепли, собралась большая компания.

У него была лысина и белая бородка, и он был хорошо сложен для своего возраста. Его круглые очки придавали ему скорее вид хиппи, чем вид врача, и мне это даже понравилось.

— Доброе утро. Ребенок в порядке. Мама в порядке. Мы сейчас перевезем ребенка в отделение интенсивной терапии, чтобы понаблюдать за ним, но он сильный. Доктор Финн, педиатр, считает, что ему нужен всего лишь дополнительный кислород, но она еще последит за ним. Медсестры скоро провезут его по коридору, и вы сможете мельком на него посмотреть.

— Они забирают его у Эбби? — Спросила Америка.

Доктор улыбнулся, привычный к вопросам.

— Все дети до тридцати пяти недель отправляются в интенсивную терапию. Мама и папа смогут посетить его, как только мы осмотрим его и подключим все аппараты.

— Насколько он большой? — Спросила Фэйлин.

— Кажется, они сказали, что в нем два килограмма и четыреста грамм, — ответил доктор, заулыбвшись, когда все ахнули. — Хороший размер в этом случае.

— Спасибо, — сказал пapa.

Врач кивнул и поспешил домой, чтобы немного поспать прежде чем, видимо, проработать еще целый день в перинатальном отделении. Несколько медсестер и врач стали везти по коридору инкубатор и приостановились, когда увидели всех нас. Америка первая вскочила с места, за ней поднялся Шепли, а потом и все мы. Камилла и Трентон остались сзади, чтобы помочь Джиму встать на ноги и пройти по коридору.

Мы все заохали и заахали над младшим сыном Трэвиса.

— Он выглядит точь-в-точь как Трэвис! — Сказала Америка с заслезившимися глазами.

— Я не знаю, — сказал пapa. — Вижу этот упрямо торчащий подбородок.

— Вы правы, — сказала Америка. — Определенно подбородок достался от Эбби.

— Крепись, кроха, — сказал Трентон, крепко обнимая свою жену.

Я задался вопросом, каково было Трентону и Камилле смотреть, как мы один за другим заводим своих детей в то время, как они все еще пытались зачать. Я знал, что они были рады за Трэвиса и Эбби — это было видно по их лицам, — но в то же время видел их тоску; грусть, которая не пройдет, пока они не заведут своего.

Медсестра повезла малыша дальше, и все, кроме Америки, вернулись на свои сиденья. Я улыбнулся, увидев, что Трэвис приобнял Америку за плечи, а она обняла его и плакала от счастья. Они обменялись несколькими фразами, после чего он подвел ее к нам.

Я встал и несколько раз встряхнул его руку, прежде чем обнять.

— Поздравляю. Мальчик выглядит отлично.

— А то, — ответил Трэвис. Он выглядел одновременно уставшим и энергичным, счастливым и беспокойным.

— Как вы решили его назвать? — Спросил пapa.

Трэвис хлопнул в ладоши, уже гордясь придуманным именем.

— Картер Трэвис Мэддокс.

Все ахнули, а потом радостно рассмеялись.

— Конечно, это ведь не будет всех путать! — Сказал Трентон. Папа дал ему подзатыльник. — Ауч! — Он потер голову. — Что я такого сказал?

— Джеймс, Эзра, Холлис, Элей, Эмерсон, Гэвин и Картер Мэддоксы, — сказала Америка. — Бедные Джесс, Хэдли и Стелла.

— Десять, — сказал пapa, выпрямляясь. — На сегодняшний день у меня десять внуков.

— На сегодняшний, — сказал Трентон. — У нас в планах скоро добавить еще одного.

Камилла ответила натянутой улыбкой. Непонятно было, она просто устала или уже потеряла надежду.

— Пойду обратно, — сказал Трэвис.

— Могу я пойти с тобой? — Спросила Америка. Трэвис кивнул, она вскочила и поцеловала мужа на прощание, после чего они ушли.

Мы уже в четвертый или пятый раз за эту ночь снова расселились по своим местам. Все притихли, одновременно уставшие и счастливые от того, что мы все вместе собрались. Я все еще видел в глазах Элли, Фэйлин и Тэйлора тот же шок, что испытывал сам. Мы были в нескольких метрах от трех убийц, и я до сих пор не был уверен, что об этом думать. Я даже не был уверен, стоит ли поднимать эту тему.

Папа, наконец, заговорил.

— Нам всем стоит поспать. Утром приедет Лииз.

ГЛАВА 15

Трентон

— Ты знал, пап? О Томасе? — Спросил Тайлер.

— Что именно? — Спросил в ответ он.

— Что он из ФБР.

Я рассмеялся, но больше никто не воспринял это как шутку. Я покачал головой.

— Ни за что. Томми — агент ФБР? — Я осмотрелся, и мой взгляд зацепился за мою жену, чьи щеки покраснели. — Ты знала? — Спросил я с болью.

— Детка, — сказала Камилла, потянувшись ко мне. Я попятился. Несколько часов назад я был готов ударить кого угодно, если мне не позволят забрать ее с работы. Теперь же я не был уверен, что мог на нее смотреть.

— Папа? — Сказал я. — Ты тоже знал?

Папа довольно долго молчал, после чего кивнул.

— Да. С самого начала.

— Откуда?

Папа пожал плечами.

— Замечал всякие мелочи. Я внимательный, знаешь ли.

— Что еще ты знаешь? — Спросил Тэйлор.

Папа улыбнулся и поджал губы.

— Я знаю все, сынок. Вы мои мальчики. Знать — это моя работа.

— О чем вы говорите? — Спросил я.

— Мы, хмм, — начал Тэйлор. — Мы не страховые агенты.

Элли взяла Тайлера за руку, прежде чем он заговорил:

— Мы пожарные.

— Ни хрена себе! — Сказал я, шокированный. — Я единственный, кто не врет о своей работе?

— Ну, — сказала Элли. — Если Томас не занимается рекламой, тогда он не брал в свою фирму Тревиса.

Все переглянулись, пытаясь разобраться.

Элли подняла брови:

— Или, может, он взял его к себе на работу, но не в качестве рекламщика.

— Ну уж нет, — сказал я. — Тревис работает федералом? — Я посмотрел на Камиллу, та выглядела смущенной. — Вы меня на хер разыгрываете?

Я встал. Папа нахмурился.

— Трентон. Следи за языком.

— Ты все это время знала о моих братьях? И не рассказывала мне? Что за черт, Кэми?

Она тоже встала и протянула ко мне руки:

— Я не могла сказать тебе, это был не мой секрет.

— Чушь собачья, — сказал я, тыча пальцем вниз. — Я же твой муж. Ты не хранишь от меня секреты... о моих братьях! Однажды это случилось, и я тебя простил, но, Кэми... — Я отошел от нее, взявшись руками за голову.

— Трент, — сказала она с удивлением и болью в голосе.

Когда я вернулся к месту, где она стояла, я заметил, что все пытаются смотреть куда угодно, только не на нас. Я был свидетелем того, как мои братья ругаются со своими женами, и каждый раз это было чертовски неловко, но у нас не было другого варианта, кроме как разобраться во всем здесь и сейчас. Я не мог кричать на Томаса, потому что он боролся за свою жизнь на другом конце страны. Я не мог кричать на Трэвиса, потому что он был со своей женой, которая только что родила ребенка. Я повернулся к Камилле, но смог только покачать головой. Ее глаза наполнились слезами, и я отвернулся.

Я указал на близнецов, после чего положил руки на бедра, дыша так тяжело, будто пробежал пару километров вверх по крутому склону.

— Что бы было, если бы с вами что-то случилось, парни? Вы хотели, чтобы я так все выяснил? Как узнал с Томми?

— Мы скрывали это от папы, — сказал Тайлер. Его голос был тихим и спокойным, как будто он пытался отговорить человека прыгать с крыши. Я еще сильнее разозлился: выглядело все так, будто это я принимал все слишком близко к сердцу.

— Почему? — Заорал я.

— Ты не помнишь, Трентон, — сказал Тэйлор. — Он обещал маме, что позаботится о нашей безопасности. Она не хотела, чтобы он работал в полиции. И не хотела, чтобы мы пошли по его стопам. Уверен, Томас лгал по той же причине, что и мы. Мы любили нашу работу, но не хотели ранить папу.

— То есть мы все друг другу лжем? Так сейчас принято в нашей семье? — Раздраженно спросил я.

— Я знал, — сказал папа. — Знал и не говорил тебе, потому что мальчики скрывали это по собственным причинам. Я скрывал это от тебя не потому, что люблю их больше, сынок. Просто это не мое дело.

Я снова покачал головой и стал шагать взад-вперед, продолжая держать руки на поясе. Камилла пыталась дотронуться до меня, но я отдернул руку. Все, что я знал о своих братьях, было ложью. Их профессии, их коллеги, их образование — все было ложью. И моя жена это знала.

— Ты и о Тэйлоре с Тайлером знала тоже? — Спросил я Камиллу. Она помотала головой, а по ее лицу заструились слезы. — И посмотри теперь на нас: Томми ранен, с нами нянчатся федеральные агенты, а какие-то люди пытаются нас убить!

— Говори потише, — сказал Тайлер.

— Да пошел ты! — Огрызнулся я, продолжая вышагивать.

Тайлер встал, но папа поднял руку:

— Сядь, сынок.

Я указал на Камиллу.

— Ты уже соврала мне однажды. А теперь я узнаю, что ты никогда и не переставала это делать! Что я... Что я должен с этим делать, Камилла?

— Не называй меня так, — сказала она. Так отец звал ее, когда был зол, а Томас, когда расстраивался, что не мог ставить ее на первое место. Для меня она всегда была на первом месте. Я, черт возьми, поклонялся ей, а она мне лгала. Так или иначе, так делала вся моя семья.

— Тебе повезло, что я только так тебя называю, — проворчал я.

Рот Камиллы приоткрылся, а жены братьев ахнули.

— Достаточно, — разозлилась Элли.

Шепли встал:

— Пойдем попьем кофе, Трент.

Трэвис с Америкой вывернули из-за угла, и улыбка на его лице застыла.

— Она готова к новым посетителям, — сказал он, оглядываясь по сторонам. — Все в порядке?

— Ты все это время мне лгал? — Спросил я.

Трэвис замешкался:

— Я... не могу обсуждать детали до завтрашнего приезда Лииз.

Я шагнул к нему.

— Мы твоя семья, Трэвис. Вы с Томми не в каком-то гребаном тайном клубе, где играете в азартные игры с нашими жизнями. И ты не должен просить мою жену лгать мне насчет тебя.

— Я не делал этого, Трент. В начале у меня не было выбора, и не я решил рассказать Кэми и просить ее лгать.

Я сузил глаза:

— Но ты согласился с этим.

Трэвис сделал шаг ко мне.

— Я должен был, иначе бы сел в тюрьму за пожар на территории кампуса.

Я сжал руки в кулаки. Я не знал точно, что или кого хочу ударить, но был уже близок к этому.

Папа встал и положил руку мне на плечо. Он пошатнулся, что заставило мою ярость пойти на убыль. Я помог ему удержать равновесие, после чего он крепко обнял меня, когда я попытался его отпустить. Он держал меня, пока я не успокоился. Потом я помог ему вернуться на скамейку, а сам сел на ее краешек. Камилла сделала шаг ко мне, но я поднял руку:

— Не надо.

Элли постучала по свободному месту рядом с ней, и Камилла села туда, не в силах сдержать дрожащую нижнюю губу.

— Ну так, — начал Тэйлор. — Ты — федерал. Томас — тоже федерал, и это все из-за какого-то дела, над которым вы работаете?

Трэвис глубоко вздохнул, глядя на агента Блевинса и агента Дэвис, после чего выпустил воздух.

— К черту все. — Он сел рядом с отцом, положил локти на колени и приложил сложенные будто в молитве руки к губам. — Я был там в ту ночь... когда был пожар в Истерне. Я договорился с Трентоном, что он побудет с Эбби, а сам я буду драться с Джоном Севиджем. Это был небольшой подвал. Слишком маленький для финального боя. Однажды нас чуть не поймали, так что Адам запретил любое освещение: там свисало лишь несколько фонарей с потолка. И там... — Он замолчал, вспоминая. — В коридорах и самом помещении стояла мебель, накрытая тряпками. Фонарь упал, и в считанные секунды все загорелось. Я был оторван от Эбби и Трента, и мне надо было их найти. Я нашел Эбби, но с Трентом мы встретились только потом. Страшнейшая ночь в моей жизни.

Я откинулся назад, осознавая, что и сам много лет лгал. Лгал ФБР о том, что не находился в здании во время пожара, и только Трэвис с Эбби знали, что я оставил Эбби, потому что испугался. Я ждал, что он выдаст меня.

Трэвис продолжил:

— Много подростков умерло в ту ночь. Адама арестовали. Я знал, что скоро дойдут до меня, хотя Эбби и придумала нам алиби: мы поехали в Лас-Вегас и поженились, чтобы все выглядело так, будто нас там не было.

Америка посмотрела на Трэвиса.

— Ты знал об этом?

Я посмотрел вниз. Я тоже об этом знал, и скрыл это от него. *Черт, теперь я ощущал себя лицемером.* Я думал, что мы сплоченная семья. Оказывается, мы были лишь пауками, плетущими паутину лжи. Я почувствовал, как покраснело лицо: гнев возвращался.

— Как я мог не знать? Она вдруг захотела сбежать в Вегас через час после того, как мы сбежали с пожара. После того, как наши однокурсники погибли. Она была либо сумасшедшей и бессердечной, либо придумывала план. Как бы то ни было, я отчаянно

хотел стать ее мужем. И я проигнорировал это. Наверное, не самый честный поступок. К счастью, — сказал он, указывая на палату Эбби, — это сработало.

— Но тот агент, — сказал я. — Он приходил домой и спрашивал о тебе. Они не купились на историю со свадьбой в Вегасе, да?

— Мне дали выбор, — ответил Трэвис.

— Но почему тебе? — Спросил Тайлер. — Почему не Адаму, почему...

— Мик Эбернати, — сказал папа.

— Не знаю даже, удача это или нет, — сказал Тайлер.

— Так как в это все вписывается Томми? — Спросил я. — Он был федералом еще раньше этого. Намного раньше, я думаю. — Я посмотрел на Камиллу, которая все еще оставалась раздражающе молчаливой. — Даже сейчас? — Спросил я ее. — Все выплывает наружу, а ты просто сидишь там... верная ему?

— Она не могла рассказать тебе, Трент, — сказал Трэвис. — Это был вопрос безопасности.

Я встал, оглядываясь и поднимая руки.

— Ведь мы все сейчас в безопасности! В три утра сидим тут с двумя... Нет, прости, тремя федералами, которые нянчатся с нами, чтобы какой-то неизвестный не застрелил наших детей!

— Знаю, звучит все плохо, и я понимаю, что ты злишься. И это еще не конец. Мне жаль, Трент, действительно жаль. Я никогда не думал, что произойдет что-то подобное.

Трэвис был настолько терпелив и спокоен, что это только сильнее меня разозлило. Я шагнул к нему, но между нами выросла Камилла.

— Трентон! — Закричала она, подняв руки.

— Трэвис, возвращайся к жене, — сказал папа. — Трентон, посади свою задницу обратно. Теперь. Этой ночью мы не получим все объяснения, ну и ладно. Важнее то, что наша семья сейчас в безопасности.

Я нехотя сел, повинуясь своему отцу. Он был слабым. Не тем почти что пугающим человеком, которого я помнил из детства, но все же моим отцом, и он заслужил мое уважение.

Камилла сделала несколько шагов ко мне, без слов спрашивая разрешения. Я подвинулся и протянул руку, и она кинулась на место рядом со мной, после чего обняла меня и уткнулась мне в шею. В глубине души я знал, что ее сохранение тайны Томаса не было выбором между верностью ему и честностью со мной, но было сложно выкинуть все эти мысли из головы. Я притянул ее к себе, но только потому, что не хотел, чтобы это семиминутное чувство предательства затмило любовь, что я испытывал к Камилле большую часть своей жизни.

— Эбби спит? — Спросила Элли.

— Она не может, — ответила Америка. — Хочет увидеть Картера. В ближайшее время нам сообщат, когда ей можно будет это сделать.

— Я бы хотела увидеть ее, — сказала Элли.

— И я, — сказала Фэйлин.

Трэвис жестом показал им идти за ним, и они встали. Фэйлин обернулась ко мне со взглядом, которым точно хотела предупредить меня, чтобы я не расстраивал Камиллу, пока их нет. Я вздохнул и поцеловал волосы жены. Она тихонько шмыгала носом, а ее тело слегка подрагивало. Несмотря на это, я не мог сказать ей, что все будет хорошо. Я не знал, будет так или нет. Мне было интересно, какое новое несчастье принесет нам следующий день, и сколько еще наша семья могла выдержать.

ГЛАВА 16

Трэвис

Я зашел в палату Эбби с Фэйлин и Элли, и тут же пожалел, что вернулся без Картера. Лицо моей жены на долю секунду засветилось, после чего она постаралась скрыть свое разочарование за своей милой улыбкой.

— Мы очень скоро сможем его увидеть, — заверил ее я.

Волосы Эбби едва собирались в маленький хвостик. Отдельные пряди выбились из него и обрамляли ее лицо. Ее глаза все еще были красными после родов и слез после них. Никогда не видел ее столь опустошенной, как в тот момент, когда они увезли нашего сына.

— Он прекрасен, — сказала Элли с улыбкой.

— Вы его видели? — Спросила Эбби. Она села на кровати и засунула выбившиеся пряди за ухо.

— В коридоре. Его отвезли всего лишь в конец этого крыла, — сказала Фэйлин.

— Это утешает. — Глаза Эбби заслезились, и она посмотрела на потолок, пытаясь сдержать слезы.

— Плакать — это нормально, — сказала Элли, взяв стул и поставив его к кровати. — У тебя был длинный день. Ты истощена. Твои гормоны сходят с ума.

Эбби вытерла щеки.

— Я не хочу плакать.

Я присел на кровать Эбби и взял ее за руку. В ее руке, благодаря некоторым кусочкам пластиря, держалась капельница, которую ей поставили, чтобы вылечить инфекцию, вызванную преждевременными родами. Она испробовала все способы, чтобы замедлить схватки, но чем сильнее она старалась, тем сильнее они усиливались. Когда врач сказал ей, что она родит сегодня, Эбби сломалась. У нее так хорошо прошли роды близнецов, а с одним ребенком все вышло гораздо сложнее.

Я знал, что винить нужно не только инфекцию. Она также находилась в постоянном стрессе из-за моей работы. Я не только собирался разрушить семью, чтобы их защитить, но еще мои жена и новорожденный сын оказались под угрозой. Я собирался найти способ уйти из ФБР после этого. Нам с Томасом повезет, если наша семья к тому моменту останется невредимой.

— Перестань, — сказала Эбби, увидев мое выражение лица. — Мы ничего не могли сделать. Просто так сложились обстоятельства.

— И он в порядке, — добавила Элли. — Он завывал как банши всю дорогу по коридору. У него сильные легкие и мэддоксовский темперамент. Все с ним хорошо.

— Как думаете, нам разрешат забрать его домой? — Неожиданно спросила Эбби голосом, переполненным надеждой.

Я похлопал ее по руке.

— Возможно, нет. Во всяком случае, не сразу. Но давай подождем новостей из интенсивной терапии, прежде чем расстраиваться еще сильнее.

— Ты имеешь в виду, прежде чем я еще сильнее расстроюсь, — сказала она.

Я поднес её руку к губам и закрыл глаза. Чувство вины было невыносимым. Я был рад, что отец вмешался в нашу с Трентономссору, потому что я уже был готов вернуться к тем временам, когда решал все свои проблемы кулаками. Мне было девятнадцать будто сто лет назад, и, честно говоря, быть взрослым — полный отстой. Было намного проще стащить с себя футболку и начать размахивать кулаками, чем слушать, как Трентон ведет себя как безрассудная сволочь, и стараться быть великодушным, когда все, что я пытался сделать, это спасти ему жизнь.

— Детка, — сказала Эбби, видя, как мои внутренние терзания просачиваются наружу.

— Трентон узнал насчет ФБР, — сказала Элли. — И что Кэми уже знала. Он воспринял это близко к сердцу.

Эбби посмотрела на меня.

— Он обвинил во всем тебя.

— А кого еще он мог винить? — Проворчал я.

Эбби переплела наши пальцы.

— Осталось еще немного.

Я кивнул, понимая, что мы не могли больше сказать при Элли и Фэйлин.

Эбби рассказала о родах, и все они снова стали плакать на моменте, когда Картера вывозили из комнаты. Сестры обнялись, после чего Элли и Фэйлин пошли обратно в комнату ожидания, чтобы проверить родных.

Эбби вздохнула, откинув голову на подушку.

— Хочешь, чтобы я соорудил себе здесь постель и остался? — Спросил я.

Она покачала головой, осторожно нажимая на живот и морщась.

— Тебе надо постараться выспаться. Завтра будет длинный день.

— Ты имеешь в виду сегодня?

Эбби посмотрела на часы на стене.

— Лииз приедет через несколько часов. Медсестра сказала, что кресло можно почти полностью разложить.

Я встал и кивнул, обойдя больничную койку к сиреневому креслу поблизости. Сестра уже сложила там пару покрывал и подушку друг на друга. Кресло заскрипело, когда я пододвинул его к кровати. Я сел и накрылся одеялом, после чего потянул за рычажок и откинулся назад.

С помощью пульта Эбби погасила свет, и на протяжение недолгого времени стояла драгоценная тишина. Когда я уже начал задремывать, открылась дверь, и я услышал, как зашла медсестра.

— Здравствуйте, миссис Мэддокс. Я подумала, что захотите попробовать молокоотсос,

— она подняла небольшое устройства с трубочками, похожее на маленький клаксон.

Эбби выглядела испуганной.

— Почему?

— Картер еще недостаточно окреп, чтобы сосать грудь, так что мы будем кормить его через трубочку. У нас есть специальная молочная смесь, но ваше молоко больше подойдет. Хотите попробовать?

— Я... — Она замолчала, глядя на молокоотсос, которым никогда не пользовалась. Наших близнецов она кормила грудью, и все время оставалась дома, поэтому ей никогда не приходилось его приобретать. — Я даже не уверена, что там есть, что откачивать.

— Вы удивитесь, — сказала медсестра. — Его желудок меньше шарика, поэтому много ему не нужно.

— И мои антибиотики не навредят? — Спросила она, подняв руку. Я так гордился ей. Даже вымотавшись, Эбби задумывалась о таких вещах, что мне в голову даже не приходили.

— Абсолютно, — ответила медсестра.

— Хорошо, — сказала Эбби. Она выслушала все указания медсестры. Когда та ушла, она так и продолжила сидеть, с презрением глядя на емкость и трубочки.

Я сел.

— Хочешь, я помогу?

— Точно нет, — ответила она.

— Я могу просто...

— Нет, Трэвис. Если я и буду доить себя как корову, ты точно не будешь помогать мне это делать. И смотреть ты тоже не будешь.

— Детка, это не что-то плохое. Ты делаешь это для нашего сына.

— Просто это чувствуется таким... личным.

— Ладно, — сказал я, выбираясь из кучи одеял в кресле. — Уверена?

— Уверена.

— Я вернусь через пятнадцать минут. Нужно что-нибудь, прежде чем я уйду?

— Неа.

— Удачи, Гулька.

Эбби подняла этот маленький клаксон, будто показывая мне большой палец, и я усмехнулся, желая, чтобы со всеми проблемами можно было разобраться так же. Я закрыл за собой дверь и вернулся в коридор перед комнатой ожидания к своей семье. Кэми в одиночестве сидела на скамейке.

— Где все? — Спросил я.

— Медсестра принесла раскладушки. Все, кроме папы, спят в комнате ожидания.

— А он где?

Камилла кивнула в сторону родильной палаты, откуда раздавался знакомый храп Джима Мэддокса. Он вдыхал через нос, потом его щеки наполнялись воздухом, и после этого он, наконец, выдыхал воздух.

— Он уговорил их выделить ему отдельную палату?

— Он боялся, что своим храпом разбудит детей. Настаивал, чтобы расположиться здесь, но это увидели медсестры, и, ты же знаешь... Все любят Джима.

— Ты не устала? — Спросил я.

Она пожала плечами.

— Не думаю, что Трент жаждет моей компании.

Я сел рядом с ней.

— Кэми... Ты же знаешь, он тебя любит. Просто ему на голову много свалилось.

— Знаю, — ответила она, заламывая руки. — Наши с Томасом секреты... Все эти годы они вырывались наружу. Я знала, что однажды они выплынут, и он будет сердиться. Я просто не ожидала, что буду чувствовать себя такой виноватой.

— Потому что ты не хочешь видеть, как он страдает.

— Да, не хочу.

Я уставился на пол.

— Никто не собирается бежать на этот раз.

— Слышал что-нибудь от Лииз? Какие-нибудь новости?

— Нет, — сказал я, и это была правда. Мне не нужно было слышать новости: я точно знал, что должно было произойти.

— Разве не странно, что она согласилась прилететь? В то время, пока Томас приходит в себя?

— У нее маленькая малышка, и... — Я замолчал. Не хотелось говорить еще больше лжи, а худшее еще было впереди.

Камилла притихла.

— Он не выжил, да? Она хочет сказать нам это лично. — Когда я не ответил, Камилла стала сверлить меня взглядом, пока я на нее не посмотрел. — Скажи мне, Трэвис. Он мертв?

— Ты хочешь хранить еще больше секретов от Трентона? Что будет, если он узнает, что ты узнала о Томми до него? Опять?

— Просто скажи мне, — сказала она. — Я имею право знать.

— Больше, чем все остальные?

— Трэвис. Я много лет защищала ради него его тайну.

— И посмотри, где ты сейчас.

Камилла задумалась о моих словах и откинулась назад. Она закрыла глаза, болезненно сморщившись.

— Ты прав.

Я встал, оставляя Камиллу наедине с ее слезами, и пошел обратно в палату, удивленный, что смог почувствовать себя еще хуже, чем раньше. Стало на одного человека меньше, чью жизнь я должен был разрушить. Я замер в коридоре перед дверью Эбби, осознавая, что нам придется сказать это детям. Моим детям. Я должен буду смотреть им прямо в глаза и сказать, что их дядя умер.

Я прикрыл глаза, задаваясь вопросом, как в будущем буду объяснять им, почему они не должны врать. Как они смогут доверять мне после такого? Я толкнул дверь как раз в тот момент, когда Эбби закрывала крышку на молокоотсосе.

— Ну и как это было? — Спросил я.

Она замерла.

— Что случилось?

— Дети, — сказал я.

Она вздрогнула.

— Что с детьми?

Я вздохнул.

— Черт. Нет, прости. Они в порядке. — Я сел рядом с ней, забирая из ее рук отсос, и поцеловал ее в лоб. — Они в порядке. Просто я вдруг осознал, что нам надо будет рассказать им о Томасе.

Она посмотрела на меня, широко раскрыв глаза:

— Это разобьет им сердце.

— И потом... Позже...

Эбби закрыла глаза, и я обнял ее.

— Знаю. Мне жаль.

— Они никогда больше нам не поверят.

— Может, они поймут.

Ее глаза в десятый раз за утро наполнились слезами.

— Не в ближайшее время.

Медсестра постучала и зашла, и ее волосы подпрыгивали с каждым ее шагом.

— Доброе утро, — прошептала она.

— У меня не очень много набралось, — сказала Эбби, когда я передал все медсестре.

Та посмотрела на емкость и улыбнулась, сузив глаза.

— Тут достаточно. Это его осчастливит.

— Можем мы увидеть его? — Спросил Эбби.

— Да, — ответила медсестра, указывая на нее. — Как только вы немного отдохнете.

— Мы пытались, — сказал я.

— Без проблем. Напишу записку «не беспокоить».

— Только если, — начала Эбби.

— Только если что-нибудь не случится. Есть, мэм. — Медсестра закрыла за собой дверь, и я вновь расположился в кресле.

Эбби погасила лампочку возле нее, и источником света в палате остался лишь восход солнца, проглядывающий через жалюзи. Птицы снаружи чирикали, а я задумался, смогу ли когда-нибудь снова поспать.

— Я люблю тебя, — прошептала Эбби, лежа в постели.

Мне захотелось забраться к ней на кровать, но я побоялся задеть капельницу.

— Я люблю тебя больше, Голубка.

Она вздохнула и поерзала на кровати.

Я закрыл глаза, слушая ее дыхание, звук капельницы и надоедливое пение птиц снаружи. Каким-то образом я выпал из реальности, и мне снилось, как я первый раз лежал рядом с Эбби в своей студенческой квартире и думал, как же мне, черт возьми, ее удержать.

ГЛАВА 17

Шепли

Америка держала меня за руку, ведя в палату Эбби. Пахло дезинфицирующим средством и цветами, и именно поэтому я был рад, что последних двух наших мальчиков Америка рожала дома. Больницы заставляли меня нервничать, наверное, потому, что в основном они были связаны для меня с плохими воспоминаниями. Я был в больнице Мерси, когда навещал с родителями Диану, когда сломал руку, когда Трентон попал в аварию с Макензи и потом опять с Камиллой. Единственными хорошими воспоминаниями о больнице Мерси для меня было появление на свет Эзры и близнецов Трэвиса и Эбби.

— Привет, — сказала Эбби с улыбкой, обнимая Америку, когда та к ней наклонилась.

— Выглядишь отлично! — Сказала Америка, повторяя фразу, которую хочет услышать любая мама после родов.

Эбби просияла:

— Они скоро отвезут меня к нему.

— Хорошо, — сказала Америка, садясь рядом с ней. Она взяла в руку ладонь лучшей подруги. — Это хорошо.

В комнате чувствовалось напряжение. Мы четверо были близки с тех пор, как Эбби впервые приехала в нашу с Трэвисом квартиру, и они ничего от нас раньше не скрывали. По крайней мере, я так думал. Мы с Америкой несколько раз обсуждали, как так вышло, что ФБР будто забыли об участии Трэвиса в пожаре и перестали задавать вопросы. И еще был тот странный момент на утро после свадьбы Трэвиса и Эбби в Сент-Томасе, когда он настолько расстроился, что даже не мог говорить. Так вот что это было. Тогда все и случилось. Тогда Томас поставил ему ультиматум.

Америка притихла. Та Америка, в которую я влюбился, уже устроила бы Эбби настоящую взбучку за то, что та от нее что-то скрывала, но моя жена и мать троих детей была мудрее и не поддавалась гневу. Она больше слушала и меньше действовала. Их дружба основывалась на абсолютном доверии. Как бы еще они могли любить друг друга несмотря ни на что? Но теперь настал момент, когда мы должны были на первое место ставить наших супругов. Брак делал дружбу — даже такую старую — сложнее.

— Мерик, — начала Эбби. — Я хотела тебе рассказать.

— Рассказать мне? о чем? — Сказала Америка. Теперь, когда разговор начался, она не собиралась легко сдаваться.

— О Трэвисе. Я сама узнала всего несколько лет назад.

— И когда ты перестала мне доверять? — Спросила Америка, стараясь не показать, как ее это задело.

— Дело не в этом. Мерик, он не изменял мне или связался с наркотиками. Он работал под прикрытием в ФБР. Он внедрился в мафию, сначала участвуя в боях, а потом собирая деньги со стриптиз клубов Вегаса и угрожая должникам. Мы не могли говорить

об этом по телефону или в смсках. Мы не могли сплетничать об этом, сидя у бассейна и наблюдая за игрой детей. За Трэвисом следили. Как я могла тебе рассказать?

— Ты не должна была переносить все это в одиночку.

— Я была не одна, — ответила Эбби, посмотрев на Трэвиса с легкой улыбкой.

— То утро в Сент-Томасе? — Спросил я. — Тогда ты начал?

— У меня не было выбора, — сказал Трэвис.

Я потер затылок, обдумывая все это. Как же Трэвис все эти годы хранил это в тайне? Когда он уезжал, работая тренером, и когда устроился к Томасу — все это время он был в ФБР. Это объясняло, как они смогли купить дом на зарплату личного тренера, но я все еще не мог поверить, что они скрывали это от нас.

— Так почему Томас? — Спросил я. — Почему он скрывал это?

Трэвис пожал плечами.

— Мама. Она взяла с папы обещание, что он бросит работу в полиции и не даст нам пойти по его стопам. Но Томас был рожден для этой работы. — Он говорил о Томасе с таким благоговением, что невозможно было ему не поверить, хотя я все еще не понимал, зачем было лгать.

— Джим бы понял, Трэв. Дело наверняка в другом.

Трэвис опять пожал плечами.

— Это единственная причина, которую он мне называл. Что он не хотел разочаровывать папу. Не хотел, чтобы папа сказал ему не продолжать карьеру, которой он так страстно увлечен.

Америка прищурилась, пока Трэвис говорил. Она заметила то, что не заметил я.

— Так Томас знал, что тебя должны были арестовать, и договорился с кем-то в бюро, чтобы тебе предложили работу из-за твоей связи с Миком и Бенни? Почему не Эбби?

Эбби усмехнулась.

— Трэвис мог дать Бенни то, что он хотел. И, кроме того, Трэвис бы никогда не согласился на это.

Америка кивнула, хотя все еще не была удовлетворена. Что-то не складывалось — они все еще что-то скрывали.

— Так Томас... — Америка замолчала. Она часто так делала с мальчиками, надеясь, что они заполнят пробелы.

Трэвис откашлялся.

— Был ранен, да.

— А эти порезы на твоей голове? — Спросил я.

Он переглянулся со своей женой.

— Я был следующим, да. Поэтому агенты приехали к папе. Поэтому мы все здесь. Поэтому мы должны оставаться вместе.

— Ты считаешь, что они примутся за остальную семью после того, как пришли за тобой и за Томасом? — Спросила Америка.

— Не за Тревисом, — сказала Эбби. — Он был в моей машине. Они пришли за мной и детьми.

Америка прикрыла рот рукой.

Тревис уставился в пол.

— Те, кто пытались убить меня по дороге... Это были люди Бенни Карлиси. У них в машине были наши фотографии. Всех нас: наших семей, детей...

— Почему? — Спросил я. — Потому что тебя раскрыли?

— Я облажался. — Сказал Тревис. — Я убил Бенни. Они жаждут крови.

— Ты *убил* его? — Ошеломленно спросила Америка. — Мой друг Тревис, двоюродный брат моего мужа, муж моей лучшей подруги убил *главу мафии*? Мы что, попали в серию «Клан Сопрано»^[1]? Как, черт возьми, это произошло?

[1] «Клан Сопрано» — американский криминально-драматический телесериал про мафиозный клан (1999-2007).

— У него не было выбора, — сказала Эбби. — Или он, или Бенни.

— А Мик? — Спросила Америка.

— Он был под защитой. Он пропал.

— *Пропал*? — Взвизнула Америка, глядя на Эбби.

— Потише, — сказал Тревис.

Америка встала и принялась расхаживать.

— Ну и что теперь? Мы будем заперты в собственном доме, пока они всех не поймают?

— Это ненадолго, — сказал Тревис. — Обещаю, Мерик. Они стреляли в агента — в моего брата. Мы не остановимся, пока не посадим или не уничтожим их всех.

Тревис скрестил руки на груди. В колледже он был крупным, сейчас же стал настоящим зверем. Его руки были толще моих ног, а грудь была чуть ли не вдвое больше, чем должна была быть. Он был будто сделан из мышц. Я не мог даже представить, как кто-то мог видеть его и думать, что взяться за его семью было хорошей идеей, и так же трудно было поверить, что Томас втянул его в эту неразбериху.

Тревис заметил, как сильно я задумался.

— Что такое, Шеп?

Я покачал головой.

— Скажи уже, — сказал Тревис.

— Ты сказал, что это спасало тебя от тюрьмы. Но не мог ли Томас помочь тебе без привлечения тебя под прикрытие? Каждый раз на задании ты был в опасности. Почему Томас сделал это?

— Это было нелегким решением для него, — сказала Эбби.

— Значит, у него был выбор. — Сказал я. — Так ведь?

Трэвис перенес вес с одной ноги на другую, некомфортно чувствуя себя от того, куда зашла беседа.

— Что было бы, если бы ты не был собой? — Спросила Америка. — Если бы Эбби осталась с Джесси, с Паркером или еще кем-то, не столь... способным, как ты?

Трэвис пожал плечами.

— Тогда, если бы этот человек был настолько глуп, чтобы принимать участие в боях Круга и стать виновным в сборе сотни студентов в небольшом подвале с паршивыми выходами, он бы попал в тюрьму.

— Или выторговал свободу в обмен на связи Эбби с Миком. Я просто... — Я замолчал, не решаясь сказать больше, чтобы не навредить нашей семье. — Томас мог бы найти и другой путь, если бы захотел. Он мог бы, Трэв. Понимаю, вероятно, сейчас не лучшее время, чтобы высказывать свое мнение, но тогда я не знал. Поэтому говорю сейчас.

Трэвис опустил взгляд и кивнул, глубоко вдохнув через нос. Он посмотрел на меня, будто я произнес вслух истину, которая все это время сидела где-то на закорках его сознания.

— Он это знает. Я вижу это на его лице каждый раз, когда он смотрит на меня на работе.

— Это выглядит слишком идеальным, — сказала Америка. — Томас работает в ФБР, а его брат встречается с дочерью человека, связанного с криминальной семьей, которую они расследуют?

— Томасу повезло, — сказал Трэвис.

— *Повезло?* — Зарычала Америка. — Он получил продвижение по службе?

Трэвис и Эбби напряглись.

— Получил или нет? — Потребовала ответ Америка.

— Ага, — сказал Трэвис. — Получил.

— Не-блин-вероятно! — Сказала Америка, а ее руки безвольно упали вниз и глухо ударились о ноги. — И тебя это устраивало?

— Нет! — Сказал Трэвис. Его терпение было на исходе. — Нет, меня это не устраивало. Я просто делал то, что должен был делать.

— Томас продал тебя, — сказала Америка, указывая на Трэвиса.

— Так Лиз едет сюда? Без Томаса? — Спросил я. — Полагаю, он в какой-нибудь сверхсекретной фбрковской больнице с кучей охраны?

— Я не могу говорить об этом, — сказал Трэвис. — Пока что не могу.

— Мы твои друзья, — сказала Америка. — По крайней мере, мы так думали.

Трэвис вздохнул, потирая затылок.

— Дело не в том, что мы вам не доверяем. Дело в том, кто может нас услышать.

— Правда опасна, — сказала Эбби. — Чем меньше вы знаете, тем лучше.

— Эбби, — с отвращением сказала Америка. — Мы сейчас под федеральной защитой. Мы и так уже в опасности.

Трэвис и Эбби переглянулись.

— Не так уж много информации вы не знаете, — сказал Трэвис.

— Ну так просветите нас, — сказала Америка, вставая. — Мы не настолько важны, умны или имеем недостаточно высокий доступ? Видимо, со мной что-то не так, раз я не понимаю, почему мы не можем знать, почему кто-то пытается убить нас и наших детей!

— У них... У них были снимки наших мальчиков? — Спросил я.

Трэвис поколебался, после чего кивнул.

Америка отступила ко мне, образуя единый фронт. Я знал, что за этим последует, и, судя по лицу Эбби, она тоже знала.

— Вы вовлекли нас во все это без нашего согласия, — сказала Америка. — Мы были с вами с самого начала. Прошли через все вместе. И теперь мы узнаем, что все эти годы вы нам лгали. Ладно. Я понимаю, были особые обстоятельства, но теперь пришло время все рассказать нам здесь и сейчас. Теперь это и наше дело. Наша проблема. Есть ли что-то, что мы должны знать?

Она была права. Наши мальчики сейчас спали в больничной комнате ожидания, а до этого — на самодельных кроватях на полу, чтобы находиться под надзором ФБР. Мы не знали, как долго Карлиси были в городе и как долго они за нами наблюдали. Мы не могли защитить себя или наших сыновей, не зная точно, против чего выступаем.

— И что ты сделаешь, Мерик? — Спросил Трэвис.

— Трэв, — предупредил я.

— Нет, я хочу знать. Думаешь, Томас или я желали всего этого? Это последняя вещь, которую мы хотели! Поэтому я и был под прикрытием...

— Прикрытием? — Взорвалась Америка. — Лгать мафиози о том, на чьей ты стороне, не значит быть под прикрытием, Трэвис! Они знали, кто ты, кто твоя жена, и где вы живете! Мы ездили с вами в Вегас. У них снимки наших мальчиков! — Пока она говорила, ее глаза заслезились от гнева. — В ту секунду, как ты на это согласился, мы все попали в опасность. Не веди себя как спаситель. Вы с Томасом *причина* всего этого!

— Америка, хватит, — сказала Эбби. — Ты не знаешь всего.

— Именно, — отрезала она, после чего схватила меня за руку и потащила к выходу из палаты.

— Шеп, — умоляющее сказал Трэвис.

Я повернулся к нему. Я всегда был на его стороне, но впервые не был уверен, что он прикрывает мне спину. Я не был уверен, что могу доверять его словам. Он не сам решил лгать нам, но он не контролировал ситуацию.

— Ты даже не извинился, Трэвис. Я знаю, что ты не хотел этого, но именно из-за тебя мы все в этой ситуации. И ради чего?

— Ради того, чтобы спасти его от тюрьмы, — огрызнулась Эбби. — Ты бы тоже сделал все, чтобы этого не произошло, и ты это знаешь.

— Я бы не нарисовал мишени на спинах своих сыновей, — сказал я. — А ты это сделал.

— Я посмотрел на Трэвиса, после чего потянул жену за дверь.

ГЛАВА 18

Лииз

Вэл поставила кресло со Стэллой на сидение и сложила на дно грузовика Трэвиса мои вещи, оставив лишь розово-серую детскую сумку, висящую на плече Трэвиса. Впервые с ухода Томаса я улыбнулась: было забавно видеть огромного и устрашающего Трэвиса с чем-то столь девчачьим. Но так же быстро, как появилось это чувство, оно ушло, сменившись пронизывающей до самых костей болью. Я не могла поверить, что была в Икинсе, штат Иллинойс, со Стэллой, но без ее отца. События последних дней привели меня в оцепенение.

Трэвис оставил сумку с вещами для малышки на заднем сидении машины. Он умудрялся помнить обо всем, а не только о сердцах членов своей семьи, что нам предстоит разбить.

— Сейчас затяну ремни, — сказал он, потянувшись к Стелле. Его голос стал на октаву выше, когда он заговорил с ней. — Ты такая кроха, но на фоне Картера выглядишь настоящим гигантом. Да-да, так и есть.

Я обошла машину, усаживаясь рядом с автокреслом позади Вэл. Она уже сидела на переднем сидении, набирая что-то на телефоне.

— Картера? — Спросила я.

Прежде чем Трэвис успел ответить, заговорила Вэл:

— Почему мужчины так глупо себя ведут с детьми?

— Рад видеть Вас, агент Тайбер, — сказал Трэвис с сарказмом. Он знал, что последует дальше.

— Иди на... — Начала Вэл свой фирменный ответ, но затем вспомнила о том, что рядом Стелла.

— Почему это тебя так бесит? — Спросил Трэвис. — Зачем было идти в ФБР, если ты терпеть не можешь, когда тебя называют агентом?

Трэвис захлопнул дверцу и натянул на грудь ремень безопасности, защелкнув его с громким щелчком.

— Все готово? — Спросил он Вэл. Та проигнорировала его, продолжая писать директору. Трэвис взялся за руль и посмотрел прямо перед собой, не включив зажигание.
— Лииз?

Я закрыла глаза.

— Я в порядке.

— Сомневаюсь.

Я посмотрела в окно.

— Давай просто покончим с этим.

— Ты должна знать. Я рассказал им. — Трэвис выплюнул эти слова, как будто они жгли его рот.

— Что? — Сказала я.

— Что? — Повторила Вэл.

— Большая часть вышла наружу этой ночью. Они знают, что я и Томас федералы. Знают, что я начал работать после пожара. Лииз, папа уже это знал.

— Он не знает всего.

— Знаю. Но я должен был раскрыть им кое-что до твоего приезда. В противном случае это все было бы для него перебором.

— А другие?

— Они тоже знают. Большую часть. Не считая тебя и... плана.

— Понятно, — сказала я. Это все, что я могла ответить. Как можно было рассказать семье, что я столько им врала? Что я не была той, кем они думали, и Томас тоже? Как можно было сказать им, что его больше нет, а потом смотреть, как они испытывают сильнейшую боль, что можно представить?

— Я буду рядом с тобой, — сказал Трэвис.

Я не сразу смогла ответить ему. Мы уже выезжали за границы аэропорта, когда я наконец смогла совладать со своими эмоциями.

— Они не простят меня, — сказала я слова, которые было так сложно произнести.

— Нет, простят. Они простят нас обоих. — Я знала Трэвиса достаточно долго, чтобы раскусить его деланное спокойствие в голосе. Эбби была лучшей актрисой, но Трэвис тренировал свое покерное лицо уже много лет. Его жена была хорошим учителем.

— Не знаю, смогу ли это сделать. Я слишком эмоциональна, — сказала я.

Трэвис повернулся ко мне.

— Ты только что родила ребенка, Лииз. За один день ты прошла путь от новой семьи до жизни матери-одиночки. Не относись к себе так строго.

Я посмотрела на него, задетая его прямотой. Хотелось ненавидеть его за его слова, но все они были правдой.

— Я все еще тот же человек. Я не слабая.

— Черт, нет, не слабая. Матери чертовски сильные при любом раскладе. А ты, Лииз? Никогда я не видел никого, подобного тебе.

Я поерзала на месте. Его ответ меня удивил.

— Не считая Эбби.

— Это не соревнование, — с легкой улыбкой ответил он.

Мои плечи расслабились. Трэвис всегда мог заставить меня почувствовать себя в безопасности так же, как и Томас. И хотя лететь с новорожденной было страшно, становилось намного спокойнее, зная, что я скоро буду с Мэддоксами.

— Как у тебя дела?

Он откашлялся, включая поворотник.

— Вымотан. Я жду всего этого не больше, чем ты.

— Где Эбби?

— В больнице со всеми остальными.

— В больнице? Почему? — Встревоженно спросила я.

— Она родила вчера вечером.

Мы с Вэл обе ахнули. Срок Эбби подходил еще не скоро. Мне сразу же стало стыдно. Несколько лет назад я рассказала Эбби все детали соглашения Трэвиса с ФБР. К тому моменту она уже догадалась, и я решила избавить Трэвиса от необходимости нарушать договор: я бы не попала в тюрьму за раскрытие информации, а Трэвис мог. В конце концов, это спасло их брак. Она понимала, почему он был столь скрытым и так часто уезжал, но правда была тяжким бременем. С момента, когда узнал секрет, неизбежно задаешься вопросом: какую цену придется заплатить за его сохранение?

— Они в порядке? — Спросила я.

— Эбби отлично себя чувствует. Картер будет в порядке.

Картер. Вот о ком Трэвис говорил Стелле. В Стелле было всего чуть больше трех килограмм, и если на фоне Картера она казалась гигантом, то он, должно быть, был совсем крошечным.

— Рада это слышать, — искренне сказала Вэл. Это был ее способ извиниться за то, что была такой вредной до этого.

— Эбби одна в больнице? — Испуганно спросила я.

— Там вся семья с пятеркой агентов, в том числе и агентом Дэвис.

— Прости за это, — сказала я. — Она лучшая...

— Я знаю. Но тебе не так легко будет объяснить это Фэйлин.

— Так что... Они знают?

— Они догадались о большей части. Они сложили вместе два и два, когда агент Дэвис забрала их из аэропорта.

Я откинулась назад, глядя на умиротворенное лицо спящей Стеллы. В ее внешности было идеальное сочетания нас с Томасом. Она уже спала по расписанию. Она менялась каждый день, а Томас это пропускал.

Мои глаза заслезились. Я потянулась в сумку Стеллы за платочками, а Трэвис в этот момент протянул ко мне руку.

— Все будет хорошо, Лииз. Я обещаю.

Я вытерла кожу под глазами и фыркнула.

— Черт, лучше бы так оно и было, или директор будет отвечать передо мной за всю эту подмену.

— Да, будет. И он тоже это знает.

Мы въехали на окраину Икинса. Город не сильно изменился. Процветали лишь крупные предприятия типа заводов и нефтяных компаний, автозаправки, бутики, СПА-салоны и ресторочки быстрого питания, а все остальное приходило в упадок.

— Неужели это?.. — Спросила Вэл, когда мы проехали мимо высокого здания университета, возвышающегося над растущими вдоль дороги деревьями.

— Ага, — ответил Трэвис, недовольный напоминанием. — Ага, это он.

Сгоревшие кирпичи на стенах Китон холла давно уже выцвели, а поврежденные части были восстановлены. За те несколько минут, что мы ехали мимо кампуса, Трэвис взглянул в сторону университета лишь один раз. Наверное, для него это было слишком большим напоминанием о странном изменении направления его жизни, произошедшем из-за одной-единственной ночи, когда он в последний раз участвовал в бое Круга, подпольного бойцовского клуба Истерна. Он не хотел смотреть на то, что напоминало о пожаре, в котором он чуть не потерял Эбби.

— Знаешь, — сказала я, размышляя вслух. — Принес бы тебя Томас в жертву ФБР или нет...

— В обмен на иммунитет, — добавил он.

— Да, но при условии отношений между отцом Эбби и Бенни Карлиси, рано или поздно тебя все равно втянули бы в эту неразбериху. В каком-то смысле пожар удержал тебя на правильной стороне всего этого.

— Наверное, да, — сказал Трэвис, задумавшись. — Они не думали, что на самом деле я на что-то способен и из меня получится хороший агент, верно?

— На самом деле они думали, — размышляла я. — ФБР бы взяло на работу всех пятерых вас, если бы Трентон или близнецы согласились на это.

— Трент? — С издевкой сказал Трэвис, вставляя в ухо в передатчик.

— У него есть сердце, — сказала я. — Не забывай, после аварии с Камиллой он нес ее несколько километров со сломанной рукой.

— Сломанной в двух местах.

— Именно.

Я заметила, как Трэвис глянул на дальний угол Истерна, прежде чем свернуть в сторону больницы Мерси. Мы проехали мимо улицы, где находилась студенческая квартира Трэвиса и Эбби, в которой они в друг друга влюбились, потом миновали здание с квартирой Трентона и Камиллы, после чего проехали улицу, где находился дом Шепли и Америки. Еще шесть кварталов, и мы стали тормозить.

Над нами возвышалась больница Мерси, кирпичи которой блестели в ярких лучах утреннего солнца.

— Трэвис? — Сказала я, злясь, что голос меня подвел.

— Ты в порядке, — сказала Вэл. — Просто дыши.

Трэвис нашел свободное место на парковке и заехал на него, после чего повернул ключ в зажигании. Несколько минут мы сидели в тишине. Даже Вэл не осмеливалась заговорить.

— Я не могу! — Выпалила я.

Трэвис нажал на ручку своей дверцы и толкнул ее, выходя на дорожку из гравия.

— Ты можешь. — Он подошел и открыл заднюю дверь, достал с сиденья и повесил себе на плечо детскую сумку, после чего потянулся к Стелле.

— Нам стоит оставить багаж здесь или?... — Начала Вэл.

Я опустила взгляд вниз, почувствовав, как по носу стали скатываться вниз и падать горячие слезы.

— Ненавижу всех вас за то, что заставляете меня это делать.

— Я тоже не в восторге от плана. Но он по-прежнему остается нашим планом. Ты должна это сделать, и ты знаешь, почему. — Он наклонил кресло моей дочери, чтобы я смогла увидеть ее милое лицико. — Думаешь, если бы был другой способ, ты бы сейчас проходила через это в одиночку?

Я покачала головой и вытерла нос.

— Оставь слезы, — сказал Трэвис, положив одеяльце Стеллы сверху на ручку, чтобы прикрыть ее от яркого солнечного света. — Слезы — это хорошо.

— Да пошел ты, — сквозь зубы проговорила я.

Послышался звук закрываемой дверцы, и Вэл развернулась, держа руку на своей кобуре. Она расслабилась, разглядев агента Хайд.

— Не понимаю, почему Вы к нам присоединились, — сказала Вэл.

— Я назначена на защиту агента Линди, — ответила Хайд.

Вэл посмотрела на меня в поисках подтверждения, и я кивнула.

— Она из Квантико. Она лучше, чем просто хороша. И назначена директором.

Вэл с подозрением просканировала Хайд от макушки до самой обуви.

— Это так?

— Это так, — сказала Хайд, уверенно подняв подбородок.

— Сейчас она просто Лииз, агент Хайд, — сказал Трэвис. — Моя семья еще не знает о связи Лииз с бюро.

— Есть, сэр, — ответила Хайд.

Трэвис закрыл дверцу и подошел с моей стороны, чтобы помочь мне вылезти, после чего мы вместе направились ко входу в больницу. Вэл шла следом за нами. Кроме меня и Трэвиса с нами были агенты Хайд, Уорен, Блевинс, Дэвис, Перкинс и Тайбер — все те, кто с самого начала были с нами. Всем этим агентам мы доверили жизни членов нашей семьи, и это были единственные агенты, не считая директора, знавшие правду о Томасе.

Трэвис коснулся своего наушника:

— Мы поднимаемся, — просто сказал он.

Двери лифта открылись в устрашающе тихом коридоре. Первой вышла Хайд, затем Трэвис со Стеллой. Вэл вышла последняя из лифта, следуя за мной. С самого прилета в Икинс она вела себя беспокойно. Ее даже напугала промчавшаяся мимо нас медсестра.

Трэвис улыбнулся.

— Немного нервничаешь?

Вэл зарычала.

— Иди... — Она разочаровано сжала челюсти.

Трэвис подвел меня к комнате ожидания и отступил, чтобы я зашла первой. Все стояли, уставшие, но улыбающиеся. Волосы у детей были взлохмочены и торчали во все стороны — последствия долгой ночи на неудобных диванах или самодельных кроватях на полу. Взрослые выглядели еще хуже, и все они в ожидании новостей смотрели на меня. Должно быть, на моем лице было красноречивое выражение, подтвердившее их опасения, потому что Фэйлин прикрыла рукой рот, а Элли обняла Тайлера.

— Привет, сестренка, — сказал Джим и предпринял несколько попыток встать с дивана. В конце концов Камилла помогла ему встать на ноги. Он изо всех сил старался улыбаться и сохранять позитивный настрой, даже несмотря на то, что я приехала без Томаса. Он крепко обнял меня.

— Я приехала, как только смогла. Хотела сказать вам лично, — сказала я. Ложь, которую я должна была сказать, скребла мое горло, создавая ощущение мокроты. — Томас... — Я оглядела комнату. Они знали, но все еще ждали, все еще надеялись.

Трэвис прижал меня к себе.

— Томас скончался.

Нижняя губа Джима задрожала, и он сделал шаг назад. Камилла помогла ему занять свое место и обняла его. Трентон сделал то же самое.

— Как? — Сказал Трентон. — Почему?

Джим достал из кармана рубашки расшитый белый платок, вытер глаза и затем засунул его обратно.

— Присядь, сестренка, — сказал он, отодвигаясь от Камиллы, чтобы освободить мне место.

Стелла начала голосить, и Трэвис поставил ее кресло на пол, отстегнул ее и передал мне в руки. Его опытность в отцовстве была очевидна: он сразу полез в детскую сумку, чтобы найти что-нибудь, что поможет мне ее успокоить.

Я чуть покачала ее, после чего развернула к Джиму, чтобы он смог на нее посмотреть. Он наклонился и улыбнулся, хотя в его глазах за слезами была видна невыносимая боль. Он посмотрел на меня.

— Она похожа на тебя и немного на Томми, правда?

Я кивнула и почувствовала, как задрожала моя нижняя губа.

— Сильно. Она *сильно* на него похожа.

— Она прекрасна, — сказал Джим, указательным пальцем поглаживая кулак Стеллы. — Она бы понравилась моей Диане.

Я кивнула, после чего лицо Джима сморщилось. Трентон повернулся, обнял отца за плечи и притянул к себе, а Камилла дотянулась до его колена и сжалась. Это был ад. Я должна была отмечать рождение своей дочери, а вместо этого оплакивала потерю ее отца.

Нижняя губа Тэйлора дрожала.

— Мы можем его увидеть?

— Они завтра отправят его домой на корабле, — сказала я, вытирая покатившуюся слезу.

— Он хотел, чтобы его похоронили здесь.

Я внутренне проклинала бюро и этот их чертов план. За день до этого директор лично звонил мне, чтобы принести извинения, но единственное, что убедит меня, что весь этот риск стоил того, будет успех операции. То есть, если никто не будет стрелять в нашу семью. Их безопасность зависела от того, поверят ли парни Бенни, что они отомстили за него, но так же важно было, чтобы они верили, что с их стороны будет больше жертв, если они продолжат мстить.

О первом Трэвис уже позаботился. Он обсуждал этот вопрос и в итоге согласился с планом. И, судя по получаемой информации, подставная смерть Томаса работала. Карлиси вернулись в Лас-Вегас, и, по крайней мере на данный момент, никто из них не нацелился на меня или Стеллу. Если они узнают, что все это не по-настоящему, все начнется с начала. Мы должны были сделать смерть Томаса правдоподобной. Это был огромный риск, и нам повезло, что они не целились в голову. Жилет Томаса защитил его от пули, но мафия следила за всеми нами.

— Мне так жаль, — сказала я Джиму, именно это и имея в виду.

— Я просто не могу поверить, что в него стреляли. В смысле... Как так вышло, черт побери? — Сказал Трентон с трясущейся нижней губой.

— Мы, эмм... Мы как раз ехали домой из больницы. Это случилось на передней лужайке, когда он шел, чтобы забрать оставшиеся в машине вещи Стеллы. Трэвис сказал мне, что вы знаете, что Томас — агент ФБР. Что вы не знаете... так это то, что я тоже агент.

Фэйлин и Элли ахнули, а челость Трентона упала вниз.

— Так мы и встретились. — Я случайно встретилась взглядом с Камиллой и отвела взгляд. — Когда Томас узнал о пожаре и об обвинениях, которые скорее всего выдвинут Трэвису...

— Он не был на пожаре, — сказал Джим.

— Ага, я был, пап, — стыдясь, сказал Трэвис. — Я был. Я был там.

Брови Джима хмурились все сильнее, пока он осмысливал всю свалившуюся правду.

— Когда он узнал об этом, он пошел к директору и попросил о сделке. Томас тогда уже знал, что Трэвис пересекался с Бенни Карлиси, главой организованной преступной семьи Лас-Вегаса.

— Когда? — Спросил Джим Трэвиса.

Трэвис сглотнул.

— Отец Эбби попал в неприятности: задолжал Бенни денег. Он пришел за помощью к Эбби. Мы отправились в Вегас, и она заработала большую часть денег. Я выиграл оставшуюся.

— Как? — Спросил Тайлер. — Не в покер же.

— Я дрался, — просто ответил Трэвис.

Я продолжила:

— Томас знал, что Трэвис наладил с Бенни контакт, и что он мог использовать это в обмен на иммунитет. У Томаса было мало времени, чтобы получить согласие Трэвиса, и он хотел сделать это сам, поэтому мы сказали ему на следующий день после повтора клятв.

— В Сент-Томасе? — Спросила Фэйлин.

Я кивнула, чувствуя, как от воспоминаний опять слезятся глаза. Это было не лучшим из них. Я никогда не забуду стыд в глазах Томаса.

— В общем, мы привлекли Трэвиса в свои ряды, и он работал под прикрытием, снабжая нас информацией.

— Я не понимаю. Зачем было скрывать это от нас? — Спросил Трентон.

— Этого хотел Томас. Он боялся, что это расстроит Джима. — Я посмотрела на отца Томаса. Он сидел сгорбившись и с мокрыми глазами и выглядел сломленным. — И, — я посмотрела на Трэвиса, который кивком разрешил мне продолжить, — он не хотел, чтобы вы все знали, что он сделал.

Тайлер нахмурился:

— А что он сделал?

Я вздохнула.

— Если говорить начистоту... Томас знал, что, если он привлечет Трэвиса к службе в ФБР, он спасет его от тюрьмы. Но также он знал, что получит за это повышение.

— Но у меня был выбор, — добавил Трэвис.

Трентон нахмурился.

— Клубника или шоколад — это выбор. А попасть в тюрьму или быть пешкой ФБР — это не гребаный выбор. И теперь вся наша семья в опасности, Трэв. Как ты мог это сделать?

— Трентон, — сказал Джим.

— Думаешь, я этого хотел? — Моментально вспылив, сказал Трэвис. — Думаешь, я хотел всего этого?

— Мальчики, — сказал Джим.

— Я думаю, мама не хотела, чтобы мы все шли по папиным стопам по определенной причине, и вы двое на это просто наплевали, — сказал Трентон.

— Достаточно, — прогремел Джим. — Сегодня у нашей семьи и так много несчастий, не ухудшайте положение. Не позорьте своего брата, ссорясь из-за его выбора. Что сделано, то сделано. — Его дыхание сбилось. — Нам надо планировать похороны.

— В смысле похороны? — Спросил Холлис. — Дядя Томми будет в порядке, верно?

Эзра и Джеймс беспокойно огляделись.

Мой желудок ухнуя вниз.

— Нет, — подавленно сказал я. Я была ужасным человеком.

Мальчики начали плакать, и Трэвис склонился к ним.

— С дядей Томми произошел несчастный случай.

Щеки Холлиса вспыхнули красным.

— Я знаю, но... Он же в больнице.

— Он был там. Но теперь нам надо устроить похороны для него, чтобы попрощаться. — Трэвис подавился последними словами и, обхватив Холлиса за плечи, отвел взгляд. Он чувствовал себя чудовищем. Как и я.

Холлис обнял своего отца, и затем все начали обниматься. Камилла попыталась обнять Трентона, но он осторожно поднял руку, давай ей понять, что ему нужна была минута.

— Эти Карлиси, — сказал Трентон. — От них мы прячемся?

— Больше нет, — сказала я. — Нам только что подтвердили, что этой ночью последние из них уехали из города.

— Почему? — Спросил Трентон, становясь все злее.

— Потому что им сообщили, что я решила не заводить против них дело. Отец Эбби до суда был под защитой агентов, но он пропал без вести. Бюро больше не ведет дело против них.

— Ты больше не будешь вести дело? — Спросила Камилла. — Ты позволишь им просто так уйти?

Я сглотнула, стараясь не принимать оборонительную позицию.

— Я вдова с новорожденной. Я должна сосредоточиться на Стелле.

Камилла обеими руками закрыла рот, и Трентон сломался. Вскоре все в комнате всхлипывали, включая детей.

Трэвис обнял детей.

— Давайте навестим вашу маму. — Он повел их из комнаты, оставляя меня наедине с семьей. Я с открытым ртом смотрела на него, глазами умоляя оставаться. Он потер свои глаза. — Я вернусь.

Я укачивала Стеллу. Она уже успокоилась и заснула, и, на самом деле, я утешала саму себя.

— Бред собачий! — Всхлипнул Трентон. — Это чертов бред! — Закричал он.

Камилла обняла его, но он выскользнул из ее объятий, вытирая глаза и уставившись в пол. В течение нескольких минут я наблюдала, как Мэддоксы по-разному переживали горе.

— Лииз, — сказала Элли, опустившись на колени возле меня.

Я покачала головой, давая ей понять, что мне не нужно было сочувствие. Я этого не заслужила, и это был просто еще один пункт в списке, за который позже они будут меня ненавидеть.

Трэвис вернулся. Джессика и Джеймс прижались к своему дяде Трентону.

— Она наконец-то заснула, — сказал он. — Когда она проснется, я отвезу ее увидеть Картера. Агент Дэвис, Уорен и Блевинс сопроводят вас до дома.

— Так это все? — Спросил Трентон. — Мы можем уходить?

— Вы можете идти, — сказал Трэвис.

— Я заберу папу, — сказала Камилла. Она была будто в оцепенении, не в силах переварить последние двадцать четыре часа.

Я видела, что Трентону много чего хотелось высказать своему брату, но он помнил, что к нему прижаты близнецы Трэвиса. Он поцеловал в лоб Джессику и Джеймса, после чего встал и жестом позвал Оливию идти с ним.

— Шеп, — начал Трэвис.

— Да. Мы заберем близнецов, — без колебаний ответил он.

— Спасибо, — сказал Трэвис.

Шепли кивнул и стал помогать Америке собирать детей и складывать одеяла. Сначала Трентон ушел с Джимом, Камиллой и Оливией, потом Шепли и Америка ушли со своими мальчиками, Джессикой с Джеймсом и Джеком с Диной. Один за другим они покидали комнату, и в конце остались лишь Трэвис, я со Стеллой и наша защита.

Трэвис проследил, как ушла его семья, после чего рукой потер свое лицо.

— Твою мать, это было ужасно.

Он прошел в комнату ожидания и сел, откинувшись на подушки дивана и сложив в замок на шее руки.

— Ну, — сказала Вэл, присоединяясь к нему. — Худшая часть позади.

— Нет, еще нет, — отрезал Трэвис. — Худшим будет смотреть им в глаза и сказать, что я солгал им... снова. Трентон определенно врежет мне, и я позволю ему это сделать.

— Я просто надеюсь, что они будут так счастливы, что забудут, что мы сделали. Иначе они никогда снова с нами не заговорят, — сказала я.

— Ага, так и будет, — сказал Трэвис.

Я вытянула в его сторону шею:

— А ты бы заговорил?

Он посмотрел вниз и нахмурился.

— Я не знаю, что бы я сделал.

ГЛАВА 19

Фэйлин

Приехав к Джиму, мы все приняли душ и переоделись, после чего снова собрались внизу. Мой телефон жужжал весь последний час, но я и так знала, кто это был. Питер Лэйси уже получил от меня утром свой первый ответ: я сказала ему, что, если он не прекратит назанивать, я подам жалобу в Департамент полиции Эстес Парка. Каким-то образом это лишь подначило его.

Тэйлор и Тайлер в оцепенении сидели за столом, сложив руки. Я перевела телефон на беззвучный режим и засунула его в задний карман. Не хотелось отключать его на случай, если Тревису и Эбби или Лииз что-нибудь понадобится, но часть меня серьезно об этом раздумывала, чтобы Тэйлор не обнаружил, что Питер все еще пытается со мной связаться. Я не знала, как он отреагирует на это в его нынешнем состоянии. И мне определенно не хотелось устраивать сцену перед Алисой.

Джим спал в своей комнате, Алисса была начеку в гостиной, а дети наверху смотрели фильм, оставив нас четверых горевать в одиночестве. Мне хотелось поддержать Тэйлора, прикоснуться к нему. Бога ради, он же был моим мужем, но собственная гордыня не позволяла мне этого сделать. С тех пор, как я ушла, мы жили по моим правилам. Правилам, которые, по моему мнению, нужно было соблюдать, чтобы преподнести Тайлеру урок. И было бы несправедливо сейчас посыпать ему противоречивые сигналы просто для того, чтобы утешить.

В доме было тишина, нарушающая лишь периодическим поскрипыванием стен из-за оседания фундамента. Я старалась не думать о том, что Алисса находилась в соседней комнате, но это было невозможно. Проще было бы, если бы мой мозг беспокоился о вещах, которые я могла хоть немного контролировать.

Кофейник пропищал, и все мы пробудились от нашего неподвижного состояния.

— Я займусь, — сказала Элли, вставая с места. Она вернулась с подносом кружек и кофейником и по очереди начала наливать всем кофе.

Тайлер пил черный, но я знала, что для Тэйлора надо найти сливки и сахар. Я стала искать их в кухонных шкафчиках и начала отмечать странное расположение продуктов. Я замерла, заметив формочки для льда рядом со специями, и решила вытащить их. На меня полилась вода, и я испугалась.

— Ай! — Воскликнула я.

Алисса вбежала в комнату.

— Все в порядке? — Спросила она, уже зная ответ.

Я потрясла руками, чтобы смахнуть с них воду, а затем вытерла ладони о свои штаны.

— Не понимаю, почему Джим держит формочки для льда в шкафчике.

Алисса сморщила нос:

— Прошу прощения?

— Ничего, — сказала я, наполняя формочки и засовывая их в морозильник.

Алисса кивнула и стала поворачиваться в сторону гостиной, но остановилась.

— Должна признать, я вызвалась на это задание.

Я уставилась на нее.

— Я... не совсем уверена, как на это реагировать.

— Я интересовалась Холлисом время от времени, но особенно после того, как ты ушла от Тэйлора.

Мое лицо перекосилось от отвращения.

— Ты следила за нами?

Она без всякого стыда пожала плечами.

— У вас мой сын.

— *Мой* сын, — сказала я. — Это я вырастила его. Я бесконечное количество ночей сидела рядом с ним, прижимая мокрую тряпку ко лбу, когда она болел. Я каждое утро готовила ему завтрак, делала торты на дни рождения и укачивала его на ночь, пока ему не исполнилось шесть. Я была рядом в его первый школьный день, и когда он забил свой первый гол. Он мой сын.

— И правда твой, — ответила Алисса. — Во всех смыслах этого слова.

— Тогда почему ты хочешь быть здесь?

— В основном из любопытства. В остальном из-за чувств.

Я замешкалась, вдруг занервничав из-за ее намерений.

— Ты собираешься рассказать ему, кто ты?

— Нет, — ответила Алисса и опустила взгляд. — Особенно сейчас. Было бы неправильно сбросить это на него, когда он оплакивает своего дядю.

Даже с убранными назад волосами и отсутствием сна она едва изменилась с момента, когда я видела ее в последний раз. Ее прямые длинные темные волосы и взгляд олененка напомнили мне о Шер тех времен, когда она вышла замуж за Сонни [1], правда, ее убийственные изгибы больше делали ее похожей на актрису, играющую агента, чем на настоящего агента. Без бегающих вокруг детей, заботясь только о себе, в этом возрасте она выглядела намного лучше, чем я. Стоя в штанах, растянутой футболке, с гусиными лапками вокруг глаз и десятью годами брака за плечами, я чувствовала себя неполноценной. Алисса была супермоделью, которая могла украсть моего мужа, и обалденным агентом ФБР, которая могла украсть моего сына. Чувство ничтожности, что я испытывала, было разрушающим.

[1] Сонни и Шер (англ. Sonny & Cher) — американский поп-рок-дуэт супругов Сонни Бono и Шер, существовавший в 1964—1977 годах.

Я оглянулась на Тэйлора, и он отвернул голову, сделав вид, что не смотрел на нас. Я не была уверена, слушал он нас или смотрел на Алиссе.

— Я не хочу отнимать твои мгновения с Холлисом, — сказала я. — Я часто задавалась вопросом, как ты это сделала, как просто ушла и не оглядывалась. Это просто...

— Сбивает с толку, — закончила мое предложение Алисса. — Понимаю. И я не хочу, чтобы эта неделя была для тебя трудна. Я видела, как он смотрит на тебя. Я не смогла бы завоевать его, даже если бы попыталась. Я просто... Я хотела увидеть его.

— Холлиса? — Спросила я. Я не смогла ничего с собой поделать: слова просто вырвались, и у меня мгновенно загорелись щеки.

— Конечно, Холлиса. Кого же еще?

Я взглянула на Тэйлора и увидела, что он наблюдал за нами. Он отвернулся, снова пойманный. Мне захотелось упаковать вещи и на ближайшем рейсе вылететь в Колорадо. Обычно подобных смущающих ситуациях я начинала злиться, но сейчас я даже не могла найти достаточно достоинства, чтобы рассердиться.

— О. Нет, — сказала Алисса. — Нет, нет, нет. Ты неправильно меня поняла. Абсолютно нет. Точно.

Я скрестила руки, чувствуя себя полностью невменяемой: меня *возмутило*, что она не заинтересована в Тэйлоре.

Она заметила мое раздражение и вздохнула.

— Позволь перефразировать. Тэйлор никогда не был вариантом, ведь всегда была ты. Я знала это тогда, знаю и сейчас.

Было странно, что кто-то столь угрожающий мог меня успокоить.

Алисса замерла, а потом начала красться по коридору. Она тихо прошла к входной двери и прижала ухо к дереву. Мгновение она прислушивалась, после чего закатила глаза и рывком распахнула дверь. С той стороны пытаясь зайти Оливия. Алисса до конца раскрыла дверь, пропустила ее, а затем закрыла ее и защелкнула замок.

— Простите, — сказала Оливия. — Не привыкла, чтобы дверь была заперта.

Алисса жестом показала ей проходить вперед, а затем вернулась на свое место в гостиной. Оливия обняла Тэйлора, Тайлера и Элли, после чего подошла ко мне. Я много лет назад перестала гадать, когда мое сердце перестанет бешено стучать в груди в ее присутствии. Она обняла меня, и я обняла ее в ответ, поглаживая волосы на затылке. Я точно знала, как себя чувствовала Алисса, и у меня не было оправдания тому, что я заставляла ее чувствовать себя чужой. Холлис был и ее сыном. Тот факт, что она ушла, не значил, что она его не любила.

— Кофе? — Спросила я Оливию, неся к столу сливки и сахар.

Она покачала головой и последовала за мной.

— Прямо перед выходом выпила вторую чашку.

— Как твоя мама? — Спросила я, сядясь рядом с Тэйлором. — Она готова к тому, что ты переезжаешь в общежитие?

Оливия с улыбкой покачала головой и хихикнула.

— Нисколько. Ведет себя как ребенок.

Я игриво толкнула ее.

— Будь с ней помягче. Это большой шаг.

Мой телефон зазвонил. Я проверила его и убрала обратно.

— Я рассказала ей про Томаса. Она собирается чуть позже занести Джиму запеканку, — сказала Оливия.

— Как мило, — сказала я, заправляя ей за ухо упавшую на лицо прядь. Она уже становилась женщиной и с каждым днем приближалась к возрасту, в котором я ее родила. С пятнадцати лет она каждое лето работала продавцом в местном продуктовом магазинчике, но этот год был последним перед учебой в университете.

Тэйлор сделал глоток.

— Спасибо, детка. — Он напрягся, когда понял, что сказал, но я накрыла его руку своей.

Все эти правила казались сейчас такими банальными: не использовать ласковые слова, жить друг от друга, пока я не почувствую, что Тэйлор все осознал. Он мог потерять работу и попасть в тюрьму, и я не хотела больше наказывать его. Мое сердце замерло. Я была неправа. Я совершила ошибку.

— Тэйлор, — начала я, но телефон опять зазвонил. Я проверила его и снова убрала обратно.

— Это дети? — Спросил Тэйлор.

— Нет, — просто ответила я.

Его взгляд опустился на мой карман.

— Это он, не так ли?

— Это странно, что я злюсь на него? — Выпалил Тайлер, глядя на своего близнеца.

— Злишься на кого? — Спросил Тэйлор.

— На Томаса. Я чертовски зол. И все думаю, что, если бы он был здесь, я бы ударил его в чертovo лживое лицо.

Тэйлор покачал головой.

— Я чувствую, что это ненормально, — сказал Тайлер. — Что я не должен так думать, но все думаю. — Его нижняя губа задрожала. — А потом я вспоминаю, что его здесь нет, и он больше здесь не появится. И я все-таки ударил бы его, но потом обнял и не отпускал, пока меня бы не оттащили от него.

Элли потерла спину Тайлера.

— Это не ненормально. Просто все очень запутано. Чувства не бывают неправильными. Что бы ты сейчас ни чувствовал, все чувства правильны.

Я улыбнулась своей невестке — можно сказать, сестре. Она выросла от подсевшей на таблетки и выпивку девушки до вдумчивой, уравновешенной мамы-домохозяйки. Она

упорно трудилась, чтобы потерять всякий интерес к выпивке, и потратила целое состояние на реабилитацию, прежде чем появился Гевин. Сейчас она была абсолютной трезвенницей, да еще и размышляла как психотерапевт, и я любила ее.

— Фэйлин? — Позвала Оливия.

Когда она произносила мое имя, сердце всегда пускалось в пляс. Благодаря Тэйлору я смогла принимать участие в ее жизни больше, чем могла себе когда-либо представить. Она была цветочной девочкой на нашей свадьбе, нянчилась с Холлисом и Хэдли, когда мы приезжали, а теперь сидела рядом со мной, внешне будто зеркально отражая мою внешность, и спрашивала совета.

Я положила подбородок на руку и с улыбкой посмотрела на нее.

— Да, любимая?

— Как ты думаешь, когда будут похороны? Мне надо взять отгул. Я хочу быть там.

— Я спрошу папу, когда он проснется. Сегодня нам многое надо будет сделать, и ему стоит немного отдохнуть.

Она рассеянно кивнула, ковыряя ногти.

— Да, мэм.

Я посмотрела на Тэйлора, в душе желая прямо сейчас поблагодарить его за этот и все другие моменты с Оливией. Я была неправа, и настало время нам обоим это признать.

Мой телефон снова зазвонил, и на этот раз я не стала проверять, кто это был. Тэйлор взглянул вниз на источник шума, и его плечи поникли.

— Это тот, о ком я думаю?

Я замялась.

— Я... Я не знаю, кто это.

— Фэйлин, — устало сказал Тэйлор. — Это он?

— Кто? — Спросил Тайлер.

— Питер Лэйси, — ответил Тэйлор.

— Сынок мэра? — Удивленно спросила Элли.

— Она не давала ему свой номер, и она не отвечает ему, — сказал Тэйлор.

— Я сделала это сегодня утром, — сказала я. Тэйлор выглядел опустошенным. — Сказала ему, что если он не перестанет, то я подам жалобу в полицию.

— И он по-прежнему пытается с тобой связаться? — Спросила Элли.

— Да, — раздраженно ответила я.

— Ты правда это сделала? — Спросил Тэйлор. — Сказала ему это?

Я повернулась к нему.

— Я говорила тебе. Я не хочу иметь с ним дела.

Тэйлор выдавил небольшую полуулыбку. Он не вышел из себя. Ничего не ударил, не закричал, не хлопнул дверью. Может, это было потому, что он был эмоционально выжат, но я попросила его стать лучше, и он сделал это.

— Я так хочу стать лучше ради тебя. Ведь ты это заслуживаешь.

Потрясенная, я через стол протянула свою руку, чтобы дотронуться до него. Его ранимость в этот момент была невероятно трогательной.

Он посмотрел на мою руку и моргнул, выглядя удивленным.

— Пойдем посидим на крыльце? — Спросила его я.

Он на мгновение уставился на меня, будто я говорила на незнакомом ему языке, после чего кивнул, наконец-то осмыслив мой вопрос.

— Ага. В смысле, да. Конечно.

Стул Тэйлора заскрипел, когда он задвигал его обратно. Пока мы шли к двери, я держала его за руку. Он не пытался вырвать руку, скорее по привычке позволяя мне вести его. Сев на верхнюю ступеньку, мы стали слушать свист птиц и шелест листьев и смотреть на проезжающие мимо машины. Это был прекрасный солнечный летний день. Погоде сегодня следовало быть пасмурной, должен был лить проливной дождь, но вместо этого буря была внутри нас. Щеки Тэйлора были влажными от молчаливых слез, и я почувствовала отчаяние.

— Я знаю, что это, вероятно, худшее время для этого, но я должна. Я хочу сказать тебе кое-что, что собиралась сказать еще до этого, и не хочу, чтобы ты подумал, что я приняла решение по какой-либо иной причине, — сказала я.

— Фэйлин. — Он замолчал на несколько секунд, после чего снова заговорил. Я испугалась, что он скажет мне замолчать, потому что больше ничего не хочет от меня слышать. Скажет, что все, что я хочу сказать, в такой день для него неважно, и он будет прав. — Если ты сейчас скажешь мне, что хочешь развод, я предупреждаю... Я просто выйду на середине улицы и лягу там.

Я не смогла сдержать улыбку, но она быстро исчезла.

— Я не хочу разводиться.

Наши взгляды встретились, и он в первый раз за последний час по-настоящему посмотрел на меня.

— Не хочешь?

Я покачала головой.

— Я люблю тебя. И ты прав: мы должны работать над этим вместе, а не по отдельности. Я не делаю одолжения тебе или детям, я просто...

— Мне кажется, что я слышу, что ты говоришь, что, вернувшись домой, мы больше не будем жить отдельно. — Осторожно сказал он.

— Я говорю, что нам больше не нужно быть не вместе.

— Больше не нужно? В смысле, уже сейчас?

— Да.

— То есть, прямо сейчас? — Все еще неуверенно переспросил он.

— Если ты не против. Я не могу единолично принимать решение.

Он закрыл глаза и опустил голову на руки, наклоняясь чуть ли не до кончиков пальцев ног.

— Осторожнее, — сказала я, чуть потянув его назад.

Из него вырвался всхлип, и он притянул меня в свои объятия. Вскоре он начал рыдать, а я продолжала его держать. Мышцы в спине начали гореть, но я все равно не двигалась. Если бы ему понадобилось, я до конца дня просидела бы так, обнимая его.

Его плечи перестали трястись, и он пару раз глубоко вздохнул, отстранившись и вытирая глаза. Я никогда не видела, чтобы ему было так больно. Даже ночью, когда я ушла.

— Я люблю тебя, — прерывисто вздохнув, сказал он. — И я стану лучше. Я не могу опять потерять тебя. Это сломает меня, Фэйлин... А, может, я уже сломан.

Я наклонилась и поцеловала его в щеку, а потом в уголок рта. Он напрягся, не зная, что делать, беспокоясь сделать что-нибудь не так. Я прижалась своими губами к его в первый раз, потом во второй, потом в третий. В третий раз я раздвинула губы, и он поцеловал меня, бережно держа мое лицо руками. Мы месяцами не дотрагивались друг до друга, и, начав, уже не могли остановиться. Мы плакали и целовались, обнимались и давали друг другу обещания. И это было так правильно.

Тэйлор прижался своим лбом к моему, тяжело дыша и выглядя радостным, но в то же время настороженным.

— Сейчас все наладилось. Изменится ли что-то, когда мы вернемся в Колорадо и приедем домой с теми же самыми проблемами?

— Мы будем работать над этими проблемами, но все будет по-другому.

Он кивнул, и с кончика его носа упала слеза.

— Обязательно будет. Я обещаю.

ГЛАВА 20

Элли

Я перевернула страницу своей электронной книги и немного изменила положение своего тела, когда Тайлер зашевелился. Он проспал на моем правом бедре два часа, а Гэвин на левом три. Я не была уверена, зачем я двигалась. Я пыталась сделать так, чтобы моим мальчикам было удобнее, а получалось наоборот, и они снова шевелились в поисках удобного положения для сна. Но несмотря на это, я думала, что знаю лучше них самих, как сделать так, чтобы им было комфортно. И почти всегда я ошибалась. Это было что-то из разряда материнского инстинкта и желания контролировать ситуацию. Мне надо было чувствовать, что я помогала, когда в действительности, если бы я это не делала, они бы сами прекрасно справились.

Я пролистнула страницу вниз, впитывая идеи о том, как справиться со смертью, помочь другим перебороть это и как найти утешение в поддерживаемой докторами философии вере о том, что наша энергия движется дальше и возвращается в следующей жизни. Возможно, из-за всей этой информации я уже начинала сходить с ума, но все это заставляло меня чувствовать себя лучше. И я все больше понимала, что мое предназначение — стать доктором и помогать людям с душевными травмами.

Я была заворожена поиском умиротворения в смерти Томаса, во лжи, в опасности, что была вокруг него. Я пыталась не думать о дюжине фотографий Гэвина, что были разбросаны на пассажирском сидении автомобиля с тремя наемными убийцами. Я старалась удержать поток мыслей от тех его фото, что были забрызганы их кровью. Такой же темно-красной кровью, как и у Гэвина. Она не так давно бежала в венах мужчин, которые когда-то были мальчиками. Их отличия которых от меня были только в чреде неправильных выборов, вызванных тем, что их детские впечатления были омрачены неправильными выборами родителей. Круг, который невозможно прервать.

Было больно осознавать, что они убили бы моего ребенка, не моргнув глазом. Это не выходило из моей головы. Но во мне не было злости, не было реальных оснований для гнева. Я могла их ненавидеть, но это было сложно, ведь я потратила столько лет наблюдая за взрослыми, как за детьми, и изучала причины всех их действий. Я никогда не думала, что в моем новом видении мира я вступлю в борьбу за нормальные, ожидаемые эмоции, которые накрыли бы меня десятилетие назад.

Те, кого я не могла ненавидеть, не были воображаемыми. Они приехали в Икинс с оружием и реальной угрозой нашей семьи. Так легко винить во всем Томаса и Трэвиса за то, что они повесили эту угрозу над нами. Но делать это — значит осуждать их выбор. Томас и Трэвис могли бы поступить так же, как сделали Карлиси, но они были на правильной стороне всего этого. Другой их выбор — позволить Карлиси отомстить за смерть Бенни. Я была человеком, презирающим насилие, но сидя в комнате со спящими мужем и сыном, я понимала, что может произойти что угодно.

Единственным решением было встать и бороться.

Осознание этого одновременно опустошило меня и дало мне сил, как и каждое умозаключение, к которому я приходила. Я снова перевернула страницу, чувствуя, как

мои щеки загорелись, когда по ним потекли слезы. Я хлипнула носом и вытерла его, разбудив этим движением своего мужа.

Он увидел мое лицо и выпрямился, заправляя выбившуюся из пучка прядь волос мне за ухо.

— Элли, — сказал он слегка громче шепота. — Что такое?

— Просто читаю грустный момент, — сказала я.

Он улыбнулся. Он часто дразнил меня тем, что я была единственной из его знакомых, кто плакал над документалистикой, но мое взросление было стремительным, и мне часто приходилось оставлять сломанные частички себя позади, вне зависимости от того, как я успела к ним привязаться.

— Что за момент? — Спросил он, устраиваясь рядом со мной.

— Что выбор Томаса и Трэвиса был разумным, и им, наверное, это тяжело далось. Они испытывали противоречивые чувства.

Тайлер подумал над моими словами и затем вздохнул.

— Наверное.

— В подобных обстоятельствах увидеть свет трудно, даже если в руках ты держишь свечу.

Тайлер хихикнул и повернулся ко мне.

— Ты это прочла?

— Нет.

— Твой мозг меня поражает. Твои мысли словно поэзия.

Я засмеялась.

— Наверное, иногда. Важно найти в себе силы, когда тебе больно.

Тайлер поцеловал меня в щеку и дотянулся до нашего сына. Гэвин был прекрасным сочетанием Тайлера и меня: независимо от того, был он спокоен или зол, его лицо не теряло белизны, мягкая кожа охватывала добрый, храбрый дух и аналитический разум. Я пробежалась пальцами по короткой стрижке, благодаря которой он был так похож на своего папу, и его веки затрепетали. Показались его теплые бурье глаза, и веки вновь сомкнулись. Также, как и мы, он пройдет через худшее, чтобы получить лучшее, и я так боялась и ждала это испытание. Я потратила много времени, зарабатывая право быть матерью.

— Он уже давно спит, — сказал Тайлер.

— Не думаю, что он много спал в больнице. Ему это нужно. Проснется, когда его тело отдохнет.

У нашей двери послышались шаги: кто-то шел по коридору к лестнице, и как только спустился, мы услышали приглушенный голос Джима, приветствовавший гостя.

— Он проснулся, — сказал Тайлер, — нам нужно спуститься.

Я кивнула, аккуратно поднимая голову Гэвина с моего бедра. Тайлер положил ему под голову подушку, и подвернул вокруг него одеяло. Держась за руки, мы с Тайлером подошли ко столу, где Джим сидел с Лииз и мистером Бейрдом, представителем похоронного бюро. Он пришел раньше, чем Джим отошел от своей дремы, и настаивал на том, чтобы спокойно подождать, пока вся семья соберется вместе. Мистер Бейрд был высоким и долговязым, его волосы цвета золы были разделены на две части, и аккуратно намазаны гелем и зачесаны. Он перевернул страницу каталога, тихо обсуждая плюсы и минусы дуба, кедра и сосны, экологически чистого бамбука или листьев банана, а также рассказывал о видах гробов.

Две коробки с носовыми платками лежали в середине обеденного стола, и Камилла потянулась через своего мужа, чтобы вытащить один из них и вытереть покрасневшие глаза. Она стояла позади Трентона, массируя его плечи, но выглядело это так, будто она делала это больше для себя, чем для него.

Лииз stoически сидела рядом с Джимом, почти не обращая внимание на происходящее вокруг. Я предположила, что она захочет продумать все детали, ведь ее работа была связана с организацией и тщательным продумыванием всего, но она позволяла Джиму принять большинство решений.

— Что насчет урны? — Спросил Трэвис. Джим нахмурился, вероятно, подумав о кремации тела Томаса вместо того, что имел в виду Трэвис.

Лииз кивнула.

— Мы могли бы развеять его прах на заднем дворе. Он так много рассказывал о своих братьях, которые там играли. Думаю, ему бы понравилось.

— Я думал о том, чтобы отдать свой участок рядом с его матерью, — сказал Джим.

— Это здорово, — сказала я, прокручивая в голове эту мысль, но Трентон вздохнулся.

— Нет, пап, — сказал Трентон. — Твое место рядом с мамой. Лииз права. Томас не хотел бы, чтобы люди смотрели на его тело, лежащее в ящике.

— В гробу, — поправил мистер Бейрд.

— Не обижайтесь, мистер Бейрд, — сказал Трентон. — Но мне нет до этого чертова дела.

— Он посмотрел на часы. — Черт возьми. Мне надо на работу.

— Я тебя отпросила, — сказала Камилла.

— Почему? — Спросил Трентон, сбитый с толку.

— Тебе лучше быть здесь.

— Себя ты тоже отпросила? — Спросил он.

— Я могу работать дома, — она положила свои руки на его предплечье. Кожа их двоих была настоящим шедевром из линий и цвета. — Мне лучше быть здесь, с тобой.

Он отвернулся, кивая и делая глубокий вдох. Все эти мелочи доказывали, что это не было обычным плохим сном. Томас умер, и совсем скоро мы должны были с ним попрощаться.

— Почти все мы не видели его с самого Рождества, — сказал Тэйлор, положив руку на колено Фэйлин. Они не могли перестать прикасаться друг к другу после того, как поговорили сегодня утром. — Лично мне бы хотелось напоследок увидеть его.

Все посмотрели на Лииз.

— Я не думаю... — Она запнулась. — Я думаю, в данном случае предпочтительнее урна.

— Ты говоришь так из-за того, что он уже не будет выглядеть для нас прежним Томасом, или потому, что его нельзя будет положить в открытый гроб?

Я невольно ахнула. И Оливия вслед за мной.

— Думаю, — сказала Лииз, обменявшись взглядом с Трэвисом, — урна предпочтительнее.

Джим отвел взгляд, стараясь совладать с эмоциями, прежде чем отвечать. Он откашлялся.

— Тогда давайте посмотрим урны.

Мистер Бейрд зашуршал бумагами, убирая листки с информацией по гробам. Он достал другой каталог, и Лииз открыла первую страницу.

— Мне нужно знать, — сказал Трентон.

— Пожалуйста, не надо, — воскликнула Камилла.

— Почему мы не можем заказать открытый гроб? — Спросил Трентон.

— Оливия, — напряженно сказала Фэйлин. — Сходи и проверь детей.

— Да, мэм, — ответила она и направилась к лестнице.

— Лииз? — Напомнил Трентон.

— Трент, — сказала Лииз, закрывая глаза. — Я понимаю, ты так скорбишь, но я не могу. Это слишком трудно.

Трэвис подошел к ней и обхватил ее за плечи.

— Это не важно, Трент.

— Это важно, черт возьми. Я хочу знать, что случилось с моим братом.

— Он умер, — сказал Трэвис.

Трентон стукнул кулаком по столу и встал.

— Я знаю! Я, блин, знаю, что он умер! Я хочу знать, почему! Хочу знать, кто позволил этому случиться!

Трэвис заметно сдерживал свой голос.

— Никто. Никто не позволил. Просто так случилось. Нам не нужно искать козла отпущения, Трент...

— Нет, нужно. Томми мертв, Трэвис. Он, блин, мертв, и я виню ФБР. Я виню его. И ее, — сказал он, указывая на Лииз. — И я виню тебя. — Он весь дрожал, его глаза налились кровью и помутнели.

— Иди ты нахрен, Трент, — сказал Трэвис.

Трентон стал обходить стол, и перед ним выросли близнецы. Трэвис неустранимо стоял на месте, не двигаясь, в то время как Трентон пытался прорваться сквозь братьев. Я вскочила со стула и встала подальше от них у стены.

— Каждого из вас, ублюдков в костюмах!.. — Кипел Трентон.

— Прекрати! — сказал Тайлер, хватая Трентона за ворот рубашки. — Хватит, черт возьми!

— Отвали! — Сказал Трентон, отталкивая Тайлера. Он расхаживал туда-сюда в метре от Трэвиса и тяжело дышал, уставившись на него, будто сейчас был перерыв между раундами по боксу.

Тэйлор встал перед Трэвисом, жестом показав своей жене отойти назад. Фэйлин послушно встала и подошла ко мне.

— Что нам делать? — Прошептала она.

— Оставаться на месте, — сказала я.

— Чертовы лжецы! — Сказал Трентон. Он указал на Трэвиса. — И ты застрелил их гребаного босса, а они за это убили нашего брата! — Он сделал несколько шагов, и Тэйлор напрягся. — И прошло полдня, прежде чем ты рассказал нам, что за чертовщина происходит! Что, черт возьми, с тобой не так, чувак? — Он сделал еще шаг, слишком близко подойдя к Тэйлору.

— Не заставляй меня вырубать тебя, — сказал Тэйлор, нахмутившись.

Я закрыла глаза.

— Пожалуйста, прекратите, — тихо сказала я, и меня услышал лишь Тайлер. Он быстро взглянул на меня, чтобы убедиться, что я в порядке.

— Никто не будет никого вырубать, — сказала Камилла, становясь за своим мужем. — Отвали, Тэйлор.

Фэйлин шагнула вперед.

— Тэйлор? Скажи лучше успокоиться своему мужу. От всего этого лучше не станет.

Камилла посмотрела на невестку, сузив глаза.

— Знаешь, от чего точно не стало лучше? От того, что мы все оказались в опасности, и нам об этом лгали. Думаю, у Трента есть полное право расстраиваться.

— Серьезно? — Сказала Фэйлин, скрестив руки. — Серьезно, Кэми? Ты собираешься делать вид, что не была в команде Томаса еще двадцать четыре часа назад?

— Ой, заткнись нахрен, Фэйлин, — с отвращением сказала Камилла.

— Эй! — Программист Тэйлор. — Не разговаривай с ней так. Никогда.

— Тогда она должна следить за своим тоном, — сказал Трентон.

— Она моя *жена*! — Сказал Тэйлор. — Никто не будет так с ней говорить.

— Разве ты не орал на Кэми вчера за то же самое? — Спросила Фэйлин. — За то, что она хранила секреты? Теперь ты обвиняешь Лииз, когда она сидит здесь и просто пытается оплакать своего мужа? Лииз ничего тебе не должна, Трент.

— Она должна мне правду! — Закричал он.

Джим все еще листал каталог, стараясь не обращать внимание на то, что его семья разваливалась по частям в шаге от него. Это было слишком для него, и это было слишком для Лииз, которая не могла найти то ли слов, то ли силу, чтобы остановить их.

— Ты закончил? — Спросил Трэвис.

Открылась входная дверь, и мальчики Шепли пронеслись по коридору к лестнице, на ходу помахав нам.

В комнату зашла Шепли с Америкой и замерли, заметив, как все стоят, а я подпираю стену.

— Что происходит? — Спросил Шепли, по очереди смотря на всех.

— Почему бы вам не спросить Трэвиса? — Сказал Трентон, махнув рукой в его сторону.

Шепли будто бы нехотя посмотрел на Трэвиса.

— Что происходит?

Трэвис вздохнул, немного расслабляясь.

— У Трентона была одна из его фирменных вспышек. — Трентон выстрелил взглядом в Трэвиса, и тот пожал плечами. — Ты сказал ему спросить меня.

Америка подошла к столу и выдвинула стул, равнодушная к тому, что вот-вот должна была разразиться война.

— Из-за чего на этот раз? Он опять злится на Кэми?

Камилла сузила глаза:

— Серьезно?

— Серьезно, — ответила Америка, копируя ее мимику.

— Я не пыталась кого-либо ранить, — закипела Камилла. — И если каждый из вас будет судить меня за то, что я знала все с самого начала, ничего не изменится. Ни черта не изменится! Так что хватит уже. Я уважала желания Томаса. Это все.

— Америка не это имела в виду, Кэми, — сказал Шепли.

— Нет, именно это, — невозмутимо ответила Америка.

— Мерик, — упрекнул ее Шепли.

Америка закатила глаза и села.

— Пять человек лгали нам об опасности, в которой находилась вся наша семья. Томас, Лииз, Трэвис, Эбби и Кэми. — Она посмотрела на Камиллу. — Так что не пытайся отмазаться от вины, Кэми. Просто потому, что твой муж злится, и ты хочешь быть на его стороне, не значит, что это неправда.

Щеки Камиллы покраснели, а глаза заслезились.

— Я не добровольно в это ввязалась.

— И все же у тебя был выбор.

Лииз, наконец, заговорила.

— Эбби знала только потому, что я ей рассказала. И я попросила ее сохранить в тайне все, что она узнала.

Трэвис удивленно уставился на Лииз.

— Ты рассказала ей?

Прошло несколько секунд, прежде чем Лииз осмелилась взглянуть в глаза Трэвису.

— Много лет назад.

Его плечи поникли.

— То есть, каждый раз, когда я уезжал из города и прямо в лицо лгал ей о том, куда собирался, она... Она все знала?

— Ей было тяжело, — сказала Лииз. — Она была уверена, что у тебя роман. Она знала, что ты врешь, но просто не знала, о чем. Рассказав ей, я спасла ваш брак.

— Тогда почему не сказала мне? — Задергался Трэвис. — Почему позволила мне продолжать ей лгать?

— Если бы ты рассказал ей, то ФБР аннулировало сделку. Для того, чтобы она узнала правду, нужно было серьезное основание. Информации, которую она собрала для тебя на Мика, было более чем достаточно, да и в бюро знают, что Эбби невероятно умна.

— Хватит фактов, Лииз. — Он закрыл глаза и покачал головой, потирая затылок. — Сегодня ее выписывают из больницы. Мне нужно вернуться туда.

Близнецы сели на свои места, перешептываясь о том, как изменилась ситуация. Они тоже лгали, и много лет из-за этого мучились, но из-за выплывшего наружу секрета Томаса и Трэвиса они неожиданно легко отделались.

Все это напомнило мне о том, как однажды Финли улизнула из дома, стащив машину наших родителей. У нее не было никаких определенных планов: ей просто хотелось, чтобы ее хотя бы раз заметили вместо того, чтобы разбираться с проблемами, которые создавала я, чтобы привлечь внимание. Когда они поняли, что она сделала, то не рассердились на нее — были слишком заняты, нанимая для меня адвоката, чтобы вытащить из неприятностей за то, что я подожгла загородный дом партнера отца. Ее даже не наказали: благодаря мне, все, что было не таким серьезным, как поджог,казалось им мелочью.

Трентон заметил, что близнецы отвлеклись, и воспользовался возможностью, бросившись на Трэвиса и прижав его к стене. За несколько секунд до этого Лииз вскочила и потянула в противоположный угол Джима с мистером Бейрдом. У нее была быстрая реакция — именно такая, какая, по моим представлениям, должны быть у агента ФБР. В комнату ворвались другие агенты, но Трэвис рукой приказал им не вмешиваться.

Лицо Трентона было мокрым от слез.

— Зачем тебе понадобилось убивать этого Бенни, Трэвис? Почему ты не остался рядом с Томасом и не защищал его, раз знал, что он в опасности?

— Я не знал, Трент, — ответил Трэвис, глядя в глаза своему брату. — Я не знал. Но даже если бы знал, я бы остался здесь, чтобы защитить свою семью.

Трентон схватил Трэвиса за воротник и толкнул к стене. Трэвис даже не пытался сопротивляться, и я задалась вопросом, почему.

— Он был твоей семьей. Он помог вырастить тебя, Трэвис. А ты просто оставил его справляться с этим в одиночку?

— Мне жаль, — искренне сказал Трэвис. — Мне так чертовски жаль, Трент. Ты понятия не имеешь, насколько плохо я чувствую себя из-за всего этого, или насколько хуже буду чувствовать себя потом, когда... Это несправедливо. Может, мне следует быть на его месте.

Шепли похлопал его по спине.

— Это мог быть ты. Могла быть Эбби, или, может, Джеймс, Джесс, Эзра или Мерик. И мы бы никогда не знали, что это произойдет.

Тайлер с растерянным выражением лица потер подбородок.

— Что ты хочешь сказать, Шеп? То, что случилось с Томасом, удача для нас?

— Конечно, нет, — ответил Шепли.

— Он говорит, что то, что произошло с Томасом, не должно было стать для нас предупреждением, — сказал Трентон. — Нас всех должны были предупредить, когда Трэвиса внедрили в чертову мафию как шпиона.

Тайлер сморщил нос.

— И ты собираешь обвинять в этом Трэвиса? Он об этом не просил. Он просто играет теми картами, что у него есть, чувак. Так что думай, прежде чем говорить вещи, о которых потом будешь сожалеть

— Он не будет жалеть о том, что задавал вопросы. — Сказал Шепли. — Если бы мы задали их много лет назад, может, сейчас никто не планировал бы похороны.

Трэвис выглядел задетым тем, что Шепли принял сторону Трентона.

— Серьезно? — Спросил Трэвис.

Шепли похлопал Трентона по плечу, показывая свою поддержку.

— Ты мой лучший друг, — сказал Трэвис, не веря.

— В этом случае ты не прав, Трэв. У нас есть право быть расстроенным из-за того, что вы наделали, — сказал он.

— Если вы не возражаете, — сказал Джим, поднося свой стул обратно к столу. — Мне надо кое-что сделать. Если возражаете, уходите. Эти похороны не организуют себя сами.

— Вы правы, — сказал мистер Бейрд, поправляя галстук и нервно оглядываясь. — Да, вы правы.

Парни сели, и Джим по очереди взглянул каждому в глаза.

— Больше ни слова. Я серьезно.

— Да, сэр, — в унисон ответили они.

— Дамы? — Сказал Джим, глядя на Америку, Камиллу и Фэйлин.

Они кивнули.

Даже после десяти лет трезвости мне все еще казалось странным, что не я была той, от кого были неприятности. И еще страннее было чувствовать из-за этого гордость и уверенность в себе.

— Тогда ладно, — он перевернул страницу, и Лииз села рядом с ним на стул, разглядывая урны так, будто ничего не произошло.

ГЛАВА 21

Камилла

Джим решил провести похороны в актовом зале средней школы: людей ожидалось слишком много, чтобы все смогли поместиться в любой из небольших церквушек Икинса. Люди стояли у стен по всему периметру зала. Пришли одноклассники Томаса, его школьные друзья и друзья из футбольной команды. Сцена выглядела как небольшой ботанический сад — урну окружило многообразие цветов. Один из венков был подписан «сыну», другой «отцу», еще один «мужу».

Я сидела во втором ряду прямо за Лииз и не могла перестать наблюдать за ней, выискивая намеки хоть на какие-то эмоции. Она мужественно держалась и лишь несколько раз оглянулась, чтобы с неверием оглядеть собравшуюся толпу; при этом ей было будто неуютно и даже немного стыдно.

Приглушенные всхлипывания и разговоры наполняли зал. Казалось невероятным то, сколько людей знали Томаса и скольким он был небезразличен. Здесь были даже его коллеги из ФБР: они занимали три ряда позади семьи. Директор ФБР сидел за Трэвисом и потянулся к нему, чтобы похлопать по плечу.

Джек встал и с помощью Шепли осторожно поднялся по лестнице на сцену, после чего подошел к трибуне со сложенным листком в руке. Все стихли, и было слышно звук разворачиваемой бумаги. Джим откашлялся.

— Мой брат попросил меня прочитать это письмо вместо него. Не уверен, что сам легко с этим справлюсь, так что, пожалуйста, потерпите меня. — Он достал из кармана пиджака очки и надел их, подняв их пальцем по носу повыше.

— Мой дорогой Томас, — начал он и на мгновение остановился, прежде чем продолжить. — Ты мой первенец, и это значит, что мы с тобой провели довольно много времени одни, прежде чем на свет появились твои братья. Мы связаны с тобой уникальным образом, и я не уверен... Я не уверен, как смогу двигаться дальше в своей жизни без тебя. Но я уже произносил эти слова.

— Я помню момент твоего рождения. Помню первый раз, когда держал тебя на руках. Ты был маленьким гигантом. Тряс руками, кричал во все горло, и я был переполнен гордостью и ужасом. Воспитывать другого человека — невероятно ответственное дело, но с тобой все проходило так просто. Когда твоя мама умерла, и я погрузился в собственное горе, ты взял все на себя. И у тебя легко все получилось, ведь когда родились близнецы, ты настойчиво просил позволить тебе помочь поддержать Тэйлора или Тайлера. Ты ходил за Трентоном с салфетками и трясясь вокруг Трэвиса так, будто он в любой момент мог сломаться. Я никогда не видел, чтобы маленький мальчик заботился о малышах так, как ты, и я с нетерпением ждал момента, когда увижу, как ты будешь заботиться о своей дочке.

— Когда тебе было одиннадцать, я взял тебя на охоту. Мы занимались этим и раньше, и ты был в этом хорош, но в то особенное утро было дождливо и холодно, и ты решил

остаться ждать меня в грузовике. Я побрел к своему любимому месту и на протяжении двух часов вытирая с глаз лившуюся воду, продрогнув до костей и желая, чтобы это несчастное туманное утро ты провел со мной. Я не видел ни одного оленя за это время. И тут я услышал один выстрел, а потом еще один.

Я схватил вещи и помчался обратно к грузовику так быстро, как мог, и чуть не поскользнулся, когда добежал до тебя и увидел, как ты склонился над своей жертвой. И будь я проклят, то был первый подстреленный олень за год, и ты смог достать его, сидя в тепле, пока я мокнул под ледяным дождем. Мне стоило догадаться, что так будет, ведь ты всегда знал, что делал, ведь тебе от матери передались не только глаза, но и ее интуиция.

— Когда Дианы не стало, ты никогда не спрашивал меня, что делать, ты просто знал это, будто она нашептывала ответы тебе на ухо. Ты укачивал Трэвиса перед сном, успокаивал Трентона, одевал близнецов в одинаковую одежду, как привыкла делать твоя мама. Ты причесывал их и проверял, чтобы они шли в школу чистыми, в независимости от того, сколько раз тебе приходилось мыть их, прежде чем отвести на автобус. Ты заботился обо всем, и когда потом ты уехал и стал заниматься тем, чем хотел, я гордился тобой так сильно, что больше было нельзя. Действительно нельзя.

— Мне хотелось бы провести с тобой еще один вечер за обеденным столом, играя в карты и обсуждая то, как ты восхищен матерью своего ребенка. Хотелось бы мне сделать что-нибудь, чтобы опять поговорить с тобой о твоем будущем и твоей работе, даже если ты не мог рассказать нам все. Я не знаю, почему это случилось с тобой, самым осторожным из нас, самым верным своим принципам, самым подготовленным. Ты был сильнейшим из нас. Но от мысли о том, что ты наконец-то сможешь обнять свою маму, мне становится намного легче. Я знаю, что ее смерть отразилась на тебе сильнее всех. Не из-за бремени, что ты на тебя свалилось, а из-за того, что из всех мальчиков ты любил вашу маму больше всех. Ты никогда не забывал о том, что она тебе сказала, и заботился о своих братьях. Ты даже не заметил этого, но ты никогда не подводил ее. Я отдал бы все, чтобы занять твое место, а ты бы смог сейчас вместе со своей женой воспитывать вашу дочь. Потому что я знаю, что из тебя получился бы прекрасный отец, такой же, каким прекрасным сыном ты был. Я буду скучать по тебе так же сильно, как скучал по твоей матери, и я знаю, что это будет очень больно.

— Спасибо тебе, что до последнего заботился о безопасности и сплоченности нашей семьи, и спасибо тебе за то, что несмотря ни на что и ни на кого — даже на самого себя, — ты делал то, что было правильно. Я знал тебя достаточно долго, чтобы понимать, что ты не делал ничего без серьезных на то причин, и в этот раз тоже. Я обожал тебя с самого первого твоего вздоха. Ты был хорошим мальчиком и замечательным человеком, и эта семья оправится вновь, чтобы стать лучше в твою честь.

Джек сжал губы, сложил листок и убрал его в карман. Он снял свои очки, и Шепли помог ему пройти на место под звуки одной из любимых песен Томаса, звучащей из динамиков.

Джек сел рядом со своим братом, и они стали утешать друг друга под музыкальный аккомпанемент. Даже Эбби с Трэвисом плакали. Эбби обняла Лииз, а Трэвис в это время укачивал Стеллу, касаясь ее лобика своей щекой. Я переплела пальцы с трясущимися пальцами своего мужа и сильно сжала руку. Он вытер щеки, втянув воздух между

тихими всхлипами. Я осмотрела лица нашей семьи: мы выглядели такими сломанными, такими потерянными. Мое дыхание сбилось, когда я увидела, как местный пастор поднимается на сцену. Он предложит нам помолиться, чтобы найти утешение, но ничего не сможет забрать нашу боль. Даже Бог.

Я посмотрела на Трентона, который сбросил с себя маску крутого парня, совершенно не думая о толпе людей вокруг. Было невыносимо наблюдать, как мужчины вокруг меня разваливаются на части — мужчины, которые в любых других обстоятельствах даже не дрогнули бы. Сейчас же с каждым своим вздохом они выдавали свою боль, а я сидели среди братьев Томаса, желая хоть как-то унять их душевые муки. Было так сложно осмыслять происходящее. Играющая музыка делала все только хуже, и я постаралась оградиться от своих чувств так же, как делала это в детстве, когда мой отец бил маму.

Как я и думала, вокруг дома Джима на обочинах собралось множество машин. Чем больше расходились вести о смерти Томаса, тем больше людей приезжали, принося с собой запеканки и приятные воспоминания о нем.

Я слотнула, внутренне подготавливаясь к соболезнованиям от всех этих людей. Джим был отцом, похоронившим своего первенца. Лииз была вдовой. Я же была невесткой и бывшей девушкой. Я чувствовала, что горюю сильнее, чем Фэйлин или Эбби, и чувствовала из-за этого вину. Меня тошнило, а нос уже горел.

Мне так не хотелось заходить в этот дом, играть роль жены-опоры и скорбящей невестки и в то же время игнорировать тот факт, что Томас был моей первой любовью, что мы не один раз засыпали и просыпались рядом друг с другом, и что мы почти что съехались. Он любил меня, а я должна была из уважения к его жене и своему мужу делать вид, что ничего этого не было.

Трентон сжал мою руку.

— Я знаю, — просто сказал он. Ему понадобилось сказать всего два слова, чтобы поддержать меня, выразить поддержку и безоговорочную любовь.

Накануне ночью он простил меня за то, что я скрывала правду. Он сказал, что это ненормально, но он все понимает, и все равно любит меня.

Целый океан друзей и родственников заходили в дом, проходя по ковру, который однажды выбрала Диана, и по которому бегал в детстве Томас — еще тогда, когда все они были счастливой семьей, не встретившейся со смертью. Именно поэтому Диана взяла с Джима обещание уйти из полиции. Именно поэтому она взяла с него обещание проследить, чтобы дети не пошли по его стопам. После того, как смерть забрала Диану, Джим и мальчики ждали, что она придет и за нами. Это казалось таким реальным, ощутимым, ведь смерть пришла не за кем-то другим, а именно за ней. Она забрала смысл их жизни, их солнце, их нерушимую основу. И оставила лишь воспоминания, стирающиеся с каждым годом. Трентон рассказывал, что изо всех сил старался не забыть

звук ее голоса и ее глаза. В тот момент, когда она умерла, все они видели смерть, а смерть видела их.

Тэйлор и Тайлер сидели за обеденным столом рядом с принесенной едой и горой чистых тарелок. Их жены сидели рядом, стараясь помочь им справиться с болью. Просто справиться, ведь она не могла исчезнуть. Никогда. Независимо от того, сколько раз бы они кричали, рыдали или били что-то, она не могла пропасть.

Как ни странно, Трэвис выглядел лучше всех. Он следил за тем, чтобы у братьев были вода и пиво, чтобы им было удобно. Трентон и Шепли все еще сердились на Трэвиса, а близнецы все еще оставались на его стороне, но сегодня они не могли друг с другом бороться. Они нуждались друг в друге, чтобы пройти через это.

Эбби выделялась на общем фоне, сидя в углу, где за пару дней до этого сидела Лииз, без Картера. Я наблюдала за тем, как она возилась со своим платьем, то одергивая его, то приподнимала квадратный вырез, чтобы прикрыть выпирающие груди только что родившей матери.

— Ты прекрасно выглядишь, — заверила я ее.

Она закатила глаза.

— Спасибо. Оно сейчас сидит на мне теснее, чем я себе представляла, но у меня не было ничего подходящего для такого случая.

— Оно отлично подходит, — сказала я. — У меня много черных вещей, тебе следовало позвонить мне.

— Ничего из твоего шкафа на меня бы сейчас не налезло, — ответила она.

— На самом деле, я немного удивлена, что Трэвис не носится вокруг тебя и не пытается закрыть тебя чем-нибудь.

Трэвис был известен своей нелюбовью к слишком открытым или обтягивающим вещам Эбби, ведь тогда он ревновал ее ко всему вокруг. Сначала он просто сильно старался, чтобы не драться со всеми вокруг, но после их свадьбы что-то в нем изменилось, и Трэвис стал спокойнее. И все же, Трэвис, не обращающий внимание на выпирающее декольте Эбби, был непривычен.

— Хорошо для тебя, — сказала я, сев и скрестив руки. Мрачные лица людей в комнате напомнили мне, почему мы все собрались у Джима, и тошнота, которая всю эту неделю почти не переставала меня мучить, снова вернулась. Это не было просто горем. Что-то было не так, и я никак не могла в этом разобраться. Трэвис с Лииз чуть наклонились друг к другу, а Эбби, хоть она всегда мужественно переносила все испытания, не выглядела так, будто она страдает из-за смерти Томаса. — Эбби, — начала я. — Если бы знала что-то еще... Про Томаса... Ты бы нам сказала, правда?

Эбби вздохнула.

— Когда мне пришлось уехать из больницы без своего сына, я плакала целый час. Мне так не хотелось делать это, но я должна была, и поехала. Я оставила его там одного, чтобы приехать сюда и быть с семьей. И я сразу же поеду в больницу, когда это закончится. Я делаю так каждый день всю эту неделю. Я держу своего сына, обвязанного

разными проводами и трубками, беспокоюсь за него и наслаждаюсь временем с ним, и в то же время чувствую вину из-за того, что не нахожусь рядом со своими близнецами, а потом прощаюсь с ним и, рыдая, ухожу.

Я ждала, пока она ответит на мой вопрос, но, похоже, она не собиралась. Я подумала, что так она показывает мне, что мой вопрос неуместен, и что она будет говорить только о том, о чем сама захочет.

— Ему лучше, верно? — Спросила я.

— С каждым днем он все сильнее. Мы надеемся, что на следующей неделе можно будет его забрать.

— Ты хорошая мама. Я знаю, что это трудно.

— Мое сердце разделено на три части, и иногда это настоящая пытка. Невозможно описать, как это страшно, замечательно, ужасно и выматывающе. Волнение становится второй натурой. Они часть меня, и поэтому я так сильно люблю их даже до рождения, но, если с ними что-то случится, это будет для меня страшнее смерти. Я слышала о том, как умирали дети, и старалась оградиться от этого, потому что, если буду думать об этом слишком много, я сломаюсь. Люди говорят, что это худший кошмар для любого родителя. Но это не кошмар, ведь от этого проснуться невозможно.

— Материнство звучит... Довольно мило, — сказала я.

— Еще увидишь, — сказала Эбби, вытирая мокрые щеки.

Я сморщила нос.

— Не уверена, что хочу такого.

К нам подошел Трэвис, говоривший с кем-то по телефону. Он положил трубку и убрал телефон в карман костюма.

— Медсестры из интенсивной терапии говорят, что только чтоб был обед, и у него животный аппетит... Привет, Кэми.

— Привет, — ответила я.

— Где Трент? — Спросил он.

— Думаю, я видела, как он шел в гостиную, — сказала Эбби.

— Наверное, к папе, — сказал Трэвис, садясь рядом с нами. Он стал откусывать заусенец на большом пальце. — Он всегда был папенькин сынок.

— Не притворяйся, что ты не такой. Вы все такие, — ухмыльнулась Эбби.

— Только не Томас, —казалось, он остановил себя, чтобы не сказать больше. Эбби взяла его за руку и без слов успокоила его, как делала со своими детьми.

— Скоро все закончится, — прошептала она.

Я откинулась назад. Мышцы лица горели от усталости, глаза слезились, а нос был забит. Трентон в каждой комнате положил носовые платки и мусорные ведра, а близнецы

следили, чтобы мешки с мусором не переполнялись. Я громко высморкалась и выбросила бумажный платочек, обнимая одной рукой пачку Kleenex.

У нас всегда есть выбор. В аэропорту, например, люди решают, сесть им на один из стульев возле выхода или разместиться дальше на полу. Сегодня же люди собирались либо возле выпивки, либо возле носовых платков.

Я держалась за эту картонную коробку, будто за спасательный круг, ведь она была единственным, что я могла держать. Трентон в гостиной утешал Джима, а с сестрами-невестками я все еще была не в ладах, злясь на них за то, чью сторону они приняли.

Наверное, я тоже приняла сторону, хотя это было просто неизбежно. Все мы сделали это, когда братья ссорились на кухне. Все, кроме «Я за мир и любовь» Элли. Она оставалась раздражающе нейтральной, в то время как Фэйлин, как и Эбби, злилась на Трентона. Трентон и Шепли же злились на Трэвиса. Несмотря на то, что все они мирно держались на похоронах, я задавалась вопросом, что будет потом. Я планировала побыстрее сбежать, пока Трентон бы не наговорил или не сделал что-нибудь, о чем потом будет жалеть.

— Ничего не закончится, — пробормотала я. — Не закончится, ведь его больше нет.

Эбби вытянула шею и посмотрела на меня, но решила промолчать.

— У меня нет ощущения, что он умер, — сказала я, чувствуя, как глаза наполняются слезами. — Разве он на самом деле умер?

Эбби огляделась вокруг, прежде чем заговорить:

— Кэми, я скажу это один-единственный раз. Что бы ты не делала, перестань. Если кто-нибудь услышит тебя... Это может расстроить многих людей

— Мне нужно знать, — умоляющее сказала я, чувствуя, как трясутся губы.

В моей голове завертелись шестеренки, но вдруг Эбби повернулась ко мне, внезапно разозлившись.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что у тебя нет *ощущения*? Его будущая жена сидит рядом с Джимом. Ты — не она, — прошипела она.

— Гулька, — предупреждающее сказал Трэвис.

Я опешила от ее внезапной нападки.

— Он по-прежнему дорог мне. То, что было между нами, не стерлось в одночасье, оттого что мы разошлись, — ответила я.

Эбби, казалось, все больше беспокоилась из-за моего громкого голоса.

— Я уверена, что для вас это сложная ситуация, но вы не просто разошлись, Кэми. Ты вышла замуж за его брата. Он двинулся дальше. Ты не скорбящая вдова, как бы тебе этого не хотелось.

— Эбби, — сказал Трэвис.

Она откинулась назад, скрестив руки.

— Я так и знала, что она перевернет все на себя сегодня. Она полностью забрала себе Джима, заставила Трентона страдать из-за бесплодия, а теперь еще хочет, чтобы все признали, что она первая любила Томаса.

— Я бы была рада, если бы вы приезжали чаще, — сказала я.

— Ты не живешь здесь, — возмущенно сказал Эбби, — и еще имеешь смелость приглашать меня в дом Джима! Я была в этой семье дольше, чем ты.

— Я не заставляю Трента страдать. Он хочет ребенка так же, как и я, — сказала я, не обращая внимание на ее заявление прав.

— И все же он буквально живет от теста до теста, прерываясь только для того, чтобы показать тебе, что он несчастен.

— Раньше я любила Томаса, — наконец сказала я.

— Он женится на Лииз, — огрызнулась Эбби. — Уверена, ты чувствуешь себя вправе чувствовать, будто потеряла столько же, сколько и она, но она там держит свою дочь. Ты хотя бы подошла к ней и выразила соболезнования?

Я начала говорить, заикаясь из-за столь неожиданного нападения. Я не была уверена, откуда Эбби взяла в себе столько злобы, но, видимо, все это копилось в ней долгое время.

— Я просто не... Я не хочу, чтобы она чувствовала себя неуютно.

— Если ты считаешь, что Лииз думает о тебе не просто как о невестке Томаса, то ты круто ошибаешься. Я гарантирую, что из-за тебя она точно неуютно себя нечувствует.

Ее слова слишком ранили меня. Я сдула губы и посмотрела вниз, вытирая салфеткой нос.

— Детка, — сказал Тревис, разминая плечи своей жены. — Полегче.

— Кэми? — Сказал Трентон, подходя к нам.

— О, черт, — прошептал Тревис.

Он встал передо мной на колени, ожидая моего ответа.

— Тебя обнять, куколка?

Я вытерла нос и глаза и с легкой улыбкой посмотрела на него.

— Просто грустно, — сказала я.

Трентон погладил меня по голове.

— Ага. Давай, пойдем со мной. Папа спрашивает о тебе.

Я встала, оставив Тревиса и Эбби в одиночестве. Она никогда не говорила мне ничего подобного, и я тут же начала искать ей оправдания. Она только что родила, и ее гормоны вышли из-под контроля, Картер один был в больнице, в то время как она была здесь, чтобы оплакать Томаса и поддержать Тревиса. Может, она не имела в виду ничего плохого. Может, она сорвалась. Но потерять свою невозмутимость, особенно без какой-то провокации — это было не похоже на Эбби.

Трентон повел меня в гостиную, и я оглянулась на Эбби. На ее лице уже был виноватый вид. Трэвис успокаивал ее, но выражения их лиц отличались от лиц остальных людей в комнате.

Мои глаза переместились на урну с прахом Томаса, стоящую на полке, и я мысленно попросила Бога, чтобы они действительно что-то от меня скрывали, и чтобы мои инстинкты меня не подводили. Когда Джим попал в поле зрения, я затаила дыхание. Он сидел, сгорбившись, с огромными мешками под глазами и обвисшим лицом. Конечно, если бы все это было прикрытием, они бы ему сказали. Они бы не позволили ему думать, что его сын был мертв.

Стакан с ледяной водой Джима был почти нетронут, так что я взяла его со стола и сказала попить. Он сделал глоток и отдал стакан.

— Спасибо, сестренка.

Я села на пол около него, погладив его по колену.

— Хочешь есть?

Запеканки, которыми был заставлен почти весь стол, были едва тронуты. Еще неделю назад мальчики Мэддоксы за секунду съели бы все, но сейчас к еде притрагивались только дети. Все остальные бродили вокруг как ходячие мертвецы с фужерами или стаканами с алкоголем.

Джим покачал головой.

— Нет, спасибо. У тебя все в порядке? Что-нибудь нужно? Я не видел тебя какое-то время.

Я улыбнулась, уже не чувствуя себя таким монстром, как при разговоре с Эбби. Я заботилась о папе, и я видела, что ему становилось лучше, когда я была рядом. Он знал, что я заботилась о нем. Эбби могла говорить что угодно, и, возможно, отчасти она была права, но я была Мэддокс, и меня волновало лишь то, какой видели меня Джим и Трентон.

Я кивнула, увидев, что место рядом с Джимом освободилось. С другой стороны на складном стуле сидела Лииз, держа в руках спящую малышку. Стелла было прекрасна: наполовину пошла в Лииз миндалевидными глазами, темными прямыми волосами и пухлыми губами, а наполовину — в Томаса. У ее глаз хоть и был голубоватый отблеск, но все же они оставались коричнево-зелеными, цвета спелой груши, как и у ее отца.

Трентон сжал мою руку, заметив, что я смотрю на кроху. Часть меня знала, что мне стоит отвести взгляд и пощадить его чувства, но другая часть требовала, чтобы я честно признавала свои чувства, поэтому я могла справляться со всем так, как сама этого хотела.

— Она прекрасна, — сказала я мужу.

— Да, это так.

— Служба прошла замечательно, — сказал Лииз какой-то мужчина, а пожилая женщина похлопала Стеллу по спинке, пройдясь пальцами по ее сине-серому платьицу:

— Она такая милая.

— Спасибо, — ответила Лииз, прижимая Стеллу к груди. Я никогда не видела таких крошечных Мэри Джейн [1] или носочков, подходящих под платье Стеллы. Ее подгузник был покрыт множеством оборочек, сверху которых были сине-голубые штанишки.

[1] Речь идет о женской обуви Mary Jane, ставшей в 19 веке прототипом для детской обуви.

Вэл подошла к Лииз и что-то прошептала ей на ухо. Глаза Лииз на секунду расширились, а затем она расслабилась и даже слегка улыбнулась. Вэл быстро показала ей на телефоне какое-то сообщение, и по щекам Лииз полились слезы.

Трэвис и Эбби сразу подошли к ней и помогли забрать вещи малышки, решив обсудить что-то в соседней комнате.

— Это было... странно, — сказал Трентон.

Я схватила мужа за руку и потянула, чтобы он встал, после чего повела его на улицу через заднюю дверь, думая о Джимн. Он решил подождать, пока все уедут, прежде чем развеять прах Томаса. Он не спешил делать что-то столько подводящее черту и нуждался в нескольких днях отдыха после похорон.

— Что такое? — Спросил Трентон.

Я не останавливалась, пока мы не дошли до тени от дерева, растущего прямо у забора в дальнем углу заднего двора. В детстве мальчики вырезали свои инициалы на коре, и отличались только буквы посередине, обозначающие вторые имена.

Трава местами выгорела от безумной жары Иллинойса. Температура в последнее время была от тридцати пяти градусов и выше, а жужжение цикад сменило пение птиц. Было слишком жарко для песен, слишком жарко, чтобы хоть что-то делать. Редкий ветерок казался скорее обогревателем, чем прохладой. Но здесь, в этом дворе, все были в черных платьях и костюмах. На голове Трентона уже выступил пот.

— Что-то не так, — сказала я.

— Я знаю.

— Знаешь?

Трентон ослабил галстук.

— Что-то не сходится. Трэвис странно себя ведет. И Эбби с папой тоже.

— Думаешь, он знает?

— Знает что?

— Причину, по которой Трэвис так странно себя ведет. Он знал, что близнецы были пожарными. Он знал о Трэвисе и Томасе. Может, он тоже понимает, что что-то не сходится.

Трентон покачал головой:

— Понятия не имею. Может быть.

— Они бы не... — Заколебалась я. — Ты же не думаешь, что они могли...

— Опять нам солгать? — Пробормотал Трентон. — Ага, я так думаю.

Я потерла подбородок и сморщила нос, чувствуя, что мои слова прозвучат глупо:

— Но не о том же, что... В смысле, ты же не думаешь, что Томас где-то там живой и невредимый получает информацию о своей скрывающей семье?

— Нет, — ответил Трентон. — Они бы не поступили так с папой. Знаю, ты бы хотела, чтобы он был жив. Я тоже. Они лгали нам, но так бы не поступили.

— Ты слышал их в больнице. Лииз не собирается давать показания. Мик пропал, так что он тоже не сможет. Карлиси покинули город. Может, это все было для того, чтобы спасти нас всех?

По глазам Трентона было видно, что он хотел верить в мою теорию, но даже после того, как всплыла вся правда о Томасе и Тревисе, он не думал, что они были способны превратить нашу жизнь в ад выдуманной историей.

— У папы проблемы со здоровьем. Тревис бы не стал так рисковать.

— А папа хотел бы, чтобы он это сделал?

Трентон задумался:

— Да. Наверное, хотел бы.

— И Томас с Тревисом об этом знали?

Глаза Трентона забегали по земле.

— Да, но... — Он устало вздохнул. — Брось, Кэми, я не могу на это надеяться! Если это окажется правдой, и Томми все-таки больше нет, я будто снова потеряю его.

— Говори тише, — сказала я, протянув к нему руку.

— Почему?

— Потому что если это правда, то все было сделано для того, чтобы показать Карлиси, что им больше не нужно угрожать нашей семье. И если это правда, то они до сих пор наблюдают.

ГЛАВА 22

Эбби

Я поерзала на деревянном кресле-качалке детского отделения интенсивной терапии и благодарила медсестру, когда она принесла мне сложенное одеяло, чтобы мне было мягче сидеть. У Картера было двое соседей по палате, так что мы подружились с двумя парами молодых родителей. Дочь Скотта и Дженифер, Харпер Энн, родилась пять дней назад и была в тяжелом состоянии. Последние двенадцать часов она постоянно боролась за жизнь. Сын Джейсона и Аманды, Джейк, родился через два дня после Картера. Мы боялись, что он не выкарабкается, но он поправился и был теперь почти таким же большим, как наш сын. Картер постоянно был под наблюдением и набирал вес, чтобы его можно было скоро перевести в послеоперационную палату, а потом чтобы мы могли увезти его домой.

— Доброе утро, — сказал Скотт, проходя мимо меня, чтобы поздороваться с Харпер Энн. Несмотря на то, что у пар дети находились в отделении интенсивной терапии, Трэвис настоял на полной проверке их биографии. Скотт — бывший морской пехотинец; длинный, около полдюйма толщины, изогнутый шрам трещиной простирался прямо от места над ухом и до самого затылка, разделяя его седые волосы; это был шрам от ранения в голову, которое он пережил в Афганистане. Трэвис чувствовал себя лучше, оставляя нас одних, когда здесь был Скотт, а в последнее время оставлял он нас часто.

Я кивнула ему, похлопав Картера по спинке. Последовала громкая отрыжка, и мы со Скоттом захихикали.

Скотт тщательно вымыл в раковине руки и склонился над кроваткой Харпер Энн.

— Привет, детка. — Она шевельнулась, и Скотт расплылся в широкой улыбке. — Мамочка уже поднимается. Да, да. Она разговаривает с бабушкой и доктором. Не может дождаться, чтобы тебя увидеть. Вчера вечером говорила о тебе, пока не уснула.

Я стала покачивать Картера, втягивая запах его волос. Темные тонкие росточки покрывали всю его голову, и мне нравилось прижиматься к ним своей щекой. Прижиматься к одному ребенку, а не сразу к двум было новым опытом для меня. Джессика и Джеймс были у меня первыми, и с ними требовалось так много работать, что мне редко удавалось просто сидеть и наслаждаться ими. Картер же чаще был тих и любил, когда его держали на руках. Я прижимала его к себе каждый день, и медсестры говорили, что он каждый раз начинал суетиться перед моим приходом, будто зная, что скоро появлюсь я. Когда он оказывался у меня на руках, мы оба успокаивались.

Я напевала ему, стараясь запомнить этот момент; его запах, его маленькую попку в моей руке, маленькие нежные пальчики. Форму его ноготков. То, как его ресницы покоились на щечках, когда он спал. Звук его дыхания. Завтра он еще подрастет. Я не хотела забывать.

— Ну, привет, — сказала Шелли, приветствуя Трэвиса.

Мои глаза стали похожи на блюдца, и я постаралась успокоиться, чтобы от волнения не разбудить Картера, пока смотрела, как медсестра помогает Трэвису надеть стерильный

халат. Я потянулась вперед, и мой муж наклонился, чтобы меня поцеловать. Он чмокнул меня в губы и двинулся к раковине, чтобы вымыть руки. Трэвис выглядел каким-то оживленным. Кивнув Скотту, он вернулся ко мне, протягивая руки к нашему сыну.

Я хихикнула:

— Соскучился по нему?

— Дай-ка мне, — сказал он.

Мы поменялись местами, и Трэвис бережно взял на руки Картера. Сколько бы Картер ни подрастал каждый день, он все равно казался крошечным в огромных руках Трэвиса.

Трэвис мягко оттолкнулся пальцами ног, качая нашего сына и любуясь им.

— На этот раз тебя не было три дня, — сказала я. — Не забывай, Лены здесь нет, чтобы помочь.

— Я обрубал концы, — ответил он.

— Принес мне хорошие вести?

Он посмотрел на меня.

— Все готово.

Я скрестила руки на груди, не позволяя себе надеяться.

— Что готово? В смысле, вы уже со всем закончили или расследование завершено, и мы начинаем судебный процесс?

— Некоторые из них отправились в суд.

— А остальные?

— Гулька, это был последний рейд. Больше не осталось Карлиси. Остались только солдаты. Наёмники. Они под стражей без права выйти под залог. Они проведут за решёткой год до завершения суда, а затем на тридцать лет отправятся в тюрьму за все, что натворили.

— А Мик? — Спросила я, чувствуя, что мне сдавило горло.

— Иммунитет, как мы и обещали. До тех пор, пока он будет держаться подальше.

Я кивнула, удовлетворенная.

— И теперь что?

Трэвис прочистил горло. Он становился немного эмоциональным. Прошло пять недель после похорон. Лииз жила у нас, и было тяжело смотреть, как она ждет.

— Он возвращается.

— Сегодня?

Трэвис кивнул.

— Лииз знает?

— Я думал, мы позволим ему сделать ей сюрприз.

Моя рука взлетела ко рту.

— А твой папа? Близнецы?

— Уже едут домой.

Они были здесь всего две недели назад — стали приезжать чаще, чтобы проводить Джима. Похороны плохо на нем сказались. Он похудел и слабел с каждым днем. Улыбка сползла с лица Трэвиса, пока он смотрел на нашего спящего сына, бремя правды заняло его мысли. Он был здесь, но в то же время в тысячах миль отсюда, переживая, как отреагирует его отец и братья.

— Они все поймут, — сказала я, становясь на колени перед Трэвисом.

— Нет, не поймут, — сказал он, не сводя взгляда с Картера. — Они нас возненавидят.

— Может быть, на некоторое время, но они переживут это. Им придется.

Трэвис посмотрел на меня со слезами на глазах.

— Оно того стоило?

— Сейчас, когда все в порядке, кажется, что все было впустую, но тогда, когда мы не

были уверены? Все произошло так, как мы и надеялись. Они отступили. Мы выиграли

время, чтобы составить новый план, не находясь под прицелом. — Я коснулась его руки.

— Это был хороший план. Сложный от начала до конца, но он сработал.

Трэвис кивнул и снова посмотрел на сына.

— Нам нужно скоро уходить. Он уже идет.

— Сюда? Сейчас?

— Он последний раз видел Стеллу, когда ей было два дня от роду, Гулька. Он больше не может ждать.

С этим я спорить не могла.

— Когда?

Трэвис посмотрел на часы на стене.

— Через два часа.

— Боже мой! Он и в самом деле возвращается домой.

— Да, он возвращается.

Лиз склонилась над кроваткой Картера, ее дочь была окружена голубыми и зелеными цветами. Стелла спала в детской Картера, пока они с мамой жили у нас. Я была рада. Благодаря Стелле комната моего сына казалась менее пустой.

Лиз заправила темные волосы за ухо. Они были на шесть дюймов короче, чем в прошлый раз, когда я ее видела, всего пару часов назад.

— Ты постриглась, — прошептала я, чувствуя себя глупо, отмечая очевидное.

Она повернулась ко мне, приглаживая пряди на голове ладонью.

— Ага. — Ее глаза наполнились слезами.

— Что случилось? — Спросила я. Никогда не видела слезы Лииз, пока она не пришла к Джиму, чтобы сообщить нам новости. Теперь, казалось, она плакала при каждом разговоре. — Тебе не нравится?

— Я просто, — она всхлипнула. — Я просто не подумала. Я буду выглядеть совершенно по-другому, когда Томас меня увидит. И Стелла тоже. Если бы я оставила все, как прежде, это бы его не так шокировало.

— Ему понравится, — сказала я, успокаивая ее. — Правда. Ты не так уж изменилась. Он заметит, но ему понравится.

Она повернулась к кроватке.

— Может, они отрастут к тому времени, когда он вернется.

— Надеюсь, нет, — сказала я. Она посмотрела на меня. — Твои волосы медленно растут.

Она усмехнулась.

— Точно.

Я жестом позвала ее за собой в гостиную, и она последовала за мной, оглянувшись на Стеллу, прежде чем выйти в корridor. Она захватила с комода радионяню и прикрыла за собой дверь, оставив небольшую щелку. Вэл стояла на кухне, шурша пачкой чипсов. Агент Хайд стояла у окна гостиной — в боевой готовности, как и всегда.

— Успокойтесь, Хайд, — сказала я. — Вы заставляете меня нервничать. — Она сощурилась, и потом снова посмотрела на часы. Она задернула штору и сменила позу, готовясь к действию. Я поняла, что она не была просто чересчур осторожна, как обычно.
— В чем дело?

— Не знаю, — сказала Хайд.

Трэвис проверил свой телефон и затем похлопал Хайд по спине.

— Спокойнее. Сюда движется команда агентов.

— Зачем? — Спросила Хайд.

Трэвис пожал плечами.

— Вероятно, хотят нам сообщить лично кое-какие новости.

Хайд и Лииз обменялись взглядами, и Лииз шагнула к Трэвису.

— Это Томас? Все кончено? Как прошла поездка?

— Поездка прошла хорошо. Возможно, они идут, чтобы поздравить меня.

Способность Трэвиса лгать в десятки раз улучшилась с тех пор, как он стал работать в ФБР. На второй год нашего брака он еще не мог скрыть виноватое выражение лица, когда врал, но со временем он научился это делать. Незадолго до того, как я рассказала

ему, что знаю правду, я едва могла понять, едет от на обычную встречу или на рейд. У него не было другого выбора — надо было быстро научиться. Большинство тайных агентов были вдали от дома месяцы подряд или даже дольше, Трэвис же скрывался у всех на виду. Бенни уже предложил ему работу, и ему требовалось лишь сказать «да». Карлиси знали, что ему придется часто ездить домой в Икинс, но обратной стороной этого было то, что они знали о семье Трэвиса, и это было отличным рычагом для давления.

Трэвис был осторожен, но мы знали, что это лишь вопрос времени, когда они разузнают о его большой семье. Но годы шли, и Трэвис казался неприкасаемым. Вскоре он поднялся до круга самых доверенных людей Бенни, пройдя путь от телохранителя, вытряхивающего деньги из местных клубов, до близкого советника.

ФБР с волнением наблюдали, как Трэвис забирался все выше и выше по карьерной лестнице в одной из крупнейших, опаснейших мафиозных семей страны. Трэвис получил повышение и в ФБР: через пять лет после вербовки он стал полноценным агентом. Еще через пять лет Томас был уверен, что полученной информации достаточно, чтобы посадить Бенни. Вот только он не взял в расчет жену Бенни, Джиаду. Она была настоящим пааноиком и не доверяла Трэвису.

Именно тогда Карлиси наконец узнали правду, и после этого все происходило очень быстро. Томас позвонил мне и рассказал, что они потеряли контакт с Трэвисом, и что, скорее всего, они раскрыли его прикрытие. Томас сказал, что Трэвиса увезли в неизвестное место, но они обязательно скоро его найдут. На следующую ночь была годовщина нашей свадьбы, и в ту ночь были убиты Бенни и несколько его людей. Это мог быть Трэвис. Нам повезло в тот раз, и я не была уверена, сколько еще будет помогать нам моя удача.

Я передала ему документы, обличающие моего отца, и Трэвис пообещал мне больше никогда не лгать. Его глаза опухли, брови и губы кровоточили, но он, глядя мне в глаза, сказал, что был в порядке, и я поверила ему. Потребовалось сбросить его машину с дороги и едва его не убить, чтобы он признался мне, что был единственным, кто стрелял в ту давнюю ночь.

Ложь была привычкой, от которой избавиться сложнее всего. Особенно когда мы думали, что защищаем тех, кого мы любим.

А сейчас он стоял на нашей кухне, уклончиво отвечая на вопросы Лииз и агента Хайд. Я наблюдала, как он говорит эту полуправду, не моргнув глазом, и задалась вопросом, сколько раз он так делал, а я об этом не знала. Сколько раз ему удавалось хранить секреты просто потому, что я не хотела верить, что он хоть что-то скрывает?

— Поздравить тебя? За поездку? — Спросила Лииз. — Значит, все кончено?

— Мы упустили лишь одного подозреваемого — Джиаду. Мы не можем выйти на нее.. пока что... но мы это сделаем.

— Джиаду Карлиси? — Спросила Вэл. — Значит, мы не закончили. Потому что у Джиады есть свои люди, а бюро убили ее мужа и сыновей. Она сумасшедшая стерва.

— Мы закончили, — сказал Трэвис.

— Что насчет Джуллии? Виттории? Ее телохранителя Кьяры? И что насчет новой жены Анджело? — Сказала Вэл чуть ли не обвиняющим тоном.

— Анджело женился? Когда? — Спросила я. Он был убежденным холостяком, женатым на клане. Он был известен тем, что избивал своих девушек, и только одна продержалась с ним больше года. У нас было множество фотографий ее избитого тела, и мне было интересно, сколько еще она с ним протянет. Потом она исчезла. И я даже не знала, стоит мне бояться женщину, которая наконец его приручила, или стоит бояться за нее.

— В настоящее время мы не можем найти Коко, — сказал Трэвис.

— С каких пор?

— Со вчерашнего дня.

— Коко — это новая жена Анджело?

Трэвис кивнул, не взглянув на меня, и это был верный признак того, что он не был до конца честен.

— Тогда мы еще не закончили, — отрезала Вэл. — При наличии любых необрученных концов дело незавершено. Это же жены Карлиси, а Кьяра — известная наемница Джиары. Они не опасны, потому что они женщины? Скажи мне, что ты не так глуп.

Трэвис ощетинился.

— Мы поймаем их, Вэл.

— Или все, или ничего, — сказала Вэл, указывая на него. — Это твои слова, Мэддокс.

— Я знаю, что я говорил.

— Тогда почему ты так неосторожен сейчас? Почему бы тебе не... О. — В ее глазах промелькнуло понимание — она осознала, к чему эта спешка. Томас торопился попасть домой, и никто не мог с этим спорить. Даже директор.

Лииз закрыла рот, и ее глаза заслезились.

Агент Хайд положила руку на кобуру, отступая назад и придерживая занавеску двумя пальцами.

— К нам едут, — сказала она.

Лииз дернулась к двери, но Трэвис остановил ее.

— Просто жди, — сказал он.

Агент Хайд чуть расслабилась:

— Это не наши.

Трэвис нахмурился.

— Кто же тогда?

Хайд кивнула в сторону двери. После двух ударов зашел Трентон, ведя за руку Камиллу. Они сразу же поняли, что что-то происходит, оглядев странные позы всех людей в комнате.

— Черт, — сказал Трэвис, выглядывая в окно и пытаясь выгнать брата за дверь. — Вам надо уехать.

— Какого черта? — Сказал Трентон, вырываясь из рук Трэвиса. — И тебе привет, спермонос.

— Серьезно, Трент, — сказал Трэвис. — Вам нельзя сейчас здесь быть.

— Почему нет? — Спросила Камилла.

— У нас семейный сбор, — сказала я.

— А мы уже не семья? — Обиженно спросил Трентон.

Трэвис вздохнул, после чего поднял обе руки и указал ими на дверь:

— Вы должны уйти, Трент! Прямо сейчас! Мы объясним все потом, но сейчас...

Что-то за окном привлекло внимание Хайд, и она подняла палец.

— Всем тихо. Кто-то подъехал.

Трэвис закатил глаза и оттащил Трента в сторону.

— Что бы ты сейчас не увидел, просто... Постарайся не сходить с ума. Не отнимай этот момент у Лииз.

— Ты сейчас о чем говоришь? — Спросил Трентон.

— Просто держи свой чертов рот на замке хотя бы в этот раз, — зарычал Трэвис.

— Что происходит? — Спросила меня Камилла.

— Ты тоже держи себя в руках. Сейчас времяя Лииз.

Мы стояли позади дивана, уставившись на дверь. Лииз замерла посередине комнаты, держа в дрожащих руках радионяню. Дверь открылась, и на пороге оказался Томас в белой рубашке и темных брюках, чистый и побритый. Он тяжело дышал после пробежки по нашей длинной подъездной дорожки. Он шагнул вперед с широкой улыбкой, и Лииз бросилась вперед, обнимая его и рыдая.

Колени Трентона подкосились. Камилла с Трэвисом подхватили его, чтобы смягчить падения, но потом дали встать на колени.

Камилла опустилась к мужу:

— Я так и знала, детка! — Сказала она с улыбкой на лице. Она поцеловала его в щеку, от волнения заламывая руки.

Трентон медленно покачал головой с открытым ртом.

— Трэвис, что, черт возьми, происходит?

— Мы позже все объясним, — ответил он, с улыбкой наблюдая за своим старшим братом.

Трентон посмотрел на Трэвиса.

— Так этому есть объяснение? — Он встал и сделал вдох, чтобы разразиться речью.

Прежде чем он успел сделать это, Трэвис схватил его за рубашки и оттащил в кухню. Мы с Камиллой последовали за ними, пытаясь тихими голосами успокоить своих мужей.

Трэвис толкнул Трентона к холодильнику.

— Не смей, блин, начинать! — Сказал Трэвис. — Я знаю, что для тебя это было тяжело, и что по отношению к тебе это несправедливо, но Лииз была той, кто больше всего страдал от всего этого. Ты не испортишь ей этот момент. Понял?

Трентон напрягся, будто собираясь вырываться, но затем глубоко вздохнул, и его глаза наполнились слезами от чувства предательства, заменившего гнев.

— Ты лгал нам? Он был жив все это время, и ты нам лгал? Папино здоровье смылось в унитаз! Как ты мог это сделать?

Трэвис сжал челюсти и отпустил Трентона.

— Я не хотел. Если бы был другой выход, мы бы так не поступили. Но не было другого варианта, Трентон. Карлиси оставили нас в покое достаточно долго, чтобы мы успели придумать этот план, и он сработал. Мы заманили их в ловушку и устроили рейд. Поймали их всех. Кто не в тюрьме, тот мертв. Наша семья в безопасности.

Трентон покачал головой, а потом двинулся в гостиную, дожидаясь, пока Лииз с Томасом закончат.

Томас посмотрел на Трентона.

— Я надеюсь, что однажды ты меня простишь. Простишь нас. Я приношу самые искренние извинения за то, что заставил тебя через это пройти.

Трентон подошел к своему брату и крепко его сжал. Когда они отпустили друг друга, он вылетел из дома к своему грузовику. Камилла все еще стояла на месте, ошеломленная. Она подошла к Томасу, нежно коснулась его щеки, а потом отвела руку и со всей силы ударила его. Томас на секунду зажмурился, после чего встретился с ней глазами.

— Я заслуживаю этого, — сказал он.

— Да, заслуживаешь, — ответила она, двинувшись к Трэвису.

Я встала между ними.

— Мне плевать, заслуживает он этого или нет, но если ты ударишь моего мужа, я всыплю тебе по первое число.

Камилла посмотрела на меня, потом на Трэвиса, а затем вышла вслед за мужем на улицу, хлопнув входной дверью. Стелла захныкала, и Лииз повернулась, чтобы пойти к ней, но Томас поднял руку:

— Я сделаю это.

Мы последовали за ним в детскую, остановившись в дверном проеме. Лииз стояла в нескольких шагах от нас, все еще вытирая слезы со своих щек.

— Привет, — сказал Томас тихим, успокаивающим голосом.

Стелла тут же перестала плакать, уставившись на своего папу.

— Помнишь меня? — Спросил Томас. — Можно мне взять тебя на руки? — Он потянулся и взял ее на руки, а она все еще продолжала на него смотреть. — Ты так сильно выросла. Уже почти юная леди, — сказал он, прижимая ее к себе. Он вдохнул запах ее волос, и Лииз обняла их обоих.

Трэвис прикрыл дверь, целуя меня в лоб.

— Стоит ли нам поехать за Трентоном? — Спросила Вэл. — Убедиться, что он не расскажет семье?

Трэвис покачал головой, прижимая меня к себе.

— Он не станет. Он знает, что не должен был этого видеть.

Вэл не выглядела счастливой.

— Думаешь, Джиада ничего не предпримет, когда узнает, что Томас все-таки не умер? Она придет за ним. За всеми вами.

— Мы будем готовы, — сказал Трэвис.

Вэл прищурилась.

— Ты — чокнутый идиот! Ты заставил семью пройти через все это, а теперь используешь Томаса в качестве приманки?

Я взглянула на нее.

— Это чертовски серьезное обвинение. — Я посмотрела на мужа, ожидая, что он будет это отрицать. Он не сделал этого. — Трэвис. Скажи мне, что это не так.

— Ты не смог достать Джиаду и других жен, и решил заманить их сюда. Ты надеешься, что они опять будут стрелять в Томаса? Или Лииз? Ты в своем чертовом уме? — Гневалась Вэл.

— Трэвис, — сказала я, не в силах еще что-то добавить.

— Я... — Начал он, но я развернулась на пятках и пошла на кухню, чтобы найти посуду, которую надо вымыть. Решение уже было принято. Я чувствовала, как он внимательно следит за моими движениями. — Детка, — сказал он. Я остановилась около раковины, и он схватил меня за руку.

— Поддельной смерти Томаса было достаточно, не думаешь? А теперь ты намеренно подверг нас всех риску? Что мы будем делать, если они придут не за Томасом или Лииз? Что, если они придут за тобой? За Джеймсом или Джесс? — Завелась я.

— Они этого не сделают.

— Откуда ты знаешь, Трэвис?

— Я... Голубка, пожалуйста, просто доверься мне.

— Как я могу тебе довериться, если ты не был честен со мной? — Я отвернулась и включила кран с водой, после чего снова повернулась к нему лицом. — Когда ты собирался рассказать мне? После того, как они бы расстреляли наш дом?

— Нет, — сказал он, запинаясь. Я уже давно на него не злилась, и он не был готов к

такой моей реакции. — Но я знаю, кто будет их целью. Мы просто должны выяснить, что это будет и когда, и, скорее всего, это произойдет скоро.

— Твой отец уже потерял Томаса. Как думаешь, что с ним будет, если он потеряет его еще раз?

— Этого не случится.

— Откуда ты знаешь? — Закричала я, бросая тарелку в моей руке на пол. Она разбилась, и на звук сбежались Вэл, Хайд, Томас и Лииз.

Трэвис засопел. Он взглянул на Томаса, а потом снова перевел на меня взгляд. Он сдерживался, не рассказывая мне чужой секрет. Я видела в его глазах страдания и борьбу.

— Это была моя идея, — выпалил Томас. — Это была лучшая возможность одновременно и мне вернуться домой пораньше, и поймать Джиаду с женами.

— Если что-то пойдет не так... — Начала я.

— Не пойдет, — сказал Трэвис.

— Не, — закричала я, закрывая глаза, — говори со мной. — Я взглянула на мужа. — Не говори мне ни слова, если это не полная правда.

— Трэвис открыл рот, чтобы заговорить, но затем закрыл его, чтобы обдумать свои слова. Это лишь сделало меня злее, и я повернулась, чтобы взять щетку, слыша, как Томас, Лииз и агенты выходят из комнаты.

— Эбби, я люблю тебя. Ты должна это знать. Безопасность нашей семьи — главное для меня. Это правда, — он забрал у меня щетку и совок и сам стал сгребать разбитую тарелку, царапая осколками кафель.

— Ты знаешь, что я всегда поддерживаю тебя, но, Трэвис... Это ужасный план. Ощущение, будто его за секунду придумали из-за того, что Томасу хотелось вернуться домой.

— Его придумали не за секунду, — проворчал он, наклоняясь, чтобы собрать осколки. — Они работали над ним с тех пор, как Томас достаточно поправился, чтобы ходить.

— Даже Лииз?

— Даже Лииз.

— Несмотря на то, что я буду звучать как капризный ребенок, я все же спрошу: почему Лииз знает об этом, а я нет?

Трэвис встал, открыл дверцу и выбросил мусор в ведро.

— У нее более высокий допуск, чем у тебя.

Я нахмурилась.

— Так теперь твоя честность по отношению к жене основывается на уровне допуска? Ты, блин, разыгрываешь меня?

— Детка, — сказал он, потянувшись ко мне.

Я отступила назад.

Он расстроенно опустил руки.

— Все почти закончилось. Ты можешь еще немного потерпеть?

— И что тогда? В следующий раз ты тоже мне совершишь?

Трэвис вздохнул, отошел от меня на несколько шагов и вернулся обратно.

— Прости. Мне жаль, что у нас такая жизнь. Но альтернатива еще хуже.

— Ты когда-нибудь просил их, Трэвис? Просил отпустить тебя? Ты отслужил свой срок. Помог закрыть одно из крупнейших дел в истории бюро. Достаточно. Работа в бюро — не пожизненное заключение. — Трэвис смотрел на меня, не находя слов для ответа. — Понятно. Ты не хочешь уходить.

— Гулька, я люблю свою работу. Меня тошнит при мысли, что придется опять работать тренером или каким-нибудь офисным менеджером с девяти до пяти.

— Ты любишь свою работу? Больше, чем любишь жену? Своих детей? Братьев? Отца? Сколько раз ты лгал мне в лицо? Сколько раз подвергал нас опасности? Я игнорировала все потому, что это было частью сделки, которая спасала тебя от тюрьмы, но ты мог хотя бы *спросить*?

— Я вдруг понял, как, должно быть, чувствовал себя папа, когда мама попросила его уйти из полиции.

Я приподняла бровь:

— Но он это сделал.

— Гулька, она же умирала, — пренебрежительно ответил он.

Я потянулась и схватила его за рубашку.

— Трэвис, помоги тебе Бог, если что-нибудь случится с нашими детьми из-за твоего желания поиграть в копа.

— Что? Ты уйдешь? Бросишь меня, потому что я люблю свою работу?

— Это не так, и ты это знаешь! Не смей перевирать мои слова! — Ругаться с ним было чем-то нереальным: мы нессорились со временем колледжа.

— Я не перевираю твои слова! Я боюсь, Гулька. Когда-то ты бросила меня по схожей причине.

— И посмотри. Ты в любом случае поехал и сделал это. Все удачно для тебя сложилось. А теперь ты надеешься, что я продолжу закрывать на все глаза, но я не буду. Лииз выбрала такой путь сама, но не мы. Не я! Я не хочу больше этого для наших детей. Не хочу воспитывать Картера в одиночку, пока ты борешься с преступностью вместо того, чтобы быть отцом.

Он указал пальцем на пол.

— Я — хороший отец, Эбби.

— Это так. Но в то же время ты выбираешь оставаться на работе, из-за которой постоянно в разъездах.

— Ладно, — сказал он, подумав. — Что, если я буду работать из местного офиса? Здесь, в Иллинойсе?

— Вдали от притягательной организованной преступности?

— Я мог бы перевестись. Лииз знает нужных людей в чикагском офисе.

— И больше никакой работы под прикрытием?

— Только постоянные расследования.

Я на несколько секунд задумалась.

— После того, как все это закончится, ты обещаешь покончить с разъездами?

— Обещаю.

Я медленно кивнула, все еще неуверенная в правильности принятого мной решения.

Трэвис подошел ко мне и обнял, целуя волосы.

— Не сердись на меня. Это дико меня пугает.

Я прижалась щекой к его груди, пытаясь понять, что только что произошло: то ли мы пришли к компромиссу, то ли я сдалась.

ГЛАВА 23

Америка

— Можешь помешать соус, детка? — Спросил Шепли, надевая рукавицы.

Деревянной ложкой я стала помешивать коричневую жидкость в кастрюле, поворачиваясь, чтобы улыбнуться Джиму, Джеку и Дине. Родители Шепли с самых похорон каждый день приезжали к Джиму. Иногда они оставались на обед, иногда нет. Когда Шепли был не слишком уставшим после работы, мы присоединялись к ним. Сегодня Шепли делал свой фирменный мясной рулет, рецепт которого передала ему Дина от своей покойной сестры Дианы. Еда успокаивала, и особенно благоприятно на Джима действовали блюда, напоминающие о его жене.

Шепли закрыл духовку.

— Почти готово.

— Вкусно пахнет, — крикнул Джим из столовой.

Мой телефон зажужжал, и я выудила его из заднего кармана своих шорт. На экране высветилось сообщение от Эбби:

«Скоро будем у Джима. Приезжайте туда.»

Я напечатала ответ:

«Уже здесь. Готовим ужин.»

«О, ладно. Напиши мне, когда вы закончите. Мы подождем.»

«Подождете чего?»

Ей потребовалось время, чтобы придумать ответ:

«Пока вы не закончите ужинать.»

«Тут хватит всем, но как знаешь.»

«Поверь мне. Лучше, если сначала все поедят.»

«И что это должно значить?»

«Скоро узнаешь.»

Я фыркнула и засунула телефон обратно в карман.

Проходя мимо меня, Шепли вытащил мой телефон из кармана и положил его на полку.

— Сколько раз тебе говорить? Сотовые излучают радиацию. Хочешь себе рак кишечника? Не клади его в карманы.

— Хоть кто-то хочет себе рак кишечника? Что это за вопрос такой? Сначала мне запрещено есть «Cheetos», потом я должна заменить пластиковые бутылки для воды в машине на стеклянные, теперь же мне нельзя держать телефон у себя в кармане. Ты же знаешь, что солнце тоже может вызвать рак? И что ж, мы из-за этого должны жить в

пещере?

— Именно для этого я покупаю тебе органический солнцезащитный крем, — сказал Шепли, целуя меня в щеку.

— Ты прямо заботливая мамочка, — проворчала я.

— Я отнесу это, — сказал он, оставляя меня одну в комнате.

Я дразнила его, хотя и понимала, что он просто боялся пройти через то же, что пришлось пройти его дяде Джиму и его маме, когда те потеряли Диану. После того, как я забеременела Эзрой, он начал читать обо всем, что может нас убить, и стал запрещать для нашего употребления некоторые вещи. Он делал это из-за своей любви к нам, и, конечно же, был прав, но мое деланое раздражение помогало смягчить пугающую реальность. Мы становились старше, и у нескольких наших друзей уже обнаружили серьезные болезни. Иногда казалось, что весь мир умирает.

Входная дверь распахнулась, и в дом зашел Тэйлор, держа своих детей на руках. Позади него шла Фэйлин, неся багаж.

— Привет! — Сказали Шепли, Джим и Джек в унисон. Шепли помог Джиму встать, и они стали обнимать Тэйлора, детей и Фэйлин, а затем и Тайлера, Элли и Гэвина, которые зашли за ними.

— Боже! — Воскликнул Тэйлор. — Пахнет потрясающе!

Я уменьшила огонь в конфорке и вытерла руки о фартук, а затем вышла из кухни, чтобы поприветствовать свою семью.

Когда все наконец поздоровались, Джим оглядел комнату.

— А где Трентон?

Тайлер пожал плечами.

— Он сегодня не приезжал? Я думал, он будет здесь. Он так сказал, когда я звонил ему утром.

— Я ему напишу, — сказал Тэйлор, вытаскивая телефон из заднего кармана.

Я ухмыльнулась Шепли, указывая на Тэйлора, и он закатил глаза.

— Я же женат не на Тэйлоре, верно? — Сказал он.

Все повернулись к моему мужу, и я фыркнула.

Тэйлор поднял бровь:

— А?

— Ничего, — проворчал Шепли.

Фэйлин оглядела комнату.

— Оливии сегодня не будет?

— Они уехали в отпуск на этой неделе, — ответил Джим.

Лицо Фэйлин погрустнело:

— О.

Джим посмотрел на часы.

— Но они уже должны будут вернуться домой сегодня вечером.

Глаза Фэйлин прояснились.

— О! Ну, это... Я очень рада. Я соскучилась по ней.

Джим понимающе кивнул. Все мы знали, что Фэйлин с нетерпением ждет встречи с Оливией, когда приезжает в город, даже если сама Оливия понятия не имела, что на самом деле она действительно была частью нашей семьи, а не только лучшей подругой Трентона.

Мы стали говорить о перелете из Колорадо и новой работе Тайлера и Тэйлора в качестве страховых агентов государственного хозяйства. Шепли не смог сдержаться, чтобы не пошутить про страхового агента Джейка в штанах цвета хаки^[1]. Элли вспоминала о работе в журнале «Ухо гор» в Эстес парк, а Фэйлин и дети рассказали, что наконец распаковали все вещи, перевезенные обратно в дом Тэйлора.

[1] Забавное видео на ютубе, можно найти по запросу в гугле «Jake From State Farm Commercial».

Дверца духовки скрипнула, когда Шепли открыл ее, чтобы достать мясной рулет, я же в это время заканчивала приготовление картофельного пюре, а Элли с Фэйлин накрывали карточный стол для детей. Вскоре заскрипели о плитку стулья — взрослые рассаживались за обеденным столом.

Джим оглянулся.

— Трентон еще не дома? А Тревис все еще не возвратился?

Я прикоснулась к его руке.

— Мы переписывались с Трентоном сегодня. И я уверена, что Тревис сегодня прилетает домой.

Джим с дискомфортом заерзal на стуле, но Джек похлопал брата по спине.

— Они в порядке, Джим.

Я сдержалась, чтобы не поморщиться. Смерть Томаса сильно сказалась на Джиме. Теперь одежда свисала с него, под глазами все время были пурпурные полумесяцы, а выглядел он более хрупким, чем когда-либо. Он постоянно спрашивал о мальчиках, звонил им каждый день, чтобы проверить, как они, если те не успевали позвонить первыми. Почти все уже сами звонили во время своего обеда на работе, чтобы их отец не беспокоился.

Тэйлор, жуя, проверил свой телефон.

— Он ответил мне. Говорит, что дома. Не может сегодня прийти.

— Серьезно? — Удивленно сказала я. Это не было похоже на Трентона: он ужинал у

Джима каждый день еще до похорон.

К столу подошел агент Уорен.

— Уорен, — сказал Тайлер, прожевав. — Присаживайся. Съешь немного мясного рулета, это рецепт моей мамы. Клянусь, это будет лучший чертов рулет, который ты когда-либо ел.

— Я не понимаю, почему мы готовим, — сказала Фэйлин. — У нас в морозилке еще уйма контейнеров с едой.

— Потому что ваш папа хотел мясной рулет Дианы, — сказал Шепли. — А Джим получает то, что хочет.

Джим выдавил улыбку, приподнимая слезшие по носу очки. Несколько дней назад Камилла купила ему шнурок для очков, и хотя Джиму он не очень нравился, я думала, что он выглядит восхитительно.

Агент Уорен коснулся своего наушника:

— Да.

— Что да? — Спросила я. — Кто это?

Агент Уорен проигнорировал меня и вернулся на свой пост в гостиной. Я посмотрела на него, раздраженная его скрытностью. *Что еще мы не знаем?*

Я перевела взгляд на мужа:

— Почему он все еще здесь?

— Кто? Уорен? — Спросил Шепли.

— Что это все значит? Мы точно, — я оглянулась на детей и подалась вперед, — все еще в безопасности? Кто-нибудь слышал какую-нибудь новую информацию о том, как продвигается Трэвис с делом Карлиси?

Джим покачал головой, отставляя тарелку.

— Не голоден? — Спросила Дина.

— Это очень вкусно, — сказал Джим с извиняющимся взглядом. — Просто в последнее время я быстро наедаюсь. Нет аппетита, я полагаю.

— Просто попробуй, — сказала Дина. — Это же Дианин рецепт, — добавила она. — Боже, я по ней скучаю. Думаю, она бы уже заставила тебя прийти в норму.

— Она могла бы, — сказал Джим с коротким смешком, но затем его улыбка исчезла. — Она сейчас вместе с Томми.

Мы закончили ужин, и я принесла десерт — слоеный торт с шоколадной глазурью. Дети смешили свои кусочки с небывалой скоростью.

Входная дверь распахнулась.

— Привет, Мэддоксы! — Сказала Оливия, появившаяся в проходе со своей яркой улыбкой. За время поездки она получила бронзовый загар, отчего ее зубы выглядели еще

белее, а веснушки стали незаметнее. Ее волосы выглядели еще светлее, чем раньше, а Фэйлин засияла, как только увидела ее.

— Оливия! — Сказала Фэйлин, бросаясь к ней и крепко обнимая. Фэйлин слегка отступила, чтобы лучше ее рассмотреть. — Черт возьми, выглядишь потрясающе. Как прошел отпуск?

— Хорошо. Немного грустно. Мама ведет себя так, будто это наши последние дни вместе. Я продолжаю говорить ей, что у нас уйма времени, но она совсем расклеилась, — Оливия затеребила рваные края своих шорт. Она была одета в белую майку и короткий топ с короткими рукавами поверх нее. Все мы восхищались, в какую прекрасную молодую девушку она превратилась. К горю парней Истерна, которые обратят на нее внимание — для Мэддоксов они на один зубок. Оливия уже со средней школы отказывалась приводить домой мальчиков, потому что Трентон был слишком пугающим для них.

Близнецы вместе с женами закончили убирать со стола, а Джессика, Джеймс и Эзра ставили последнюю посуду в посудомойку, когда все затихли. Младшие дети начали проситься поиграть на улице, когда Уорен стал посматривать в окно и шепотом говорить что-то в наушник.

— Оставьте детей в доме, — сказал Уорен Шепли, и я помогла мужу загнать их всех в кухню, подальше от окон с выходом на улицу.

— Трентон передумал? — Спросил Тайлер, нахмурившись. Он еще раз проверил свой телефон, после чего положил его на полку. Послышался звук подъезжающей машины, и я поближе прижала Элай с Эмерсоном.

— Меня попросили передать, чтобы вы сохраняли спокойствие, — сказал Уорен. Он посмотрел на Джессику и Джеймса. — У нас гости.

— Что это, черт возьми, значит? — Спросил Шепли.

— Подъехали Трэвис и Лииз, — ответил Уорен, раздраженный, что так много приходится объяснять.

Мы все расслабились, ожидая сигнала от Уорена. Никто не знал, что происходит, но мы уже привыкли к тому, что нас держат в неведении, и ожидать чего-то, что вот-вот должно произойти, стало слишком обыденным.

Входная дверь распахнулась, и внутрь вошли Трэвис, Эбби и Лииз, за которыми следовали агент Хайд и Вэл. Дверь закрылась за ними, и Трэвис зашел на кухню с виноватым выражением лица.

— Только, пожалуйста, выслушайте меня. Это будет трудно, и в начале вы не поймете нас, но потом... Потом вы поймете.

— Что происходит, Трэв... — Начал Шепли, и тут из-за агента Хайд вышел Томас.

Комната наполнилась множеством вздохов.

Из глаз Джима полились слезы, и он прохромал к своему сыну, падая в объятия Томаса. Дети начали кричать, а Холлис подбежал и стал обнимать своих дедушку и дядю. Элли с

Фэйлин стояли, прикрыв руками рты, а по их щекам текли слезы.

— Вы солгали? — Воскликнул Шепли, утешая своих родителей.

— Почему? — Выдавил Тайлер.

— Мне плевать, почему, — сказал Тэйлор и поспешил обнять своего брата. Тайлер последовал за ним, и вскоре мы все столпились вокруг Томаса, обнимая его и всхлипывая.

В гостиной было тихо, не считая тихое гудение вентилятора на потолке и шум поливалки во дворе. Мы утешили детей и пообещали позже им все объяснить, отправляя их играть наверх. Они не хотели, но понимали, что взрослым надо обсудить все это.

Оливия осталась внизу, суетливо покачивая Стеллу и глядя ее по спине. Фэйлин стояла рядом, стараясь помочь. Остальные расселись на диван или на стулья, принесенные из-за стола. Лица у всех были красные и припухшие от рыданий, а Дина продолжала высмаркиваться и вытягивать из коробки одноразовые платочки.

Томас сидел в кресле рядом с отцом, держа его за руку. Джим улыбался. Облегчение, испытываемое им, казалось, заполняло всю комнату. Шок и облегчение остальных прошли, и теперь братья были запутавшиеся и сердитые. Томас выглядел готовым ко всему, и я могла сказать еще до всех его слов, как он сожалеет о боли, причиненной его близким.

— Ты знал об этом? — Спросил Шепли у Трэвиса.

— Да, — ответил он.

— Кто еще? — Спросил Тэйлор.

— Я знала, — сказала Лииз.

Лица братьев исказились от гнева.

Лицо Тайлера покраснело, и он, прищурив глаз, посмотрел на нее:

— Ты смотрела моему папе прямо в глаза, зная о его здоровье, и сказала ему, что его сын мертв?

Лииз кивнула.

— Она не хотела, — сказал Трэвис. — У нас не было выбора. Было слишком много людей, кто мог совершить ошибку, а за нами следили. Очень пристально.

— Должен был быть другой вариант, — сказала Элли.

— Его не было, — ответил Томас. Он сжал руку Джима. — Хотелось бы мне, чтобы он был, но нет. Мне не хотелось пропускать первый месяц жизни Стеллы, но мы знали, что если фальсифицируем мою смерть, и Лииз объявит, что не будет продолжать дело, то вместе с исчезновением Мика это может заставить их отступить.

— Вы сделали все это, потому что это *могло* сработать?

— Мы должны были быстро принять решение. К моему дому ехали вооруженные бандиты. Они уже стреляли в Трэвиса, думая, что на его месте Эбби. Нам нужно было выиграть время. Может, если бы его было больше, мы бы придумали другой план, может, перевезли бы вас всех в безопасное место, но у нас не было времени. Они могли убить каждого из вас. После того, как они узнали о моей смерти, они отступили.

— Почему вы не подстроили смерть Трэвиса? — Спросила я.

Эбби зыркнула на меня:

— Потому что он убил людей, которые за ним пришли, прямо перед кучей народа.

— Ты тоже знала об этом, верно? — Спросила я, закипая. В жизни я не была на нее зла так, как в этот момент.

— Да, — сказал Томас. — А еще агенты, которые обеспечивали безопасность, и директор ФБР. Это все. Больше никто не знал.

Мы все смотрели друг на друга, покачивая от недоверия головами. Казалось, никто не знал, как должен себя чувствовать: то ли следовало радоваться, что Томас жив, то ли сердиться, что они заставили пройти нас через ад.

Уорен коснулся наушника и посмотрел в окно.

— Сэр, — начал он.

Томас встал и улыбнулся:

— Это Трент и Кэми.

Томас помог Джиму встать, и они пошли встретить их. Остальные пошли следом.

Кэми стояла у пассажирской двери ее Тойоты Такома, держа дверь открытой и наклонившись внутрь, чтобы уговорить Трента выйти. Она остановилась и повернулась к нам, увидев, что все мы уставились на них. Она подошла к Томасу и обняла его, закрыв глаза.

Я взглянула на Лииз, позади которой все еще держала на руках Стеллу Оливия. Было нетрудно понять, каким странным было их положения, но я, черт возьми, ожидала, что Камилла будет более сдержанной.

— Ну ладно, — я оттолкнула Томаса назад, и он, казалось, испытал облегчение. — Вам следует дать нам объяснение получше. И вы должны извиниться. Все вы, — сказала я, указывая на Трэвиса, Эбби, Лииз и агентов.

Томас махнул рукой своим коллегам:

— Оставите нас на минутку?

— Сэр... — Начал Уорен.

— Пожалуйста, — сказал Томас. Это явно была не просьба, и агенты поняли это и послушались.

Камилла заправила свои серебряные волосы за ухо.

— Он... У меня ушло много времени, чтобы уговорить его приехать сюда. Единственная причина, по которой он согласился это сделать, это чтобы мы проверили папу.

Томас кивнул, а Трэвис повел Джима вперед. Трентон вышел и пошел вперед, стараясь не смотреть ни на кого, кроме отца.

— Ты в порядке? — Спросил Трентон.

Джим потянулся к Трентону, и они обнялись.

— Перестань. Он твой брат. Ты можешь не понимать, почему он сделал это, но ты и не должен. Это не то, что важно, — он выпустил Трентона и оглянулся на свою семью. — Важно то, что вы есть друг у друга. Я говорил это чертову сотню раз. Вместе вы, мальчики, способны на что угодно. Но вы не можете допустить, чтобы эти выродки вас разлучили. Это то, что они пытались сделать с помощью оружия. Так не позволяйте им сделать это из-за лжи.

Трентон уставился на землю, а Джим обернулся свою руку вокруг его шеи.

— Я в порядке. Теперь, когда знаю, что в порядке он. А сейчас мне нужно знать, что вы все в порядке. Обними своего брата. Скажи, что любишь его. — Трентон не двигался с места. — Сейчас, черт подери, — скомандовал Джим.

Трентон моргнул, а затем перевел взгляд с земли на Томаса.

— Мне правда очень жаль, — сказал Томас, и его глаза заслезились. — Ты должен понимать, что специально я никогда не причинил бы вам боль. Мне надо было словить пулю и оставить свою новорожденную дочку на пять недель, чтобы держать всех в безопасности, и, Боже, я это сделал. Потому что я вас люблю. Мне жаль, что я вляпался во все это. Если бы я мог вернуться назад и все изменить, я бы сделала это.

Трентон какое-то время смотрел на своего брата, а потом перевел взгляд на Трэвиса.

— Трент, — сказал Трэвис, покачав головой. Он протянул руку вперед. — Прости, чувак. Если бы у нас был другой вариант, я бы сделал все иначе.

Трентон сделал несколько шагов и обнял братьев, а потом к ним присоединились близнецы. По щеке Джима потекла слеза, а все жены тихонько плакали. Из кучи братьев вылезла чья-то рука и схватила Шепли, притянув и его тоже. Я закрыла рот, наполовину плача и наполовину смеясь.

В следующий момент один из братьев закряхтел, и из их кучи вылетел Томас, держась за живот. Трэвис и близнецы отпустили друг друга, а Трентон направился к Томасу.

— Нет! — Воскликнула Камилла. — Трентон, стой!

— Это твой единственный раз, — сказал Томас, уклонившись от второго удара Трентона.

Близнецы переглянулись и, улыбнувшись, стали обходить Томаса, чтобы атаковать. Трэвис подскочил, чтобы защитить старшего брата от близнецов, и в итоге только что обнимающаяся куча Мэддоксов стала кататься по земле и, улыбаясь, бить друг друга.

— Ох! Боже! — Сказала Дина, отводя взгляд.

Шепли вытянул руки, пытаясь заставить их прекратить, в то же время уклоняясь от

кулаков братьев.

— Стоп! — Закричала Элли.

— Тэйлор! Прекрати! — Сказала Фэйлин.

Тэйлор на полсекунды отвлекся, чтобы взглянуть на свою жену, из-за чего получил от Трэвиса удар в челюсть.

Рука Фэйлин взметнулась ко рту, а Эбби с недоумением покачала головой.

— Вы идиоты, — проворчала она.

Тайлер размахнулся и ударил Трэвиса в челюсть, отчего его кровь забрызгала Эбби от лба до талии. Она одновременно отпрыгнула назад, закрыла глаза и вытянула руки, растопырив пальцы.

Трэвис посмотрел на Тайлера.

— Это твой единственный раз, — он слизал кровь с губы, расстегнул рубашку и отдал ее жене. — Как в старые-добрые времена.

Я закатила глаза:

— Ох, мерзость.

Братья наконец-то стали останавливаться, повставали и, уперев руки в бока, стали тяжело дышать.

Джим покачал головой, а Эбби ухмыльнулась, вытирая кровь со своего лица:

— Ох уже эти мальчики-Мэддоксы.

ГЛАВА 24

Томас

Во время нашей драки половина моей рубашки вылезла из брюк, и я использовал ее, чтобы вытереть кровь с костяшек пальцев, прежде чем подойти к папе. Я обхватил его щеки руками и заглянул в глаза. Он плакал слезами счастья с тех пор, как я зашел в дом, и слезы все еще катились, пока мы стояли на передней лужайке.

Мы с братьями были покрыты кровью, грязью и пятнами от травы, прямо как в детстве, когда играли на улице и начинали драться с кем-то или друг с другом.

— Прости, что заставил тебя через это пройти, — сказал я.

Папа глубоко вздохнул.

— Тебе не надо извиняться, сынок. Ты сделал то, что по твоему мнению было лучшим для семьи. — Он положил руку мне на плечо. — Я просто рад, что ты дома.

Я обнял его, удивляясь, как сильно он похудел с тех пор, как мы виделись в последний раз. Он закашлялся, после чего захрипел, отпуская меня, чтобы поднести кулак ко рту.

— Мэддокс, — сказала Вэл, подбегая ко мне. — Только что звонили из офиса. Они нашла Лину.

— Что? — Вскрикнула Эбби. По ее щекам побежали слезы, и она схватилась за рубашку Трэвиса. — Наша Лина? — Она отпустила его и сделала шаг назад.

Трэвис приобнял свою жену.

— Она была под прикрытием, — оцепенело сказал он. — Такое случается.

— Такое случается? — Закипела Эбби. — Трэвис, она мертва! Что произошло? — Ее глаза стали перемещаться с одного предмета на другой, пока она осмысливала информацию. — Ее полное имя. Коколина, — прошептала Эбби и с диким взглядом посмотрела на Трэвиса. — Лина — это Коко? Та самая, про которую ты недавно говорил, что вы потеряли ее местонахождение?

— Нам нужно было внедриться, — сказал Трэвис, все еще приходя в себя после новостей. Он посмотрел на Вэл. — Все случилось быстро?

— Удар тупым предметом и пуля в голову, — ответила Вэл. Она взглянула на Эбби, а затем продолжила, обращаясь только ко мне. — У нас есть основания полагать, что это была Кьяра.

— Кьяра — это телохранитель миссис Карлиси, верно? Джи... Джиады? — Спросила Эбби. — Зачем ты послал ее к Карлиси, Трэвис?

Лицо Трэвиса поникло:

— Это было ее новое назначение.

— Ты выдал ее замуж за этого монстра? — Закричала Эбби.

Трэвис в отчаянии взглянул на меня. Я кивнул, и он заговорил.

— Ее назначением было привлечь внимание Анджело Карлиси и проникнуть в семью. Поэтому мы знали, что будем в безопасности, как только Томас вернется домой. Она следила за ними.

Рот Эбби приоткрылся.

— Лина была его новой женой? Ты ненормальный? Он же животное!

— Был животным, — сказал я. — Он мертв.

Эбби отпрянула от Трэвиса. Он потянулся к ней, но она опять отстранилась. Он вздохнул.

— Она была его типажом, Эбби. И знала их язык. Она была единственной.

— Ну а теперь она мертва, — застонала Эбби, отводя взгляд, не в силах смотреть Трэвису в глаза.

— Ты вообще меня слышал? — Огрызнулась Вэл. — Джиада и Кьяра были замечены в Икинсе. Все должны зайти внутрь.

Я кивнул.

— Давайте. Все вну...

Папа сузил глаза, глядя на дорогу, у затем бросился на меня:

— Все вниз!

Пули полетели в дом, в машины, разбивали окна. Уорен выскочил на улицу, прицеливаясь из своего пистолета в проезжающий черный Линкольн. Хайд стояла рядом с ним, выпустив всю обойму из своего полуавтоматического пистолета, прежде чем опуститься вниз на колени, чтобы перезарядить его.

Я осмотрел двор, где на земле лежала вся моя семья.

— Все в порядке? — Закричал я. Я посмотрел на папу, и он кивнул. Я похлопал его по плечу. — Однажды полицейский...

— Всегда полицейский, — хмыкнул папа, вставая с земли.

Стелла захныкала, и Лииз взвизгнула.

— Оливия? — Лииз вытащила нашу дочь, которую Оливия прижала к земле.

Фэйлин закричала и кинулась к Оливии, падая на колени и обхватывая ее обмякшее тело.

— Оливия?

Половина лица и тела Стеллы была пропитана малиновой лужей, в которой она лежала на земле. Я потянул руку, чтобы коснуться шеи Оливии и почувствовал слабый пульс, который становился все более незаметным с каждой секундой. Я прижал ближе к себе жену и дочь, оглядываясь на Вэл и Уорена, которые были в состоянии боевой готовности.

— О-о? — Подползая, сказал Трентон.

— Стелла в порядке? — Прошептала Оливия.

— Конечно, она в порядке, детка, ты спасла ее, — ответил Трентон. — Это то, что делают Мэддоксы.

Оливии удалось слегка улыбнуться, а затем ее лицо расслабилось, как будто она заснула. Фэйлин встряхнула ее.

— Оливия? — Воскликнула она.

Трентон сел на колени, касаясь ладонью своего лба. Он оглянулся на меня, и когда я помотал головой, упал вперед, держа Оливию за щиколотки.

— О, Боже, нет. Пожалуйста, нет. Пожалуйста, нет!

Камилла села рядом с Трентоном, по ее лицу текли слезы. Она коснулась его спины, не зная, что делать.

— Кто-нибудь, вызовите чертову скорую помощь! — Закричала Фэйлин. — Почему вы просто стоите? Сделайте что-нибудь!

— Ее больше нет, — сказала Лииз, шмыгая носом.

Тэйлор сел рядом с Фэйлин и стал придерживать жену, пока она качала свою дочь, глядя ее по испачканным волосам. Она издала звук, смежный между стоном, рычанием и криком. Звук, полный ярости и опустошения, и я был уверен, что этот звук может издать только мать, потерявшая своего ребенка.

Элли закрыла свой рот, а затем кинулась внутрь. Тайлер побежал за ней.

Я указал на Вэл:

— Проверь детей.

Вэл кивнула, перепрыгнула через лестницу на крыльце, распахнула дверь и вбежала внутрь.

— Все внутрь! — Закричал Уорен. — Они возвращаются!

Лииз побежала со Стеллой, потянув за собой Эбби.

— Трэвис! — Крикнула Эбби, но он встал рядом со мной, вытаскивая свой пистолет.

— Нет! — Завопила Фэйлин, когда Тэйлор попытался оттащить ее. — Нет!

Тэйлор изо всех сил пытался увести внутрь жену и безжизненное тело Оливии.

— Оставь ее, — приказал я.

— Иди к черту, — выплюнула слова Фэйлин.

— Я останусь, — сказал Трентон, глядя на свою лучшую подругу.

Камилла кивнула, взяв за руку Трентона, после чего, закрыв глаза, взяла за руку Оливию и прижала ее к своему лицу, по которому текли слезы.

Тэйлор, наконец, оттащил Фэйлин, не обращая внимание на то, что она пыталась вырваться и тянулась к своей дочери.

Линкольн мчался на нас. Кьяра сидела на пассажирском сидении, целясь из полуавтоматической винтовки. Виттория, теперь уже вдова Карлиси, была за рулем. Когда машина стала подходить ближе, я потянулся за оружием в кобуре, но оно исчезло. Передо мной встал папа, держа мой пистолет и направляя его на Линкольн.

— Папа, ложись! — Закричал я, а Кьяра в этот момент спустила курок.

Пули вновь стали стрелять в двор и дом, но папа продолжал идти вперед и стрелять в Линкольн один, второй, третий раз подряд. Одна из его пуль попала в машину, отчего та вильнула, ударились о дорожное ограждение и влетела в лодку и грузовик во дворе соседа напротив. Двигатель машины вспыхнул, и мы стояли, наблюдая, как она горит.

Папа упал на колени, и мы с Трэвисом одновременно закричали его имя. Пока на заднем плане горел огонь, мы помогли папе лечь на землю. Я прижал руки к красным пятнам, которые стали появляться на его рубашке, но их оказалось больше, чем моих рук, и кровь стала распространяться по рубашке. Его дважды ранили в грудь и один раз в живот.

Наши с Трэвисом взгляды столкнулись. Он выглядел таким же испуганным, каким я чувствовал себя.

Члены нашей семьи стали друг за другом выходить наружу, в неверии оглядывая весь этот хаос. Трентон подполз к папе, и я понял, что ему попали в икру. Фэйлин упала на колени рядом с Оливией, прижимая ее к себе. Ее крики разрывали воздух, показывая, как невыносима была ее боль. Камилла рыдала рядом с Трентоном, Трэвисом и мной. Близнецы вышли наружу и помчались к нам.

Вэл по передатчику рассказывала о случившемся и запрашивала машины скорой помощи и пожарной. Хайд побежала к Линкольну, но жар от пламени заставил ее отступить, поэтому она побежала в соседский дом, чтобы проверить, не пострадал ли кто, и вскоре выбежала обратно, показывая, что дом был чист.

— Скорая едет, папа, держись, — выдавил я.

Папа улыбнулся:

— Я очень устал. И я бы очень хотел увидеть вашу маму.

Трэвис выдохнул, его нижняя губа дрожала. Трентон основанием кистей вытирая глаза, а близнецы стояли, тихо плача.

Папа потянулся, чтобы коснуться моей щеки:

— Оставайтесь вместе. Любите друг друга. Я серьезно, черт побери.

Уголок моего рта дернулся, и я почувствовал горячий след слезы, прокатившейся до моего подбородка.

— Мы любим тебя, папа.

— Мы любим тебя, — сказал Трэвис.

— Люблю тебя, — всхлипнул Трентон.

— Мы любим тебя, — в унисон сказали близнецы.

— Я люблю тебя, — рыдая, сказала Камилла.

— Спасибо, что был нашим папой, — сказала Эбби, выдавливая улыбку.

Его взгляд прошелся по каждому из нас, а потом он прошептал:

— Мое сердце заполнено.

Одинокая слеза появилась в углу папиного глаза, потекла по его виску и попала в ухо. Он выдохнул в последний раз и канул в небытие.

Летний ветерок разносил черный дым, поднимающийся от Линкольна Карлиси, по окрестностям. Завыли сирены, по громкости схожие с плачем Фэйлин, но рев огня был слышнее всего. Тепло доносились от пламени, создавая волны в воздухе, будто мы в разгар дня находились в пустыне. Наш двор был больше похож на зону боевых действий, чем на место из моего детства с травой, пропитанной нашей кровью от драк.

Камилла разорвала свою рубашку и обвязала ее вокруг ноги Трентона, но он едва заметил, держа руку папы и прикладывая ее к своим губам.

— Он ушел?

Я посмотрел вниз, и из меня вырвались рыдания. То же самое было с моими братьями. Мои окровавленные пальцы сжимали папино запястье, и отсутствие пульса на нем было единственным безмолвием посреди окружающего нас хаоса. Он ушел.

25 ГЛАВА

Джим

— Джим? — Позвала из кухни Диана. Она стояла у открытого холодильника, хмурясь и все равно выглядя восхитительно в черном свитере и замшевой юбке с большими черными кнопками. — Я думаю... Думаю, нам надо вызвать ремонтника.

Я не смог удержаться от улыбки, наблюдая, как углубляются две складочки между ее бровями.

— Почему, любимая?

— Ну, тут не так уж и холодно, и... — Она открыла молоко и понюхала, от чего исказилось ее лицо. — Ага. Испорчено.

Я усмехнулся.

— Это не смешно! Мы только что купили этот дом. На какие деньги мы вызовем ремонтника? И что будем делать, если он скажет, что нужен новый холодильник?

— Тогда я возьму дополнительные часы, и мы купим новый холодильник.

Она закрыла дверцу и вздохнула, положив руку на бедро.

— Джеймс, — сказала она. Она называла меня так только тогда, когда собиралась на меня поворчать. — Ты не можешь просто взять дополнительные часы и купить холодильник. Они же стоят минимум...

— Дорогая, — сказал я, пересекая кухню, чтобы взять ее за руки. — Я позабочусь об этом.

— Хорошо, потому что есть кое-что еще.

Я поднял бровь.

— Я беременна.

Я схватил ее и крепко сжал, наверное, даже слишком крепко, чувствуя, как на глазах наворачиваются слезы счастья.

— Это нормально? — Спросила она меня у самого уха.

Я отпустил ее, посмеиваясь и вытирая глаза.

— Нормально ли это? Как будто мы можем вернуть его обратно?

Она выпятила нижнюю губу.

— Миссис Мэддокс, — сказал я, медленно качая головой. — Ребенок намного лучше, чем сломавшийся холодильник.

Я сидел в конце зала, наблюдая, как мои сыновья готовятся прощаться со мной. Похороны Оливии были за день до этого, и все они выглядели изнуренными и разбитыми. Больше всего мне хотелось поддержать их и помочь им пройти через их горе, но в этот раз я не мог быть рядом с ними.

Томас шагнул вперед и, поправив черный галстук, сложил перед собой руки. *Конечно, он запомнил*, — подумал я, улыбаясь.

Еще после его выпуска из Истерна я знал, что он переехал на Восточное побережье, чтобы работать на правительство. Я точно не знал, куда именно, но после встречи с Лииз понял, что это было ФБР. Я никогда не злился. В этом был весь Томас: он хотел защитить всех вокруг себя. Я жалел только о том, что не прояснил это, не сказал ему, что нет нужды скрывать это от меня, хотя в то же время мне хотелось, чтобы он сам рассказал мне об этом, когда станет готов.

— Я встретил Джима Мэддокса, когда ему был всего двадцать один год. Детали расплывчаты, но он говорил мне неоднократно, что этот галстук со второго, после свадьбы с мамой, лучшего дня его жизни, дня моего рождения. Я научился многому у своего отца. Как быть хорошим мужем, хорошим отцом, и что не важно, сколько раз я совершил ошибки, никогда не поздно изменить это. Он позволил мне верить, что я защищал его, но в действительности это он защищал меня. Мы всегда могли рассчитывать на него, он всегда прикрывал наши спины, даже когда он надрывал задницу, вкладывая все силы в то, чтобы из нас не вышли абсолютные поганцы. Мы глубоко уважали нашего отца, потому что он действительно заслуживал уважения. Мы любили его, потому что он заслуживал любви. Он был хорошим, миролюбивым мужчиной, и он был нашим героем, вплоть до последних секунд его жизни. С уверенностью могу сказать, — Томас прочистил горло, — что не было ни единого момента, когда я не чувствовал его любви.

Он сделал шаг назад, чтобы встать рядом со своими братьями и Шепли, а потом выпрямился, расставив ноги на ширине плеч и сложив перед собой руки. Он оставался агентом ФБР, даже когда по его щекам текли слезы.

Лииз, Фэйлин, Элли, Камилла и Эбби сидели в первом ряду с Америкой, и между каждой из них оставалось пустое место. Джек с Дианой сидели на ряду за ними вместе с еще двумя рядами сотрудников отдела полиции в парадной форме.

Остальные места заняли члены семьи и друзья, соседи и мои братья из Каппа Сигма, которые еще остались в живых. Люди, которые встречали мне на жизненном пути, приходили и уходили по разным причинам. Все эти люди оставили свой след в моей жизни, и этот след останется со мной навечно.

Диана вошла в гостиную, держа Томаса за руку. Ее живот уже вырос, храня наших будущих двух детей. Ее глаза блестели от волнения.

— Чувствуешь запах, Томми?

— Тут воняет, — ответил он, морща нос.

Я встал с кресла и в носках пошел по комнате, нагнувшись, чтобы схватить Томаса.

— *Воняет?* Что значит воняет? — Проворчал я, щекоча его. Он выгнул спину, хихикая и дергая ногами, чтобы освободиться. — Папа все выходные красил и укладывал ковер! — Я, наконец, отпустил его. Я думал, что он убежит, и собирался догонять его, но вместо этого он обнял меня за ногу. Я похлопал его по спине, а Диана глубоко вздохнула через нос.

Диана покачала головой, с благоговением глядя на результаты моей упорной работы.

— Ты удивителен, мистер Мэддокс.

— Новый холодильник, новый диван... Теперь новый ковер и цвет стен! У нас будет целый новый дом к тому времени, как мы решим его продать.

Диана игриво толкнула меня локтем:

— Мы никогда не продадим этот дом.

Томас показательно помахал ладошкой перед своим носом.

— Потому что здесь воняет.

— Нет, это чудесно. Это запах свежей краски, нового ковра. И папа, — она сделала паузу, а я наклонился через ее живот и чмокнул ее в губы, — даже занес всю мебель обратно, пока мы ходили за продуктами.

— О! — Сказал я, направляясь к началу подъездной дорожки. Я открыл багажник, вытащил оттуда коричневые бумажные пакеты и понес их в дом. Заходя в дом, я подул на листья сельдерея, которые торчали и щекотали мое лицо. Диана захихикала над выражением моего лица, пока я ставил продукты на прилавок, а потом стала доставать продукты. — Еще два, — сказал я и трусцой побежал обратно к машине. Я достал оставшиеся пакеты, захлопнул багажник и, насвистывая, пошел обратно.

Я был рад, что закончил с покраской и ковром, и теперь мы могли насладиться моей последней свободной ночью перед работой. Незадолго до этого я отметил два года работы в полиции Икинса. У нас было не так много совместных свободных воскресений, а сейчас мы могли расслабиться в нашей практически новой гостиной.

Я прошел через коридор на кухню, но резко замер. Томас и Диана ошеломленно смотрели на лужу на линолеуме.

В первые полсекунды я забеспокоился о разбитом стекле, но потом вдруг понял, что у нее отошли воды. Во время рождения Томаса доктор сам сделал прокол водного пузыря, поэтому я был удивлен увидеть Диану, стоящую босиком в грязной жидкости и шевелящую пальцами. Но она даже не говорила, что у нее начались схватки.

Она что-то промычала, и ее колени подкосились. Она оперлась на холодильник, чтобы не упасть.

— Джим? — Сказала она пронзительным голосом.

— Ладно. Малыши на подходе. Без паники. Сейчас возьму сумку и вернусь. — Я побежал по лестнице, и уже хватая ремешок сумки, услышал стон Дианы. Я преодолел лестницу в три прыжка, чуть не сломав лодыжку из-за неудачного приземления.

— Ох! — Вскрикнула Диана, вытягивая свободную руку.

Томас появился с намоченным полотенцем.

— Молодец, сынок. Готов встретить своих маленьких сестричек или братьев?

Томас широко ухмыльнулся, когда я взял его и поднял вверх, держа одной рукой. Другой рукой я поддерживал Диану и наклонил голову так, чтобы она смогла обхватить мою шею. Я отошел вбок к машине, помогая Диане залезть. Томас сел посередине сиденья, поглаживая волосы своей мамы, пока она делала глубокие вдохи.

— Черт! Ключи!

— На столе, — сказала она, стараясь контролировать свой голос. Она начала свои занятия по Ламазу^[1], а я развернулся на пятках и побежал в дом, схватил ключи и вернулся обратно. Запрыгнув за руль нашего зеленого Chevrolet Chevelle 70го года, я переключил передачу, а потом, протянув руку через сиденье позади Томаса и Дианы, развернулся и нажал на газ.

[1] Метод Ламаза («роды по Ламазу») — техника подготовки к родам, разработанная в 1950-х годах французским акушером Фернаном Ламазом в качестве альтернативы медицинскому вмешательству во время родов.

Диана поймала Томаса, когда он полетел вперед из-за моего резкого движения, и посмотрела на меня с широко раскрытыми глазами.

— Доставь нас целыми, папа, — сказала она.

Я кивнул, немного смутившись. Я был полицейским. Я не должен был паниковать, но уже четыре с половиной месяца нервничал после того, как узнал про близнецов. Столько всего может пойти не так при рождении одного ребенка, не говоря уже о двух.

Диана наклонилась, схватилась за живот и застонала. Я переключил передачу, и мы помчались в больницу.

Томас приобнял Трентона за плечи, в то время как Тэйлор встал за своим близнецом на подиуме. Тайлер чуть двинул тонкий серебряный микрофон и жестом показал Тэйлору начинать. Тэйлор метнул взгляд в Тайлера, будто это было не тем, о чем они договаривались, но подошел и наклонился.

— Папа был лучшим помощником тренера. У него был напряженый график работы с постоянной занятостью, но я не помню, чтобы он когда-нибудь пропустил игру. Он не так много тренировал, но помогал маме носить сумки с мячами и болел за нас со скамейки запасных. Все говорили, что у нас были лучшие родители. Когда мама умерла, больше никто этого не говорил, но для нас они оставались совершенными. Когда папа

перестал так сильно скучать по маме, он начал с того же места, где остановился. Он тренировал нашу команду, — Тэйлор сделал паузу, выдохнув с тихим смехом. — Мы не особо много выигрывали, — в зале раздались смешки, — но мы любили его, и он покупал нам мороженое после каждой игры, не важно, выиграли мы или проиграли. Он упаковывал нам обеды, возил на футбольные тренировки и принимал участие в каждой нашей игре. Когда папа был рядом, ничего не могло меня напугать — то ли потому, что он всегда знал, что надо делать, то ли потому, что всегда поддерживал. Он был самым сильным человеком, что я знал, и мои братья пошли в него. Я знаю, что уйти, защищая свою семью, было именно тем, что он хотел. — Тэйлор кулаком прикоснулся к носу. — Мы не могли бы иметь лучшего папы, правда. Как и наши жены. И у моих детей был лучший Большой папа. Хотелось бы, что мы жили ближе, чтобы они смогли получше друг друга узнать, но время, которое он с ними провел, оставило свой след. И я хочу, чтобы все помнили это о Джиме Мэддоксе. Его жизнь оставила след.

Тайлер обнял своего брата, а потом развернул листок бумаги. Его губы задрожали. Он несколько раз переводил взгляд с толпы на листок, прежде чем смог заговорить. Он откашлялся и глубоко вздохнул. Тэйлор положил руку ему на плечо, Томас сделал то же самое, а затем и Трэвис с Трентоном выразили поддержку своему брату.

Губы Тайлера образовали букву О, и он выдохнул.

— Я любил своего папу, — сказал он срывающимся голосом.

Он сглотнул и покачал головой. Томас похлопал его по плечу, поддерживая.

— Ему приходилось делить время между пятью сыновьями и женой, но я никогда не чувствовал себя так, будто мне приходилось ждать внимания от него. Мы не были богаты, но я не помню, чтобы мне приходилось чего-то хотеть. Я помню смерть мамы. Я задавался вопросом, женится ли он когда-нибудь еще раз, потому что он всегда говорил, что не существует такой женщины, как наша мама. Когда Трэвис уехал в колледж, я спросил его, изменил ли он свое мнение, думая, что, может, он просто был сосредоточен на своих детях. Но он сказал, что единственная женщина, которую он любил, ждет его на Небесах. Я просто... Я люблю своего папу, и мне грустно, что он ушел, но я счастлив за них, ведь теперь они там вместе. Они так долго ждали момента своего воссоединения, и мне становится легче от мысли, что прямо сейчас они рядом, не могут друг от друга оторваться и тошнотворно мило смотрятся среди своих друзей и родственников.

Толпа хихикнула.

— Они были практически неразлучны с тех пор как встретились и до самой маминой смерти, и я знаю, что папа так и не оправился. Так что, пап, я рад... Я так счастлив, что ты теперь с мамой. Я знаю, она говорит тебе, что гордится тем, как хорошо ты о нас заботился, потому что так и есть.

— Вперед! — Кричала Диана, стягивая с головы белую бейсболку с синим козырьком и размахивая ей. — Беги, беги, беги, беги!

Тэйлор бросил биту и бросился вперед, несясь так быстро, как только позволяли его короткие ножки. Наконец он достиг белого квадрата и стал прыгать вверх-вниз, как только понял, что успел раньше меча.

Диана прыгала вместе с ним, вопя, крича и продолжая давать ему пять. Тэйлор сиял, будто это был лучший день в его жизни. Потом Диана переключила свое внимание на следующего отбивающего, продолжая хлопать в ладоши, пока походила к нему. Томас бросил ей из дагаута новый мяч, и она разместила его, говоря Крейгу Портеру сфокусироваться на цели и бить наотмашь. Это была наша последняя попытка и последний тайм, а мы отставали на два очка. Крейг попятился и размахнулся так, что Диана еле успела уклониться от биты, чтобы не получить по лицу. Мяч не пролетел и полпути между базой и горкой питчера, но она закричала ему бежать.

— Беги! Да! Беги, Крейг! Беги так быстро, как позволяет тебе твоё сердечко! Тэйлор, давай! — Сказала она, когда заметила, что ее маленький сын до сих пор не начал бежать.

Тэйлор сорвался с места, но шорт-стоп поймал мяч и бросил его на вторую базу. Ни секунды не думая, Тэйлор перепрыгнул через нее и продолжил бежать, потом он остановился на базе и снял свою кепку будто он был богом бейсбола.

— Да! Это мои мальчики! — Аплодировала она, указывая на них двоих на базе. — Получите!

Тайлер вышел на площадку, выглядя круто и пугающе, будто ничего кроме него и мяча не существовало.

— Отлично, сынок, — сказала Диана, оперевшись на свои колени. У нее во рту был большой комок розовой жвачки, которую она яростно пережевывала. — У тебя получится. Расслабься. Смотри на мяч и слушай свое сердце. — Она трижды хлопнула, отходя от него. Тайлер был нашим лучшим отбивающим.

Тайлер вздохнул, встряхнул бедрами и замахнулся. Он ударил по мячу, но тот упал рядом с ним. Он нахмурился, разочарованный в себе.

Диана похлопала его по спине.

— Давай, встряхнись. Время, когда все получится, пришло.

Тайлер кивнул и постучал битой по своим бутсам. Он наклонился вперед, занял правильную позу, а затем размахнулся и запустил мяч на горку питчера. Мяч отбили, попадая прямо между второй и третьей базой, и соперники погнались за ним.

— Беги, беги, беги! — Кричала Диана, размахивая шляпой. — Беги на вторую! — Когда Тэйлор остановился на третьей, она жестом стала подзывать его к себе.

— Домой, малыш! Домой, домой, домой. Продолжай бежать, Крейг, не останавливайся! Тэйлор, домой!

Тэйлор проскользил до дома и остановился. Диана схватила его и притянула к себе поближе, крича Крейгу, который прибежала на несколько секунд позже. Третий бейсмен поймал мяч от шорт-стопа, и он швырнул мяч кетчеру.

— Возьми его, Мэддокс, — гаркнула Диана.

Тайлер принял подачу и отбил домой. Когда пыль улеглась, судья скрестил руки, после чего провел их по своим бокам.

— Сейф!

Я закричал, побежав к дому, и команда последовала за мной. Мы все столпились вокруг Дианы, стали обнимать ее, хвалить и смеяться. Родители стали поздравлять Дианиных «Little Dodgers». Диана взвизгнула и упала, обнимая мальчиков и кряхтя, когда они все на нее навалились.

После того, как мы отпраздновали победу в последнем турнире, и мальчики со своими родителями помахали нам на прощание, я крепко обнял свою жену.

— Ты разбушевалась! — Сказал я. — Мэттс Мустангги не знали, с кем столкнулись.

Она ухмыльнулась, изогнув бровь.

— Я же говорила, что они меня недооценивают.

— Так и есть. Хорошо справились с целой командой, тренер. Отличный сезон.

— Спасибо, — сказала она, чмокнув меня в щеку. Она потерла мою щетину костяшками пальцев. — Надеюсь, тебе нравится идея обо мне и команде мальчиков.

Я хихикнул в недоумении.

— Что ты имеешь в виду?

Она подняла сумку с теннисными мячиками и перекинула через плечо.

— Я беременна.

Я застыл с отвисшей челюстью, пока она шла к машине. Я посмотрел вниз на близнецов.

— Правда?

— Правда! — Крикнула она в ответ. Она поднесла ко рту большой палец и мизинец и пронзительно свистнула.

— По местам!

Томас, Тэйлор и Тайлер побежали за мамой.

Я выдохнул, надув щеки, а затем глубоко вздохнул. Я кивнул.

— Ну, хорошо. — Ребята шли со своими битами и перчатками, а я нес все остальное, натянув на голову бейсболку «Little Dodger». — Давай сделаем это.

Трентон отошел от Томаса, Трэвиса, Тэйлора, Тайлера и Шепли и поплелся на подиум — настала его очередь. Это были третья похороны в нашей семье за шесть недель. О его горе и бессонных ночных рассказывали фиолетовые мешки под глазами и поникшие плечи. Послышалось шуршание от разворачиваемого листка со словами, которые он

написал через несколько дней после того, как я его оставил. На нем было множество размазанных следов от ластика, зачеркиваний и следов от слез.

— Папа. — Он вздохнул. — Когда я сел писать это письмо, я старался думать о том, каким прекрасным отцом ты был. О сотнях раз, когда мы с тобой смеялись, или просто о моментах, которые мне запомнились. Но все, о чем я могу думать... Это о том, как мне грустно, что тебя больше нет, и как я буду по тебе скучать. Я буду скучать по твоим советам. Ты знал все обо всем, и ты всегда знал, что нужно сказать, страдал ли я или просто принимал решение. Даже когда я поступал неправильно, ты никогда... — Он покачал головой и сжал губы, пытаясь сдержать слезы, — не судил нас. Ты принимал нас и любил за то, кем мы были, даже когда нас сложно было любить. И так было с каждым из нас. Наши жены называли тебя папой, и ты действительно был им для них. Оливия... называла тебя Большим папой, и она делала это искренне. Я счастлив за то, что где бы вы не находились, вы будете вместе. Я буду скучать по историям, которые ты рассказывал о маме. Я чувствовал себя рядом с ней, сколько бы лет не проходило, потому что ты говорил о ней, говорил так, будто она все еще была с нами. Я рад, что ты, наконец, сможешь снова быть с ней. Я не рассказываю столько вещей о тебе, пап. Их невозможно перечислить все. Но всем нам повезло, что у нас было это время с тобой. Каждый, кто сталкивался с тобой, становился лучше, и это навсегда его меняло. И сейчас мы тоже навсегда изменились, потому что тебя больше нет.

— Держитесь подальше от дороги, — сказал Томас своим идентичным братьям.

Игрушечные пожарные машинки близнецов летели в метре от тротуара в двух кварталах от нашего дома, беспорядочно двигаясь и периодически врезаясь друг в друга. Я сжимал крошечную ручку Трентона, который ковылял рядом со мной в подгузнике, заметном даже через колготки и вельветовые штанишки. Трентон был закутан, словно ребенок эскимосов, а его нос и щеки раскраснелись от ледяного ветра.

Томас отогнал близнецов обратно к центру тротуара, поглубже натаскивая вязаную шапку Тэйлора на уши.

Я застегнул свою куртку, дрожа под тремя слоями одежды и задаваясь вопросом, как Диана могла быть такой счастливой, волоча меня за руку лишь в растянутом свитере и потертых джинсах для беременных. Ее припухший нос покраснел, но она настаивала, что на грани того, чтобы пропитаться потом.

— Осталась одна улица! — Сказала она, подгоняя мальчиков, чтобы они не останавливались перед нами. — Трентон, я не могу видеть тебя, когда ты идешь перед моим животом, так что если ты остановишься прямо перед мамочкой, то она тебя задавит, — сказала она, подгоняя его своими руками. — Там! — Сказала она, указывая на длинную подъездную дорожку. — Тридцать семь тысяч! Можешь в это поверить?

Практически новый фургончик стоял на дорожке, а на лобовом стекле была закреплена еле видная под слоем снега табличка с красной надписью «продается».

Я сглотнул. Мы все еще не выплатили деньги за тот фургон, что был у нас сейчас и еле вмешал нашу семью из шести человек.

— Он выглядит таким новым. Ты уверена, что цена верная?

Диана захлопала в ладоши.

— Я знаю! Это будто небеса бросили его к нашим ногам!

Ее идеальная улыбка и ямочки на левой щеке каждый раз превращали меня в желе, и отказать ей я уже не мог.

— Ладно, дай мне их номер, и я договорюсь о тест драйве.

Диана хлопнула в ладоши и прижала их к груди.

— Правда?

Я кивнул:

— Если это то, чего ты хочешь.

Она подпрыгнула, а затем провела по животу, глядя на него.

— Видишь? Я же тебе говорила! Все будет отлично, малыш Т.

— Мамочка, — сказал Трентон, дергая ее за джинсы.

Диана, совершая медленные движения, аккуратно встала на колени. Она всегда делала так, чтобы оказаться на одном уровне с сыном, которому требовалось ее внимание. Трентон взял ее за указательный палец, а она подняла его ладошку ко рту и поцеловала.

— Да, сэр?

— Мне нравится машина.

— Тебе нравится машина? — Переспросила она и посмотрела на меня. — Слышал, папочка? Трентон хочет машину.

— Тогда она будет нашей, — сказал я, пожимая плечами.

На лицах Трентона и Дианы вспыхнули одинаковые улыбки с одинаковыми ямочками.

— Ты слышал это? — Завизжала она. — Папа достанет нам машину! Хороший выбор, Трентон!

Трентон обхватил шею своей мамы и прижался к ней.

— Люблю тебя, мамочка.

— И я тебя люблю. — Диана оставила влажный поцелуй на щечке Трентона, и он вытер ее, хотя был более чем счастлив получить поцелуй от своей матери. В их глазах она была богиней, способной сделать что угодно. Я проводил большую часть дня, прилагая все чертовы силы, чтобы заслуживать ее.

Я помог ей встать, заметив, как она покачнулась, немного потеряв равновесие.

— Полегче. — Я осторожно взял ее за подбородок большим и указательным пальцами.

— Не знаю, что бы я без тебя делал.

Она подмигнула:

— Продолжай соглашаться со мной, и никогда не узнаешь.

Мальчики обняли друг друга, и после недолгого разговора вперед вышел Трэвис. Он взялся руками за бока трибуны, глядя вниз. Ему потребовалось много времени, чтобы заговорить. Даже со спины я видел, как Эбби прикрыла рот, разделяя с ним боль. Мой младший сын стиснул зубы и оглядел толпу.

— Я думал о том, что хотел бы сказать. На самом деле... Я не знаю, что говорить, потому что у меня нет слов для этого. Ни одного слова. Томас прав. Ты всегда заставлял нас чувствовать себя любимыми, пап. Даже тогда, когда мы этого не заслуживали. Тэйлор и Тайлер правы. Ты был самым сильным из нас. С тобой мы всегда чувствовали себя в безопасности. И как сказал Трент... Ты так много говорил о маме, что я счастлив, что ты наконец снова с ней. Ты хотел этого сильнее, чем свою жизнь, но ты любил нас достаточно, чтобы оставаться с нами так долго, сколько у тебя получилось, и я благодарен за это. Некоторые люди думали, что ты был глуп из-за того, что держался за того, кто больше не вернется, но ты понимал другое. Ты знал, что вернешься к ней. Я...

— Он вздохнул. — Мои братья рассказывали мне о том, что другие дети говорили, что хотели бы иметь таких родителей, как у нас. Если бы я мог выбирать, пережить все снова или иметь других родителей, но в течение всей жизни, я бы выбрал тебя. Я бы выбрал ее. Просто потому, что так бы я смог провести с тобой опять это время. — Из его глаза выкатилась одинокая слеза, и он шмыгнул носом. — Я хотел бы прожить еще одну жизнь с тобой, и словами не описать, как много это значит для меня. Словами не описать, как прекрасна была твоя любовь, и какое влияние она оказала на твоих детей уже задолго после того, как умерла мама. Любовь, которую ты нам показал, останется с нами надолго.

Я нахмурился и поерзal в кресле, сидя возле больничной кровати моей жены, которую мы купили, как только наняли медсестру. Диана держала Трэвиса на руках, из которых тянулись катетеры, и обнимала его в последний раз. Она сдерживала слезы, пока Томас не унес брата в коридор.

Она закрыла рот, и ее усталые впавшие глаза смотрели на меня с вопросами, ответов на которые у меня не было.

— Он не вспомнит меня, — прошептала она рваным голосом. Ее тело перенесло химиотерапию и облучение, лысую голову покрывал платок. Она упорно боролась так долго, как могла, остановившись лишь тогда, когда врачи сообщили, что у нее осталось только несколько дней с мальчиками.

— Он будет тебя помнить. Я не позволю ему забыть.

Ее нижняя губа задрожала, и она прикрыла глаза, кивая.

— Мне так жаль.

Я взял ее за руку и прижался губами к костяшкам похудевших пальцев.

— Тебе не о чем сожалеть, любовь моя. Ты сделала все, что могла.

Она закрыла глаза.

— Я боюсь.

— Можешь не бояться. Я буду с тобой, пока все не закончится.

— Я не хочу, что все заканчивалось.

— Я знаю, — ответил я. Я залез к ней в постель, укладывая ее голову себе на грудь, и она поудобнее устроилась. Потребовалось собрать все оставшиеся у меня силы, чтобы оставаться сильным рядом с ней. Она была сильной для мальчиков и меня все эти годы. Я обязан был ей это.

Диана кивнула головой, и слезы потекли по ее лицу. Она прижалась ко мне щекой.

— Я люблю тебя, Диана. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя. — Я держал свою жену, пока ее дыхание не выровнялось, а затем губами коснулся ее лба, когда паузы между вдохами увеличились. — Я люблю тебя, — шептал я. — Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.

Когда она выдохнула в последний раз, я стал смотреть, как медсестра, Бекки, проверяет пульс Дианы на запястье, а затем слушает ее через стетоскоп. Бекки вытащила наушники и извиняюще улыбнулась мне.

— Она ушла, Джим.

Я втянул воздух и завопил. Я знал, что мои сыновья были за дверью, но никогда в своей жизни я не чувствовал столько боли.

Я не был достаточно силен, чтобы сдержаться. Я нежно взял в руки лицо Дианы и поцеловал ее в щеку.

— Я люблю тебя. — Я поцеловал ее снова, чувствуя, как от слез намокло лицо. — Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя. — Я уткнулся лицом в ее шею и зарыдал.

Трэвис отошел от трибуны, и мальчики обняли друг друга, прежде чем спуститься за сценой во главе с Томасом. Заиграла песня, под которую мы с Дианой танцевали на свадьбе, и мои сыновья заняли пустые места рядом со своими женами. Трентон согнулся, все его тело тряслось. Камилла и Тэйлор коснулись его спины. Камилла зашептала что-то ему на ухо, и он прижался своей головой к ее подбородку.

Часть меня хотела остаться, чтобы смотреть на них и направлять их, но меня тянула назад сила, которую я не мог игнорировать сейчас так же, как и больше сорока лет назад.

Моего плеча коснулась тонкая рука, и я, обернувшись, увидел лицо своей жены. Она села рядом со мной и взяла мои руки в свои.

Мои глаза заслезились:

— Я ждал тебя.

Она пару секунд смотрела, как говорит пастор, затем повернулась ко мне. На ее лица была умиротворения улыбка, а в глазах застыли слезы.

— Я тоже.

— Я сделал все возможное.

Я переплел свои пальцы с ее, и она сжала мою руку.

— Ты был замечательным. Я знала, что ты сможешь.

Я поднес ее руку к своим губам и закрыл глаза. Я почувствовал покой, которого не ощущал с тех пор, как она умерла. Она встала, потянув меня к двойным дверям в конце зала.

— Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя, — сказала она, ведя меня за собой. Она толкнула дверь, с той улыбкой, в которую я когда-то влюбился, и отошла назад. Она выглядела в точности как до своей болезни; счастливая, сильная, сногсшибательно красивая женщина, которую я помнил. Я не мог оторвать от нее взгляд так же, как и тогда. Я так скучал по тому, как мог бесстыдно смотреть на нее, но оглянулся в последний раз на своих сыновей.

Диана обхватила мою руку и опустила голову на плечо.

— С ними все будет хорошо.

— Я знаю.

Я поцеловал ее в висок, и мы прошли в двойные двери. Наше прошлое было настоящим, а настоящее — прошлым. Точно как она и обещала, мы были снова вместе; никакой боли, никакой болезни, только любовь. И когда любовь была настоящей, она была вечной.

КОНЕЦ.